ВИЦЕ-АДМИРАЛЪ
ГРИГОРІЙ ПАВЛОВИЧЪ
ЧУХНИНЪ

19 07.
СОБСТ-
ВЕННАЯ
:ЕГО:
ВЕЛИЧЕСТВА
БИБЛІО-
ТЕКА:
ЗИМНІЙ
ДВОРЕЦЪ

НЕ КОПИРОВАТЬ

24323
D

С 53/190 С1

966

ВИЦЕ-АДМИРАЛЪ ГРИГОРІЙ ПАВЛОВИЧЪ ЧУХНИНЪ

ПО ВОСПОМИНАНІЯМЪ СОСЛУЖИВЦЕВЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. БѢЛОМОРА

Художественая редакція
·ИЛЬИНА·

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА

ф 27697-41

2014104344

Печатано
въ типографіи
Голике и Вильборгъ
СПб. 1909.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

МОЛОДОМУ ПОКОЛѢНІЮ
РУССКИХЪ МОРЯКОВЪ
И
КОЛЫБЕЛИ ИХЪ
МОРСКОМУ КОРПУСУ.

Мы подавили здѣсь революцію, за что на наши головы посыпятся проклятія со всѣхъ сторонъ во всѣхъ газетахъ и устно на всѣхъ перекресткахъ, но не раздадутся русскіе голоса въ одобреніе или поддержку борцовъ за цѣлость государства.

Все Русское общество парализовано, въ этомъ вся опасность, дѣятельны и работаютъ не покладая рукъ для разрушенія государства одни ~~наши~~ инородцы при помощи русскихъ же людей.

Русскихъ людей невидимо для нихъ евреи ведутъ къ междоусобной войнѣ къ самоуничтоженію на чемъ они хотятъ устроить свою силу.

Или это понимаютъ но нѣтъ величія духа для противодѣйствія. Необходимо отъ Церкви и Царя, чтобы Государство знало куда идетъ. Надо объявить государство въ опасности

Изъ донесеній Г. П. Чухнина отъ 17-го и 22-го ноября 1905 г.

Издавая настоящую книгу, я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ, объясняющихъ ея появленіе.

Мысль объ изданіи не принадлежитъ только моей иниціативѣ, а зародилась въ сердцахъ многихъ лицъ, знавшихъ покойнаго адмирала и приславшихъ мнѣ свои воспоминанія и записки о совмѣстной службѣ съ нимъ.

Съ живѣйшимъ сочувствіемъ я отнеслась къ ихъ искреннему и сердечному желанію — увѣковѣчить память Григорія Павловича и приняла на себя трудъ изданія настоящихъ краткихъ записокъ.

Многое въ этомъ трудѣ представляется несовершеннымъ со стороны его литературной обработки, но желаніе сохранить правдивость и объективность авторовъ воспоминаній и записокъ заставило примириться съ нѣкоторыми шероховатостями слога.

Всѣ присланныя мнѣ записки и воспоминанія, составленныя разными лицами, близко и коротко знавшими адмирала въ различныхъ мѣстахъ ихъ совмѣстной службы съ нимъ, связаны между собою одною общею нитью, рѣзко и постоянно обозначающею существеннѣйшія черты характера и весь смыслъ его жизни. А вся его жизнь была направлена исключительно къ твердому исполненію долга воина и гражданина и посвящена непрестанному труду на славу родины и ея флота, ни на минуту не поступаясь своею честью ни передъ чѣмъ и ни передъ кѣмъ.

И мнѣ кажется, что молодому поколѣнію моряковъ и ихъ колыбели — Морскому Корпусу должны быть посвящены эти правдивыя воспоминанія очевидцевъ и сослуживцевъ адмирала, такъ горячо любившаго флотъ и отдавшаго ему всѣ свои силы до послѣдней капли крови...

М. Чухнина.

ПРЕДИСЛОВІЕ

30-го іюня 1906 года телеграфъ разнесъ по всей Россіи извѣстіе о кончинѣ Главнаго Командира Черноморскаго флота и портовъ Чернаго моря Григорія Павловича Чухнина.

Смерть его не была неожиданностью не потому только, что о смертельной ранѣ, нанесенной изъ-за куста убійцею, знали еще наканунѣ, но и потому, что покойный адмиралъ, исполняя свой высокій долгъ, уже давно былъ намѣченной жертвой революціонеровъ, видѣвшихъ въ немъ непреодолимое препятствіе на пути ихъ предательской дѣятельности, направленной на пагубу Черноморскаго флота.

Жизнь была прервана на 58 году, когда работа умнаго, опытнаго и энергичнаго адмирала уже сулила успокоеніе въ возмущенномъ Севастополѣ, когда вѣрные присягѣ начинали глубоко сознавать тлетворное вліяніе горсти революціонеровъ, посягавшихъ на славу и доблесть черноморскихъ моряковъ...

Жизнь была прервана, когда она была драгоцѣнна для флота... Но жизнь и смерть въ рукахъ Вседержителя.

Подчиняясь безропотно волѣ Его, русскіе моряки сохранятъ память о своемъ безвременно скончавшемся товарищѣ и учителѣ дотолѣ, пока незапятнанный Андреевскій флагъ будетъ развѣваться на моряхъ и океанахъ.

Вся жизнь покойнаго была посвящена русскому флоту и можно смѣло утверждать, что каждый шагъ Григорія Павловича на поприщѣ служенія ему будетъ хорошимъ и достойнымъ подражанія примѣромъ.

А. Бѣломоръ.

Телеграммы **ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА**, соизволившаго осчастливить Главнаго Командира послѣ перваго на него покушенія 27-го января 1906 года, второго 28-го іюня и 29-го іюня вдову адмирала:

„Возмущенъ до глубины души гнуснымъ покушеніемъ противъ Васъ. Ея Величество и Я желаемъ Вамъ скораго выздоровленія. Да благословитъ Васъ Господь.

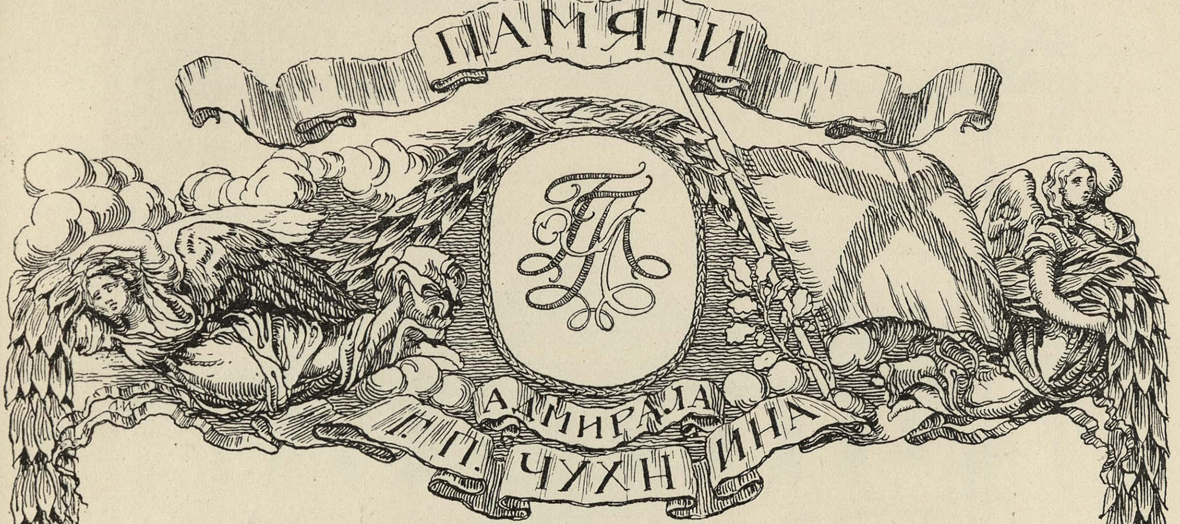
НИКОЛАЙ“.

„Глубоко удрученъ вторичнымъ возмутительнымъ злодѣйскимъ покушеніемъ на жизнь честнѣйшаго слуги Престола и Отечества мужественно охраняющаго воинскую дисциплину Черноморскихъ командъ для блага и силы Нашего флота. Да исцѣлитъ Васъ Господь. Всей душою съ Вами.

НИКОЛАЙ“.

„Глубоко опечаленъ горестною вѣстью о смерти уважаемаго Григорія Павловича, потеря его очень тяжела для Меня и для флота, вмѣстѣ съ нимъ дѣлю Вашу скорбь. Да укрѣпитъ Васъ Господь въ Вашемъ ужасномъ горѣ.

НИКОЛАЙ“.

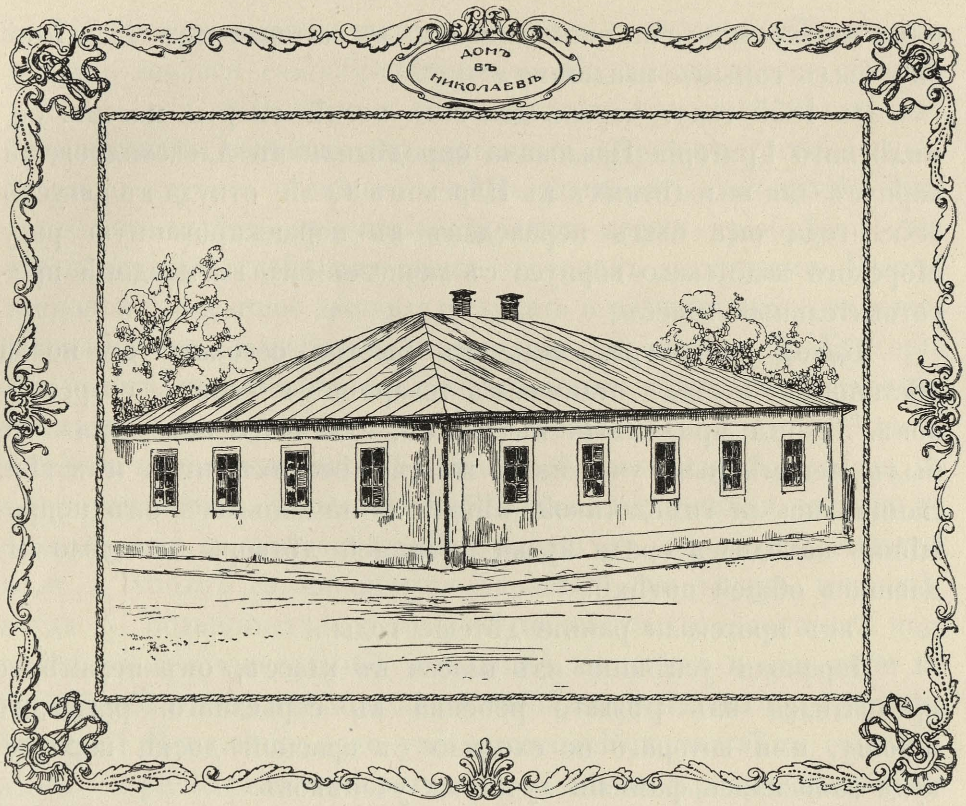
Онъ палъ какъ герой, до конца на посту
Служа беззавѣтно Отчизнѣ;
Онъ свято исполнилъ предъ нею свой долгъ,
Для нея не щадя своей жизни.

Среди бушевавшихъ вокругъ него бурь,
Безчисленныхъ смутъ и волненій
Стоялъ, какъ скала, онъ, незыблемо твердъ,
Хранитель святыхъ убѣжденій.

Не жаждалъ онъ мелкихъ, дешевыхъ похвалъ
Толпы подкупной и ничтожной,
Онъ совѣсти лишь одобренья искалъ,
И всею душою всегда презиралъ
Трусливыхъ уступокъ путь ложный.

О, вѣчная память да будетъ тебѣ,
Завѣтовъ святыхъ исполнитель...
Погибъ, но не сдался ты въ страшной борьбѣ,
Отчизны вѣрнѣйшій служитель...

А. Г.

ГРИГОРІЙ ПАВЛОВИЧЪ ЧУХНИНЪ родился 23-го января 1848 г.

Отецъ его (изъ дворянъ Херсонской губерніи), офицеръ морской артиллеріи, служилъ въ Николаевѣ, во время Севастопольской войны былъ посланъ на охрану береговъ Дуная; участвовалъ въ сраженіи, и по окончаніи кампаніи назначенъ экипажнымъ командиромъ, вскорѣ послѣ чего закончилъ службу, выйдя въ отставку въ чинѣ полковника. Старшій братъ прослужилъ 4 года въ Балтійскомъ флотѣ мичманомъ, перевелся въ Черноморскій флотъ и въ Севастопольскую кампанію былъ тяжело раненъ въ голову, вслѣдствіе чего вышелъ въ отставку и умеръ въ чинѣ лейтенанта.

Ранніе дѣтскіе годы Григорія Павловича прошли въ тѣс-

номъ кругу многочисленной семьи, въ которой изъ 12 дѣтей онъ былъ самымъ младшимъ.

Въ 1855 году, черезъ два года послѣ смерти матери, семилѣтняго Григорія Павловича опредѣлили въ Александровскій корпусъ для малолѣтнихъ въ Царскомъ Селѣ, откуда въ августѣ 1858 года онъ былъ переведенъ въ неранжированную роту Морского кадетскаго корпуса съ зачисленіемъ въ младшій приготовительный классъ.

Живой по натурѣ, мальчикъ быстро освоился съ новой обстановкой и сталъ отличнымъ товарищемъ своихъ сверстниковъ. Всегда прилежный въ классѣ, отличнаго поведенія—это былъ неизмѣнный участникъ всѣхъ дѣтскихъ игръ и затѣй. Занимались-ли гимнастикой, бѣгали ли на конькахъ, онъ непремѣнно находился среди кучки шумящей дѣтворы, всецѣло отдавшись общей потѣхѣ.

Такъ протекали ранніе дѣтскіе годы...

Переходя успѣшно изъ класса въ классъ, онъ незамѣтно превратился изъ рѣзваго ребенка въ серьезнаго, развитого юношу, имя котораго не сходило съ красной доски корпуса, куда заносились фамиліи лучшихъ учениковъ.

Эти юношескіе годы, проведенные Григоріемъ Павловичемъ по сложившимся обстоятельствамъ въ стѣнахъ корпуса, имѣли серьезное значеніе для всей его будущей жизни и дѣятельности. Здѣсь, среди усидчивыхъ занятій и строгостей военной школы, подъ бдительнымъ контролемъ рано проявившагося критическаго самоанализа росли и крѣпли заложенные въ душу зачатки, которымъ суждено было проявиться позднѣе ярко-основными чертами характера, выдающагося по силѣ и твердости выработанныхъ принциповъ и убѣжденій.

По свидѣтельству корпусныхъ товарищей жизнь Григорія Павловича въ корпусѣ была не изъ веселыхъ.

Не имѣя въ Петербургѣ родныхъ и знакомыхъ, онъ лишенъ былъ возможности пользоваться воскресными отпусками и ограничивался лишь тѣми удовольствіями, которыя доставлялъ ему корпусъ. Лѣто проводилъ въ баракахъ Морского корпуса, расположенныхъ недалеко отъ Ораніенбаума.

Предоставленный, такимъ образомъ, самому себѣ, юноша усердно занялся самообразованіемъ. Не довольствуясь одними уроками, онъ постоянно и много читалъ, при чемъ дѣлалъ изъ прочитаннаго выписки или составлялъ конспекты, чтобы основательно изучить читаемое и тѣмъ расширить свои знанія. Уже тогда онъ видѣлъ, что только трудомъ можно пріобрѣсти знанія и все свое свободное время проводилъ за книгами. Прочитанное и записанное заставляло думать и размышлять,—являлось сужденіе, что вырабатывало взгляды на жизнь. И Григорій Павловичъ старался, чтобы пріобрѣтаемыя убѣжденія проходили въ жизнь, почему слова и желанія не расходились съ дѣломъ, что онъ и доказалъ впослѣдствіи всей своей службой. Мало по малу усидчивый и постоянный трудъ, неутомимая энергія въ саморазвитіи и самовоспитаніи привели къ выработкѣ сильной воли и вполнѣ сложившемуся характеру въ такомъ возрастѣ, когда у большинства молодыхъ людей только начинаетъ еще проявляться сознательное отношеніе къ жизни и они даже не вполнѣ обладаютъ установившимися нравственными принципами. Григорій Павловичъ—это уже сложившійся человѣкъ съ твердыми, опредѣленными взглядами. Сколько продуманности въ слѣдующихъ строкахъ 18-тилѣтняго юноши:

„Если обсудить разъ, другой, десятый разъ, то врѣжется въ памяти прочно и, когда случится раздражаться, то, при усиліи воли, можно вызвать въ умѣ представленіе о своей ошибкѣ или несправедливости и сознаніе, что въ такихъ случаяхъ человѣкъ не правъ. Все это въ совокупности даетъ возможность сдерживаться и не оскорблять другого. Я знаю, что много исправилъ свой характеръ, въ особенности въ отношеніи къ другимъ, къ уваженію ихъ личности. Надо принудить себя дѣлать не то, что нравится, не потакать своей раздражительности или слабостямъ, а, наоборотъ, заставлять себя дѣлать, хотя и непріятное, но то, что признано тобой полезнымъ или необходимымъ. И разъ воля возьметъ верхъ, то будешь чувствовать удовлетвореніе побѣды надъ самимъ собой".

Лѣто 1861 года въ первый разъ Григорій Павловичъ провелъ въ плаваніи на парусномъ фрегатѣ „Касторъ", и дѣло

кадетъ было наготовить для фрегата весь такелажъ и вооружить его, не исключая отакелаживанія парусовъ.

Отрядъ Морского корпуса плавалъ въ то время подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Воина Андреевича Римскаго-Корсакова, который осенью того же года былъ назначенъ директоромъ корпуса.

Умный, энергичный, въ высшей степени справедливый и образованный начальникъ сразу пріобрѣлъ любовь своихъ воспитанниковъ. Что-же касается Григорія Павловича, то вліяніе Воина Андреевича на него было такъ велико, что ученикъ, по возможности, старался во всемъ подражать своему директору, считая Римскаго-Корсакова образцемъ, достойнымъ примѣра. Да и въ своей послѣдующей службѣ Григорій Павловичъ вспоминалъ:

„Двухъ путеводителей моей службы, адмираловъ В. А. Римскаго-Корсакова и Г. И. Бутакова я всегда любилъ и уважалъ, считалъ авторитетами и образцами для меня. Теперь прошло много лѣтъ, какъ они умерли, а ихъ образъ, ихъ духъ для меня также дорогъ, также служитъ образцомъ, къ которому я стремлюсь".

Къ этому времени надо отнести и проявленіе у Григорія Павловича особой страсти къ изучаемому имъ дѣлу. Серьезно занимаясь науками и въ свободное время весь отдавшись ознакомленію съ спеціальной морской литературой, Григорій Павловичъ быстро выдѣлился среди учениковъ, помогая своимъ товарищамъ въ разъясненіи уроковъ и приготовленіи экзаменовъ.

4-го апрѣля 1865 г. былъ произведенъ въ карабельные гардемарины.

Такъ, вдали отъ родныхъ, чуждый ласкъ семьи, отъ раннихъ лѣтъ предоставленный самому себѣ и заботамъ корпуснаго начальства, провелъ Григорій Павловичъ свои дѣтскіе и юношескіе годы въ стѣнахъ морского корпуса, а результаты серьезной и сложной работы раннихъ лѣтъ надъ самимъ собой и своимъ образованіемъ не замедлили проявиться, ставъ твердой основой для всей будущей жизни и дѣятельности непоколебимо-стойкаго человѣка.

Оба года, 1865—67, въ званіи гардемарина Григорій Павловичъ провелъ въ плаваніи: 1-й—на судахъ практической эскадры, 2-й—на фрегатѣ „Свѣтлана" въ Атлантическомъ Океанѣ.

Время заграничнаго плаванія оказалось отличной практической школой, гдѣ молодой, энергичный и жаждавшій знаній юноша имѣлъ возможность примѣнить свои силы на дѣлѣ. Уже въ это время ему поручались самостоятельныя работы по приведенію въ порядокъ частей корабля, и онъ постепенно пріучался нести офицерскую службу подъ руководствомъ вахтенныхъ начальниковъ.

„Бодрый духъ—только въ здоровомъ тѣлѣ", говоритъ латинская пословица. Не отличаясь въ молодости крѣпкимъ здоровьемъ и предполагая у себя зачатки серьезной грудной болѣзни, Григорій Павловичъ рѣшилъ, что только систематическій строгій режимъ можетъ укрѣпить организмъ и сохранить его для морской службы, которой, по выходѣ изъ корпуса, онъ отдался съ увлеченіемъ и которая такъ подходила къ его живой и энергичной натурѣ.

Достаточно было проявиться этому убѣжденію, чтобы приступить къ осуществленію идеи на практикѣ.

Онъ сталъ закалять свое здоровье и вести самый умѣренный и скромный образъ жизни. Ежедневно съ утра обливаясь холодной водой, или принимая холодныя ванны, Григорій Павловичъ ограничивалъ себя въ ѣдѣ, постоянно занимался гимнастикой, никогда не носилъ теплаго платья и спалъ подъ одной простыней.

„Другой разъ,—говорилъ Григорій Павловичъ, мерзнешь; койка около борта холодная; завернешься въ простыню, холодъ пробираетъ. Одѣяло лежитъ рядомъ на стулѣ, соблазнъ большой, взять нельзя".

Привычки юноши остались и въ зрѣломъ возрастѣ. Значительно позднѣе, уже въ офицерскихъ чинахъ, онъ соблюдалъ одинъ и тотъ же принципъ твердаго выполненія выработанныхъ для укрѣпленія тѣла правилъ, не позволяя никакихъ отступленій, даже оправдываемыхъ, быть можетъ, условіями и обстоятельствами момента.

Понимая, насколько необходимо для моряка знаніе языковъ, Григорій Павловичъ по выходѣ изъ корпуса принялся за серьезное изученіе ихъ, особенно англійскаго.

Оригиналенъ методъ, выбранный имъ, невольно подчеркивающій еще разъ огромную силу воли въ достиженіи успѣшныхъ результатовъ всякой задуманной работы.

Онъ принялся сначала за детальное штудированіе руководства, испещряя всѣ поля мелкими замѣтками, дѣлая переводы съ русскаго на англійскій языкъ. Но этого ему показалось мало и возникъ новый урокъ.

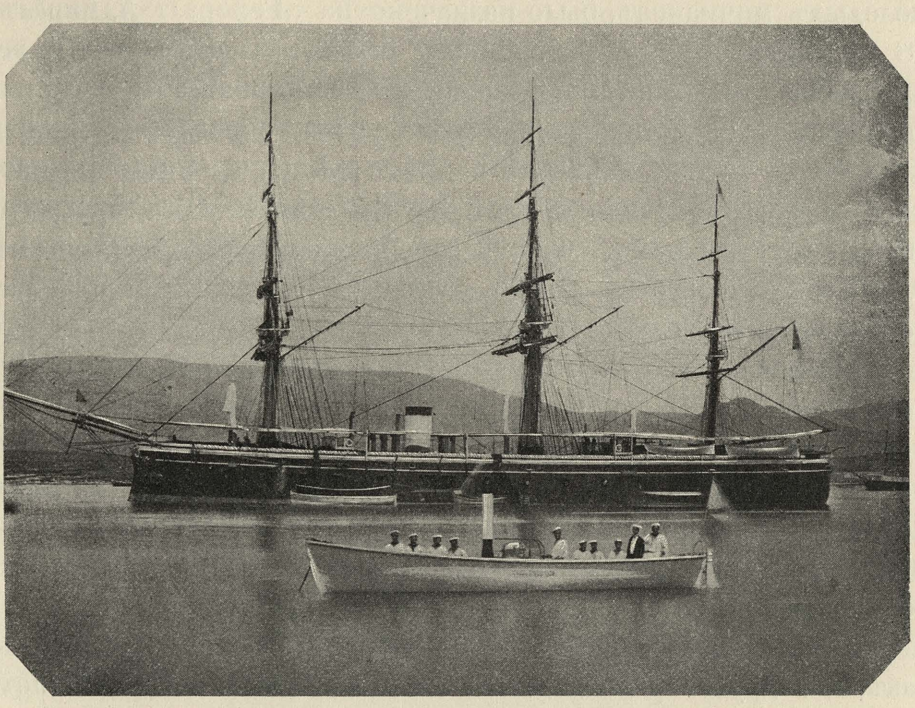
Ежедневно онъ сталъ заучивать по нѣсколько сотенъ словъ изъ лексикона Александрова; сообразно съ достигаемыми успѣхами, онъ увеличивалъ заучиваніе словъ, пока оба лексикона не были выучены наизусть. Затѣмъ наступили часы занятій практическимъ изученіемъ, которому Григорій Павловичъ отдавалъ все свободное отъ службы время.

Позднѣе, во время экспедиціи въ Америку въ 1878 г., воспользовавшись пребываніемъ въ странѣ англійскаго языка, Григорій Павловичъ снова предался усидчивымъ занятіямъ, особенно трудясь надъ выработкой правильнаго произношенія.

При требованіяхъ столь исключительнаго характера и склада ума, Григорій Павловичъ былъ одаренъ отъ природы богатыми способностями. Онъ рисовалъ карандашемъ, тушью, акварелью, не зная притомъ техническихъ пріемовъ рисованія. Его рисунки доказываютъ ту удивительную точность и аккуратность исполненія, которыя онъ вносилъ въ каждое дѣло, желая все сдѣлать, все знать.

4-го августа 1867 г. Григорій Павловичъ былъ произведенъ въ мичманы со старшинствомъ, назначенъ на мониторъ „Латникъ", на которомъ пробылъ 2 года. 1-го января 1871 г. онъ былъ произведенъ въ лейтенанты. Съ 1869—1876 гг. онъ вооружалъ и плавалъ на фрегатѣ „Князь Пожарскій", подъ командою К. Л. Басаргина, проведя 1873—1875 гг. въ Средиземномъ морѣ. Слѣдующее плаваніе было на корветѣ „Варягъ".

Въ 1878 г. онъ участвовалъ въ экспедиціи въ Америку

Катеръ съ фрегата „Князь Пожарскій".

старшимъ офицеромъ крейсера „Азія" и за отличіе былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты.

1880—1881 гг. Григорій Павловичъ плавалъ въ Средиземномъ морѣ старшимъ офицеромъ на корветѣ „Аскольдъ".

Въ 1882 г. Григорій Павловичъ былъ назначенъ старшимъ офицеромъ на фрегатъ „Генералъ-Адмиралъ", плавая 1884—1885 гг. въ Средиземномъ морѣ въ отрядѣ контръ-адмирала Казнакова.

„Я только слышалъ разсказы товарищей о „грозѣ—старшемъ офицерѣ", пока самъ не попалъ на фрегатъ", вспоминаетъ о совмѣстномъ плаваніи одинъ изъ бывшихъ офицеровъ „Генералъ-Адмирала".

„Тогда, не имѣя еще достаточно судовъ дальняго плаванія, начальство назначало обыкновенно сверхъ комплекта молодыхъ офицеровъ на суда, уходившія за границу въ плаваніе. Насъ,

молодыхъ мичмановъ, было назначено на „Генералъ-Адмиралъ“ 18 человѣкъ. Всѣ изъ хорошихъ семей, въ отдѣльности все прекрасные и воспитанные люди, въ массѣ мичманы представляли толпу, съ которой надо было умѣть справляться и держать ее въ рукахъ. Тѣмъ не менѣе, я думаю, что никто изъ насъ не отозвался бы дурно о Григоріи Павловичѣ. Онъ прекрасно справлялся съ нами, будучи требовательнымъ и строгимъ; съумѣлъ научить насъ любить свое судно, свое дѣло, пріучилъ хотѣть и умѣть служить.

Мичманы выходили на работу съ командой и отпускались вмѣстѣ съ нею. Но и попадало же, бывало, тому легкомысленному, который побѣжитъ на минуту выкурить папироску, или на работѣ что-либо прозѣваетъ. Но не было ропота, не было неудовольствія, потому что всѣ мы его уважали: своимъ знаніемъ, личнымъ трудомъ и энергіей—онъ былъ для насъ что-то необыкновенное.

Хотя случалось, что онъ пробиралъ насъ и „разносилъ“ такъ, что другой разъ за одинъ день холодный и горячій потъ не разъ смѣнятся, но все-таки былъ съ нами друженъ и ласковъ, какъ отецъ. Никогда я не чувствовалъ себя обиженнымъ, придя послѣ хорошаго разноса въ каютъ-компанію. Чувствовалось, что тутъ не старшій офицеръ, а старшій товарищъ.

Онъ терпѣть не могъ неправды; никогда за откровенное сознаніе не пробиралъ, но отечески и спокойно разъяснялъ ошибку, сдѣланную нами. Благодаря этому, онъ пріучилъ насъ быть съ нимъ откровенными, и мы привыкли сообщать ему и дѣлиться съ нимъ своими частными горестями, къ которымъ всегда встрѣчали и сочувствіе и сердечное вниманіе.

Въ каютъ-компаніи Григорій Павловичъ былъ пріятнымъ собесѣдникомъ. Часто мы засиживались до позднихъ часовъ въ откровенной и дружеской бесѣдѣ, въ которой выяснялись его сердечность и взгляды честнаго человѣка.

Готовясь тогда къ разрыву съ Англіей, въ своемъ старшемъ офицерѣ мы видѣли честнаго и мужественнаго начальника, съумѣвшаго вселить въ насъ готовность умереть за родину и сознаніе, что бой, если будетъ, долженъ кончиться или полной

побѣдой, или смертью. Онъ училъ и воспитывалъ насъ, и вліяніе его на насъ было большое.

Григорій Павловичъ былъ неутомимъ съ перваго дня плаванія до спуска вымпела. Его будили вмѣстѣ съ командой, ложился же онъ послѣднимъ, убѣдившись сперва въ полной исправности всего корабля. Впродолженіе дня онъ лично наблюдалъ за всякой малостью и нигдѣ его глазъ ничего не оставлялъ безъ вниманія. Иногда съ вахты посылалось нѣсколько разсыльныхъ искать старшаго офицера, весь фрегатъ его ищетъ и найдутъ гдѣ-нибудь въ отсѣкѣ, гдѣ онъ приводитъ что-нибудь въ порядокъ. Ни одинъ человѣкъ, бывало, не проработаетъ коекакъ на кораблѣ, не говоря о томъ, чтобы спрятаться отъ работы: все старшій офицеръ узнаетъ, вездѣ его найдетъ. Неоднократно Григорію Павловичу приходилось лично показывать унтеръ-офицерамъ, какъ слѣдуетъ производить такелажныя работы; ничего не могло остаться неисправнымъ и въ рангоутѣ, такъ какъ старшій офицеръ въ одинъ моментъ взбѣжитъ на марсъ или на салингъ, и ничто тамъ не ускользнетъ отъ его опытнаго глаза.

Для правильнаго и успѣшнаго обученія дѣлу команды, у Григорія Павловича былъ выработанъ своего рода методъ, при которомъ болѣе способные быстро переходили отъ одного занятія къ другому, другіе же занимались до тѣхъ поръ, пока онъ не убѣждался въ прочномъ знаніи проходимаго ими предмета. Вторымъ условіемъ было — сознательное исполненіе каждымъ своей работы. Чисто механическое исполненіе отдаваемыхъ приказаній не удовлетворяло требованіямъ характера, привыкшаго съ малыхъ лѣтъ не только аккуратно относиться къ выполненію своихъ обязанностей, но и глубоко вникать въ смыслъ предъявляемыхъ требованій. При такой постановкѣ дѣла, что же было удивительнаго, если всякая работа выполнялась не только быстро и удовлетворительно въ чисто техническомъ смыслѣ, но и всякій изъ команды зналъ, насколько важна его исполнительность и къ чему можетъ повести иной разъ незнаніе, невниманіе или небрежность только одного человѣка. И это умѣло внушенное сознаніе отвѣтственности и долга обезпечи-

вало въ значительной мѣрѣ то прекрасное состоянiе судна, которое многiе, лишь по наслышкѣ, объясняли сурово примѣняемыми мѣрами крутой дисциплины".

,,Въ 1886 году мнѣ, пишетъ одинъ изъ товарищей Григорiя Павловича, пришлось быть послѣ него старшимъ офицеромъ на ,,Генералъ-Адмиралѣ", и команда не разъ мнѣ говорила, что первый годъ трудно было приноровиться къ нему, но второй годъ любо было служить. Каждый зналъ свое дѣло, во всемъ былъ полный порядокъ. А старый боцманъ такъ плакалъ, вспоминая о немъ: я, говоритъ, при Григорiи Павловичѣ былъ, какъ у Христа за пазухой".

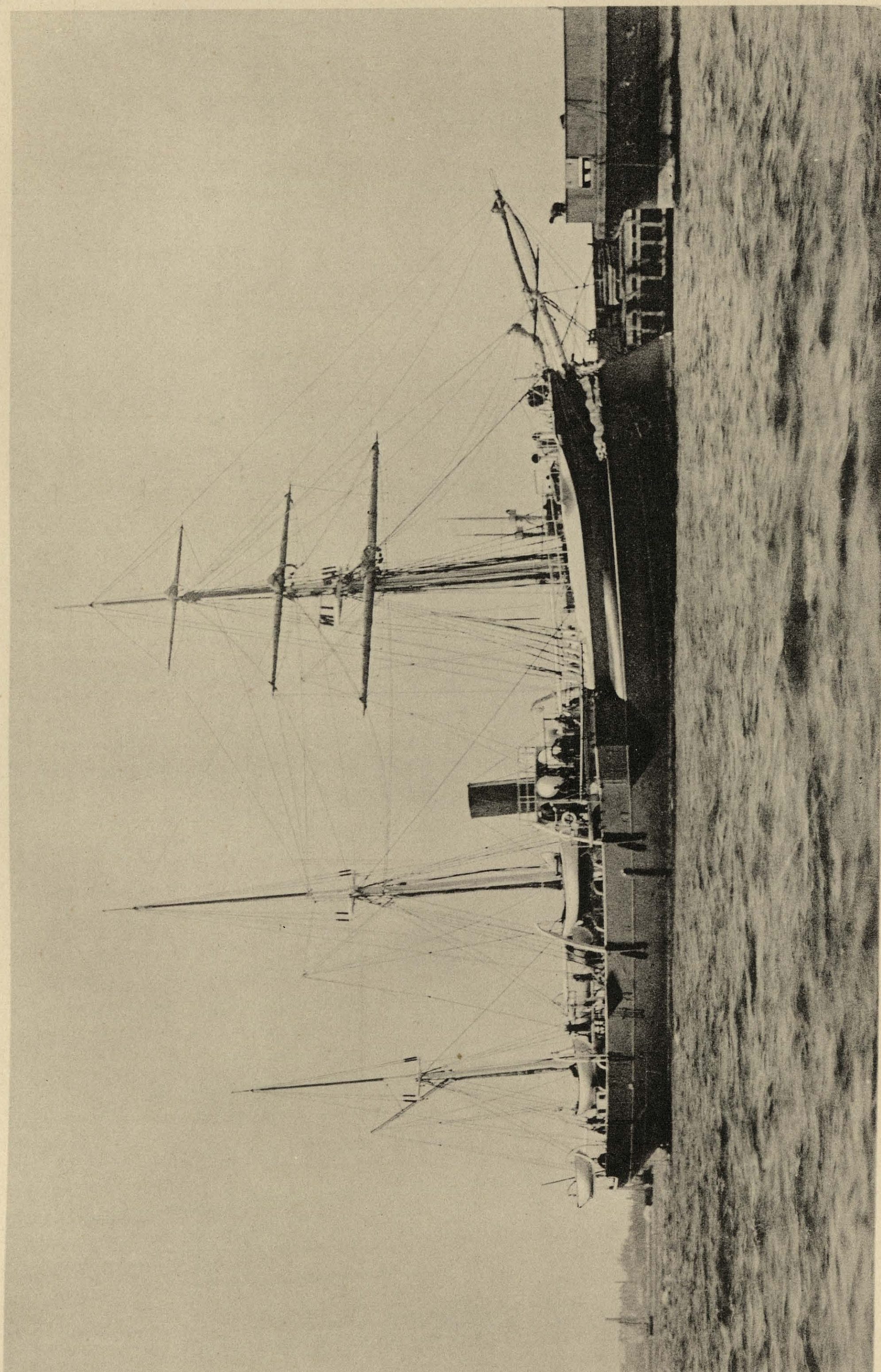

,,Генералъ-Адмиралъ".

МАНДЖУРЪ

Канонерская лодка „Манджуръ“.

„Зимняя лунная ночь... На небѣ ни облачка... NO-вый муссонъ, пронесясь надъ обширнымъ плесомъ, развелъ порядочное волненіе. Неясными, темными массами встаютъ изъ-за моря громады острововъ и скалъ...

„Манджуръ“, мѣрно покачиваясь, съ глухимъ шумомъ рѣжетъ воду. Серебристая пѣна вскипаетъ подъ носомъ и длинной свѣтящейся лентой ложится за кормой. Среди свиста вѣтра и глухихъ ударовъ волнъ о борта привычное ухо гдѣ-то далеко на вѣтрѣ слышитъ зловѣщій ревъ буруна; но напрасно ищетъ вахтенный начальникъ характерной бѣлой полоски: — ночь не выдастъ своей тайны, и зоркій морской глазъ не въ силахъ проникнуть серебристую мглу, окутавшую горизонтъ.

Первый часъ ночи. Офицеры и команда давно спятъ; только на бакѣ у фителя вспыхиваетъ временами красный огонекъ и слышится сдержанный говоръ вахтенныхъ матросовъ.

На правомъ крылѣ мостика, вся освѣщенная луной, высится худощавая фигура командира; сѣрые глаза пытливо смотрятъ въ безвѣстную даль; губы сжаты; брови сосредоточенно сдвинулись, но ни тревоги, ни нетерпѣнія не видно на этомъ худомъ загорѣломъ лицѣ—только выраженіе силы и спокойной увѣренности въ себѣ, передъ которой такъ благоговѣетъ команда“...

Въ яркомъ портретѣ, набросанномъ талантливою рукою одного изъ бывшихъ мичмановъ „Манджура“, нельзя не узнать Григорія Павловича Чухнина.

Григорій Павловичъ былъ назначенъ 24-го ноября 1886 г. командиромъ канонерской лодки „Манджуръ“, при постройкѣ которой онъ находился въ Копенгагенѣ.

Лодка была до самыхъ мелочей вполнѣ законченное сооруженіе, что цѣликомъ слѣдуетъ отнести къ заботамъ, знанію дѣла и крайней настойчивости Григорія Павловича, который изводилъ администрацію завода своимъ неуклоннымъ требованіемъ точнаго и самаго тщательнаго выполненія работъ.

Солидныя техническія познанія, значительный опытъ въ отношеніи хозяйственнаго веденія дѣла, при основныхъ чертахъ характера Григорія Павловича — необыкновенной честности и пунктуальности въ исполненіи принятаго на себя долга,—такимъ образомъ обезпечивали Россіи успѣшное выполненіе заграницей сдѣланнаго ею заказа.

Дѣйствительность не замедлила оправдать ожиданія. Лодка прибыла изъ Копенгагена въ блестящемъ видѣ и не могла не обратить на себя вниманія не только тщательнымъ выполненіемъ общаго плана постройки, но и детальной обработкой незамѣтныхъ на первый взглядъ мелочей.

— Заводъ, — говорилъ прибывшій на лодкѣ гарантированный механикъ,— ничего не нажилъ на постройкѣ „Манджура"; всѣ разсчеты были разбиты съ присылкою командира, относившагося, быть можетъ, слишкомъ требовательно, но зато Россія можетъ гордиться, имѣя такихъ людей, какъ капитанъ Чухнинъ.

Блестяще оборудованная, въ полной готовности и отлично испытанная въ Балтійскомъ морѣ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого Григорія Павловича, канонерская лодка „Манджуръ" вышла въ заграничное плаваніе 10-го сентября 1888 г.

Назначеніе Григорія Павловича командиромъ привлекало общее вниманіе... Строгость дисциплины, необыкновенный порядокъ и знаніе своего дѣла командами „Аскольда", „Генералъ-Адмирала", гдѣ Григорій Павловичъ былъ долгое время старшимъ офицеромъ, создавали своего рода легенды.

— Вотъ посмотримъ какой-то выйдетъ командиръ? Семь лѣтъ былъ старшимъ офицеромъ,—слышалось кругомъ.

— А что? Кто это? — нерѣшительно освѣдомлялся кто-нибудь изъ молодыхъ мичмановъ.

— Развѣ не знаете?—недовѣрчиво отвѣчали ему: — это Чух-

нинъ. Страшный формалистъ: изведетъ кого угодно; ходячій уставъ.

Насколько, однако, всѣ разговоры и толки были далеки отъ истины, обнаружилось очень быстро. Сухой, черствый и требовательный на видъ, Григорій Павловичъ умѣлъ быстро привлечь къ себѣ симпатіи сослуживцевъ справедливымъ, хотя и строгимъ отношеніемъ къ каждому.

„Я, — разсказываетъ, напримѣръ, одинъ изъ мичмановъ выпуска 1887 г., былъ назначенъ на „Манджуръ" весною 1888 г., когда онъ вооружался, готовясь къ плаванію".

Назначеніе состоялось, помимо выбора Григорія Павловича, по выпускному старшинству. Подъ вліяніемъ мрачныхъ разговоровъ и предсказаній товарищей, молодой мичманъ явился на лодку не безъ тревоги. Сухость оффиціальнаго пріема уже заронила въ душу сѣмена тревоги, но одинъ незначительный фактъ... и сомнѣній, какъ не бывало.

„Надо замѣтить, — пишетъ онъ, — что не принадлежа по рожденію къ морской семьѣ и не имѣя никакихъ знакомствъ въ морскомъ обществѣ, я провелъ зиму послѣ выпуска частью въ Петербургѣ въ 8-мъ флотскомъ экипажѣ, частью же въ отпуску. Само собою разумѣется, что судьба за это время сталкивала меня только съ опредѣленнымъ кругомъ лицъ, и въ силу обстоятельствъ я зналъ въ лицо только тѣхъ адмираловъ, съ которыми приходилось встрѣчаться. А такихъ было, конечно, не много.

Возвращаясь съ „Манджура", гдѣ я впервые являлся своему новому начальству, проходя по дамбѣ Усть-Канала, я увидѣлъ адмирала, идущаго мнѣ на встрѣчу. Сошелъ съ мостковъ, чтобы дать дорогу (мостки узенькіе), взялъ „подъ козырекъ" и полагалъ себя чрезвычайно корректнымъ, какъ былъ остановленъ суровымъ окликомъ:

— Г-нъ офицеръ... Какъ вы отдаете честь?

Въ полномъ недоумѣніи повернулся я къ начальству и отвѣчалъ:

— По уставу, Ваше Превосходительство.

— Развѣ вы не знаете, кто я такой? — послышался новый вопросъ. — Почему вы не становитесь во-фронтъ?

Тутъ я сообразилъ...

— Виноватъ, Ваше Превосходительство, до сихъ поръ не имѣлъ чести Васъ знать лично и теперь только догадываюсь, что Вы—Главный Командиръ Порта.

Адмиралъ что-то пробормоталъ и быстро пошелъ дальше. Я видѣлъ, какъ онъ свернулъ на сходню „Манджура" и невольно подумалъ: кажется, первый блинъ—комомъ.

Адмиралъ пришелъ на лодку въ большомъ раздраженіи и прямо приказалъ командиру посадить меня подъ арестъ.

— Я ему замѣчаніе дѣлаю, а онъ еще разговариваетъ, — волновался адмиралъ. Ну, что стоило бы Григорію Павловичу, ради успокоенія раздраженнаго адмирала, посадить подъ арестъ мичмана, котораго не только никто не зналъ, но и самъ командиръ видѣлъ нѣсколько минутъ тому назадъ всего лишь въ первый разъ.

Однако, лойальность „черстваго человѣка" не замедлила проявиться даже и въ этомъ пустяшномъ и неважномъ на первый взглядъ фактѣ...

Григорій Павловичъ, рискуя навлечь на себя лично неудовольствіе своего ближайшаго начальства, смѣло отстаивалъ попавшаго впросакъ мичмана, доказывая, что, хотя отговариваться незнаніемъ въ лицо начальства нельзя, какъ нельзя отговариваться незнаніемъ законовъ, но карать въ данномъ случаѣ было бы несправедливо, такъ какъ не состоялось еще приказа о переводѣ провинившагося мичмана изъ 8-го Петербургскаго флотскаго экипажа въ Кронштадтскій. Выходило, что мичманъ, какъ офицеръ Петербургскаго Порта, не обязанъ былъ становиться во фронтъ Кронштадтскому Главному Командиру.

Тѣмъ дѣло и кончилось. Благодаря заступничеству Григорія Павловича, проступокъ юнаго офицера не имѣлъ дальнѣйшихъ непріятныхъ для него послѣдствій. Можно ли забыть такую мелочь даже за долгіе годы службы!"...

Было бы, конечно, несправедливымъ думать, что горячее заступничество Григорія Павловича за новаго офицера „Манджура" было вызвано съ его стороны желаніемъ какой-нибудь „поблажки" лицу, не успѣвшему еще достаточно привыкнуть

къ строгимъ требованіямъ дисциплины. На самомъ дѣлѣ Григорій Павловичъ былъ очень строгъ и требователенъ по службѣ, но красота его твердаго характера именно въ томъ и заключалась, что строгость и требовательность были полны безпристрастія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, носили слѣды скрытой, глубокой сердечности.

„Всѣ мы—рабы закона". Вотъ—принципъ, твердымъ краеугольнымъ камнемъ умѣло вложенный въ сознаніе каждаго на лодкѣ, начиная со старшаго офицера и кончая послѣднимъ матросомъ. Одно ясное, отчетливое сознаніе, что нарушеніе закона есть преступленіе, но съ преступникомъ поступаютъ по закону, а не по произволу, составляло уже само по себѣ настолько серьезную силу, чтобы гарантировать успѣшность выполненія подчасъ тѣхъ суровыхъ требованій морской службы, которыя не могли бы быть въ иныхъ случаяхъ выполнены иначе, какъ съ примѣненіемъ самыхъ строгихъ мѣръ крутой дисциплины.

Твердый и стойкій въ своихъ рѣшеніяхъ по правиламъ закона, Григорій Павловичъ былъ чуждъ въ этомъ отношеніи всякаго оттѣнка сентиментальности.

По собственному выраженію покойнаго адмирала, для него не существовало „перваго раза", за который можно было бы простить. Чистосердечное признаніе, безпорочная служба прежнихъ лѣтъ, выдающіяся заслуги — все это смягчающія обстоятельства лишь постолько, посколько признавались закономъ. Внѣ этихъ, указанныхъ каждому, рамокъ, нѣтъ мѣста личному усмотрѣнію, ходатайствамъ и заступничеству постороннихъ лицъ, симпатіи или антипатіи...

— Если, говорилъ Григорій Павловичъ, — оставлять безъ взысканія проступки во вниманіе къ прежнимъ заслугамъ и потому, что „въ первый разъ", то необходимо установить по закону особыя награды тѣмъ, у кого этого „перваго раза" не бываетъ, иначе они въ правѣ считать себя обиженными...

Твердо охраняя честь, достоинство и спокойствіе каждаго моряка, Григорій Павловичъ высоко держалъ знамя закона, на чистомъ полотнищѣ котораго золотыми буквами сіялъ девизъ:

— Передъ закономъ—всѣ равны.

Какое же отношеніе это твердое неуклонное исполненіе строгихъ статутовъ закона встрѣчало въ командѣ, въ той сѣрой массѣ, сама среда которой, казалось бы, обусловливала случаи наиболѣе частаго неудовольствія при примѣненіи командиромъ во всей строгости тяжелаго режима?

А вотъ фактъ...

Мѣсяца черезъ два послѣ ухода въ далекое плаваніе, на „Манджурѣ" разыгрался эпизодъ, довольно обычный въ судовой жизни.

Вахтенный унтеръ-офицеръ, даже не квартирмейстеръ, а только старшій марсовой (стоявшій за унтеръ-офицера), послѣ команды „палубу подмести", обратилъ вниманіе на кочегара, стоявшаго въ дверяхъ кожуха...

— А ты что за баринъ? послышался вопросъ.—Бери голикъ, подметай палубу.

Кочегаръ, вышедшій наверхъ отдохнуть и освѣжиться, готовъ былъ уже исполнить приказаніе, какъ голосъ внезапно появившагося старшаго машиннаго унтеръ-офицера остановилъ его.

— Э! брось голикъ... А ты имъ не командуй... Онъ при своемъ дѣлѣ...

Кочегаръ скрылся внизъ, а между унтеръ-офицерами загорѣлся споръ, перешедшій скоро въ такую перебранку, что вахтенный начальникъ принужденъ былъ подать соотвѣтствующій рапортъ.

Дѣло приняло оффиціальный оборотъ.

Тщетно старшій механикъ просилъ за своего унтеръ-офицера, доказывая, что это его правая рука, что такого исправнаго дисциплинированнаго человѣка замѣнить некѣмъ... Григорій Павловичъ былъ неумолимъ... Состоялся судъ, по рѣшенію котораго, несмотря на всѣ смягчающія вину обстоятельства, признаваемыя закономъ, машинный унтеръ-офицеръ былъ разжалованъ въ машинисты второй статьи. Правда, опять же строго придерживаясь закона, виновный въ самые краткіе сроки былъ послѣдовательно возстановленъ во всѣхъ своихъ утраченныхъ званіяхъ, тѣмъ не менѣе приговоръ оставилъ сильное впеча-

тлѣніе и конфирмація его Григоріемъ Павловичемъ не была встрѣчена командою, какъ актъ суроваго примѣненія всей тяжести дисциплинарнаго устава, исключающій только всякую возможность на будущее время неисполненія приказаній вахтеннаго унтеръ-офицера... Нѣтъ... Что-то иное, болѣе глубокое и, быть можетъ, цѣнное, чувствовалось въ самомъ отношеніи матросовъ къ совершившемуся факту... Всѣмъ было извѣстно, что машинный унтеръ-офицеръ дѣйствительно былъ правой рукой старшаго механика, не зная соперниковъ въ работѣ. Самъ командиръ не разъ обращался къ нему съ одобрительными замѣчаніями, видимо выдѣляя его, какъ человѣка, службу котораго не только замѣчалъ, но и цѣнилъ, и вдругъ...

Вотъ это-то „вдругъ", это справедливое отношеніе къ виновному, несмотря на исключительное его положеніе, и привлекло вниманіе команды.

— Н-да, — слышалось на бакѣ, — изъ-за какой-то, прости Господи, пиголицы, этакаго матроса не пощадилъ... А нельзя, потому—законъ.

— Потому—законъ!..

Дѣйствія Григорія Павловича, очевидно, были оцѣнены по достоинству. Логика воспринималась массами и обезпечивала результаты... Передъ нижнимъ чиномъ не было уже произвола, а былъ закономѣрный судья, справедливость котораго оставалась внѣ сомнѣнія. Падалъ слѣпой страхъ передъ силою облеченнаго властью человѣка, росло и крѣпло сознаніе собственнаго долга передъ носителемъ идеи справедливаго закона. И это сознаніе глубоко западало въ матросскія души, оставляя неизгладимый слѣдъ.

— Правильный былъ командиръ... Другого такого не нажить. Ни тебѣ кто, — всѣ подъ гребенку. Строгъ былъ. Безъ поблажки. За то, какъ обнадежитъ, — такъ и есть... — вотъ замѣчанія, которыя часто приходилось слышать при воспоминаніяхъ команды о разныхъ эпизодахъ изъ судовой жизни во время плаванія „Манджура" въ далекихъ водахъ океана.

А плаваніе было не изъ легкихъ... Григорій Павловичъ при его желѣзномъ здоровьи и желѣзной энергіи могъ при нуждѣ ра-

ботать 24 часа въ сутки, того-же онъ требовалъ и отъ своихъ подчиненныхъ. Но только въ случаѣ дѣйствительной необходимости.

Миновала эта необходимость — и онъ признавалъ право отдыха въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. „Отработалъ,— отдыхай",—вотъ было его правило.

Канцелярское отношеніе къ дѣлу, стремленіе представить въ отчетѣ, что въ теченіи столькихъ-то буднихъ дней такіе-то нумера ученій продѣланы положенное число разъ, или отписки, что „на лодкѣ все обстоитъ благополучно и она въ полной боевой готовности",—совершенно имъ не признавались.

По его мнѣнію, боевая готовность лодки опредѣлялась не большимъ числомъ равномѣрно по всѣмъ спеціальностямъ произведенныхъ ученій, а его личнымъ убѣжденіемъ въ ея боеспособности во всѣхъ отношеніяхъ; что же касается выполненія порученной работы, то надо смотрѣть на полученные результаты, а не на число рабочихъ дней.

Твердо и ясно предугадывая значеніе для страны сильнаго боевого флота, Григорій Павловичъ неуклонно стремился къ образованію и воспитанію, какъ нижнихъ чиновъ, такъ и офицеровъ въ военно-морскомъ духѣ.

Ежедневныя ученія по заранѣе составленной программѣ, отъ которой онъ не отступалъ во все время долгаго плаванія, чередовались съ неожиданно назначаемой во внѣурочное время стрѣльбою по цѣли, изученіемъ боевого строя, упражненіями на шлюпкахъ подъ парусами и на веслахъ, пожарными и ночными тревогами, спеціальными занятіями по сигнализаціи,— словомъ, не было упущено ничего, что такъ или иначе могло пригодиться на дальнѣйшей службѣ каждому моряку.

Строгій и требовательный къ самому аккуратнѣйшему выполненію всѣхъ назначаемыхъ работъ, онъ въ то же время являлся живымъ образчикомъ точнаго выполненія каждымъ его обязанностей.

Прекрасно сознавая, что командиръ—это душа одного громаднаго тѣла, всѣ движенія разнообразныхъ членовъ котораго состоятъ въ прямой зависимости отъ дѣйствій одухотворяющаго начала, Григорій Павловичъ всегда былъ на виду, вливая

мощныя волны энергіи и живой силы въ механическую работу команды.

Семь часовъ утра... Идетъ парусное ученіе... По командѣ старшаго офицера крѣпкіе, сильные матросы сизой стаей разлетѣлись, какъ гигантскія птицы, по реямъ и вантамъ... Легко и быстро одѣвается лодка въ свѣтлыя ризы, яркимъ золотомъ играющія подъ лучами ранняго солнца на глубокой синевѣ безконечной дали... Командиръ на мостикѣ отдаетъ приказанія, такой же бодрый, какъ всегда... А между тѣмъ вахтенный начальникъ могъ видѣть, какъ всю ночь въ его каютѣ горѣлъ огонь, и самъ онъ, наклонившись надъ картой, въ тысячный разъ изучалъ сомнительные створы и растворы, которыми надо руководиться при предстоящемъ входѣ въ извилистое устье У-Кіанга.

Но безсонныя ночи и тревоги суетнаго дня—не страшны командиру... Спокойный звалъ онъ къ себѣ старшаго офицера, чтобы обойти съ нимъ лодку и можно было быть увѣреннымъ, что ни одна мелочь не ускользнетъ отъ опытнаго взгляда его сѣрыхъ, проницательныхъ глазъ. Григорій Павловичъ зналъ судно и судовую жизнь въ совершенствѣ. Не было уголка, куда онъ не заглянулъ бы хотя разъ въ недѣлю; не было работы, ходъ которой не былъ бы ему извѣстенъ въ каждую минуту.

Все это давало Григорію Павловичу возможность не ограничиваться въ своихъ наблюденіяхъ рапортами и донесеніями, а непосредственно руководить общимъ ходомъ сложной машины, незамѣтно отъ другихъ, занося подробно на страницы своего дневника ежедневную хронику „Манджура", гдѣ съ ясностью фотографическаго снимка отпечатывалась работа его въ качествѣ зоркаго, чуткаго и неутомимаго командира.

„Тревога пожарная и артиллерійская; послѣ обѣда—занятія по спеціальностямъ, вечеромъ—водяная тревога" — мелькаютъ длинныя строчки журнала.

„Въ одиннадцать съ четвертью, — читаемъ дальше, — подшипникъ былъ перемѣненъ на запасный. Въ одиннадцать съ половиной дали ходъ, но сейчасъ же остановили, началъ безъ стука нагрѣваться. Немного отдали, а затѣмъ дали ходъ 54 обо-

рота. Сначала чуть нагрѣвался, но потомъ пересталъ,—значитъ сталъ полироваться".

Сколько тревожной наблюдательности и заботливаго вниманія въ этой маленькой выпискѣ. А сколько она говоритъ?..

„Сегодня,—заноситъ какъ-то Григорій Павловичъ,—надѣлъ въ 8 часовъ утра рабочее платье и полѣзъ въ котлы осмотрѣть ихъ лично. Результатъ: передніе котлы видѣлъ черезъ нижнія горловины; топки совершенно чисты отъ осадковъ; слоя соли нѣтъ никакого, сталь голая; мѣстами у заклепокъ налетъ ржавчины; небольшими пятнами есть съ боковъ топокъ лишаи осадковъ; трубки и стѣнки котловъ совершенно чисты и гладки, какъ новые, но за то самые котлы снаружи въ большомъ запущеніи. По вскрытіи горловины задняго котла нашелъ: наслоеній соли нѣтъ, но трубки всѣ какъ-то выкрашены желтой глиной. Это осадки Сайгонской воды и видно, что котлы совершенно не чищены, вопреки моему приказанію, ни на походѣ, ни во время стоянки на якорѣ. Осматривая котлы черезъ нижнія горловины, видѣлъ, что осадковъ и лишаевъ здѣсь болѣе, чѣмъ въ переднихъ котлахъ. Наружная грязь доказываетъ, что механикъ недостаточно часто заходитъ въ кочегарное отдѣленіе"...

„Послѣ моего осмотра котловъ,—записываетъ Григорій Павловичъ,—машина переродилась, паръ съ 50 поднялся на 70; обороты съ 70 до 80, а ходъ съ 7 до 8 узловъ. Замѣчательно, цѣлыя сутки идемъ по 8 узловъ, а прежде ходили отъ $6^3/_4$—7 узловъ"...

И все это въ то время, когда та-же страница пестритъ замѣчаніями о неполной исправности лота, приводятся по частямъ справки о состояніи вѣтра, расходованіи угля въ зависимости отъ хода лодки и разныхъ иныхъ подробностей даннаго дня.

Въ этомъ постоянномъ наблюденіи, вслѣдъ за которымъ Григорій Павловичъ нерѣдко самъ принималъ дѣятельное участіе въ исправленіи чужихъ погрѣшностей и небрежности, протекалъ день, полный занятій и труда. Работа на лодкѣ кипѣла. Всякій былъ занятъ своимъ дѣломъ, незамѣтно направляемый опытной рукой за всѣмъ наблюдавшаго командира. Скучать было некогда...

— Скучаютъ отъ бездѣлья,—часто говорилъ Григорій Павловичъ, душою чуткаго психолога угадывая весь вредъ празднаго „ничего-недѣланія“. Дѣйствительно, за часами занятій, иногда съ утра до поздняго вечера, ни команда, ни офицеры не чувствовали скуки, а отсюда не замѣчалось опасной въ экипажѣ апатіи.

— Къ концу плаванія,—пишетъ одинъ изъ сослуживцевъ,— мы просили Григорія Павловича сдѣлать ученье на Владивостокскомъ рейдѣ, чтобы эскадра видѣла наши успѣхи, но далекъ былъ всегда Григорій Павловичъ отъ самовосхваленія; все дѣлалось для пользы дѣла, но не для показа. Гдѣ-нибудь на рейдѣ, въ Чемульпо, вотъ мѣсто, гдѣ онъ училъ и добивался настоящаго дѣла. Въ Чемульпо, гдѣ съѣзжать на берегъ не было никакого интереса и стояли мы очень далеко отъ берега, наша стоянка была сплошное ученіе съ утра до вечера, благодаря чему ни команда, ни офицеры не чувствовали скуки и не замѣчалось апатіи. Пришелъ на смѣну намъ „Сивучъ“ и командиръ его поѣхалъ на американскій корветъ съ визитомъ.

Командиръ корвета сказалъ: „видалъ я на своемъ вѣку ученія 3, 4, 5 и, наконецъ, 6 часовъ; но, чтобы ученье продолжалось бы шесть недѣль,—никогда не видѣлъ до этой стоянки, гдѣ я наблюдалъ такое ученіе на русской канонеркѣ „Манджуръ“.

Если каждый новый день на „Манджурѣ“ былъ полонъ разнообразныхъ занятій для нижнихъ чиновъ, то не менѣе труднымъ надо считать его и для офицеровъ лодки.

Видя недостаточный уровень знаній, съ которыми выпускались молодые мичманы и отсутствіе даже у старшихъ офицеровъ достаточной дозы опытности, Григорій Павловичъ всѣми силами старался придти имъ на помощь, чтобы частыми уроками практики восполнить пробѣлы теоретическаго обученія живому дѣлу.

Помимо выполненія своихъ прямыхъ обязанностей, каждый изъ офицеровъ приглашался командиромъ для раздѣленія съ нимъ трудовъ по составленію топографической карты мѣстности при прохожденіи „Манджура“ по китайскимъ рѣкамъ. Онъ приглашалъ всѣхъ офицеровъ къ себѣ, знакомилъ по картѣ съ

предстоящей мѣстностью, распредѣлялъ ихъ на правый и лѣвый бортъ судна для наблюденія за берегами и находящимися на нихъ крѣпостями. Затѣмъ офицеры должны были составлять описаніе всего, что каждый замѣтилъ; общую же сводку наблюденій дѣлалъ самъ командиръ. На походѣ, ежедневно заставлялъ всѣхъ флотскихъ офицеровъ, по очереди, производить астрономическія наблюденія.

— Вотъ ужъ двѣ недѣли,—пишетъ одинъ изъ офицеровъ „Манджура" въ своихъ воспоминаніяхъ „На Дальнемъ Востокѣ",— какъ мы бродимъ по всякимъ захолустьямъ, среди китайскихъ шхеръ, о которыхъ и не подозрѣвали, изучая географію. Между тѣмъ это ничто иное, какъ грандіозное сплетеніе острововъ, полуострововъ, проливовъ и бухтъ, въ родѣ какъ у нашего финляндскаго берега, только въ огромномъ масштабѣ, съ протяженіемъ въ нѣсколько сотъ миль.

Лоцмана здѣсь рѣдки, а въ такомъ мѣстѣ, куда мы забрались теперь, ихъ и вовсе нѣтъ. Впрочемъ, нашъ командиръ никогда и не пользовался ихъ услугами и предпочиталъ ходить, руководствуясь только картой, какъ это пришлось бы дѣлать въ случаѣ войны. Для насъ, офицеровъ, это была, конечно, полезная и хорошая, но зато и тяжелая школа. Всѣ четыре часа вахты проходили въ такомъ напряженіи вниманія и заботы, подъ сознаніемъ такой страшной отвѣтственности, что въ каютъ-компанію мы спускались обыкновенно совсѣмъ измученные, и присоединялись къ сердитому ворчанію нашего штурмана по адресу того, „кого чортъ носитъ по захолустьямъ ночью и безъ лоцмановъ".

Командиръ не любилъ зависѣть отъ обстоятельствъ, а съ присущей ему энергіей находилъ всегда свободный выходъ.

Катеръ спущенъ на воду и вышелъ сажень на 150 подъ носъ.

— Средній ходъ впередъ!—слышится команда.

„Манджуръ" вздрагиваетъ и начинаетъ двигаться, разбрасывая вокругъ себя желтую, грязную пѣну... Съ катера все время бросаютъ лотъ и показываютъ глубину цифрами, написанными на доскахъ. Командиръ и офицеры бѣгло набрасываютъ карандашемъ въ записныхъ книжкахъ контуры примѣтныхъ пикъ, чтобы при выходѣ легче въ нихъ разобраться.

Когда лодка пришла въ Шанхай,—командиръ гавани (Harbour master) прiѣхалъ, чтобы поставить „Манджуръ" на якорь, и спросилъ: гдѣ-же лоцманъ?

— Мои офицеры не нуждаются въ лоцманахъ,—былъ достойный и лестный отвѣтъ Григорiя Павловича, — мы всюду ходимъ одни.

Тоже было, когда не нашелся европейскiй лоцманъ для внутренняго Японскаго моря. Григорiй Павловичъ сказалъ:

— Тогда я пойду со своими офицерами.

Такъ въ дружной, совмѣстной и полезной работѣ плавалъ „Манджуръ" то по безбрежной водной пустынѣ океана, то въ тусклыхъ водахъ китайскихъ рѣкъ.

Неуклонное исполненiе работъ и требовательность Григорiя Павловича однако не ложились тяжелымъ гнетомъ, изнуряя сверхъ силы команду. Всѣ имѣли здоровый, бодрый видъ закаленныхъ людей.

Въ чемъ же заключался секретъ этого удивительнаго, на первый взглядъ, сохраненiя силъ команды при усиленныхъ работахъ, которыя приходилось выносить на своихъ плечахъ каждому изъ находящихся на лодкѣ?

Лучшимъ объясненiемъ этого обстоятельства, пожалуй, могутъ быть отзывы самихъ матросовъ.

— Правильный командиръ, — вспоминали они, — ни одной гулянки не смазалъ.

Здѣсь нужно сдѣлать маленькое отступленiе, чтобы логичность замѣчанiя не подлежала сомнѣнiю.

При дальнихъ плаванiяхъ часто бываетъ, что воскресный и праздничный день приходится проводить либо въ морѣ, либо въ такой бухтѣ, гдѣ и погулять негдѣ... Пропала гулянка... Но Григорiй Павловичъ, зная, насколько нормальный и цѣлесообразный отдыхъ необходимъ и насколько новизна положенiй и впечатлѣнiй поднимаетъ уставшiй духъ, способствуя въ то же время обновленiю чисто физическихъ силъ, строго учитывалъ всѣ эти случаи и, придя въ хорошiй портъ, начиналъ съ ежедневнаго увольненiя команды на берегъ, пока, такимъ образомъ, не наверстывались всѣ потерянные праздники.

Команда „Манджура“.

Эта его заботливость о предоставленіи заслуженнаго отдыха особенно западала въ душу команды.

Гдѣ-нибудь въ пустынной мѣстности, во время воскресной стоянки „Манджура“, послѣ обѣдницы, Григорій Павловичъ обойдетъ фронтъ, остановится посрединѣ и начнетъ ровнымъ голосомъ:

— Сегодня очередная вахта будетъ уволена на берегъ. Веселиться тутъ негдѣ, а все-таки поразомните ноги. Что-жъ дѣлать, — самъ знаю. Давно на походѣ; всѣмъ трудно; всѣ устали. Ни я, ни офицеры не лежимъ на печкѣ... Зато придемъ въ портъ, я вашей службы не забуду, тамъ свое наверстаете. Наше росписаніе должно быть такое: скукѣ—ни минуты, дѣлу—время, потѣхѣ—часъ...

— Рады стараться. Покорнѣйше благодаримъ, ваше высокоблагородіе!—дружно, какъ одинъ, отвѣчали матросы, изъ

которыхъ многіе уже давно мечтали о прелестяхъ отдаленнаго порта,—и за командирское обѣщаніе готовы были работать хоть по 24 часа въ сутки.

И эти отвѣты дышали искренностью. Матросы—не дѣти. Они отлично понимали, что, поступая такъ, командиръ дѣйствуетъ на свой страхъ и что, въ виду существующаго нормальнаго росписанія ученій и занятій, его всегда могутъ спросить, выразивъ даже неудовольствіе:

— Почему за восемь дней стоянки, положимъ, въ Шанхаѣ, у васъ только и дѣлали, что гуляли?..

Но этихъ вопросовъ Григорій Павловичъ, умѣющій заступиться за интересы команды, не боялся, а экипажъ старался оправдать заботы командира.

Кромѣ этой, фактической, такъ сказать, стороны дѣла была и другая—моральная.

Какъ указывалось уже раньше, Григорій Павловичъ обладалъ желѣзнымъ здоровьемъ и сильной волею, не допускающей никакихъ слабостей человѣческаго характера.

— На то и воля,—говорилъ онъ, чтобы ломать себя, перебороть свои слабости и пріучить подчинять, какъ свое тѣло, такъ и свой духъ одной волѣ, будучи всегда и во всѣхъ случаяхъ жизни господиномъ своихъ слабостей...

Являясь главнымъ учителемъ въ дѣлѣ обученія морскому дѣлу, Григорій Павловичъ былъ въ то же время живымъ примѣромъ для каждаго, желавшаго воспитать въ себѣ крѣпость духа, силу воли и бодрость тѣла.

Команда и офицеры никогда не видѣли своего командира усталымъ, вялымъ или апатичнымъ. Передъ ними былъ человѣкъ, вѣчно бодрый, здоровый и сильный. А вмѣстѣ съ тѣмъ, открывались-ли огни среди ночи, крѣпчалъ-ли неожиданно вѣтеръ, — вслѣдъ за докладомъ вахтеннаго начальника, почти всегда раньше старшаго офицера выходилъ командиръ. Если

ожидался ночью маякъ, то Григорій Павловичъ всегда былъ на мостикѣ, выжидалъ, когда онъ откроется, и, совмѣстно со штурманткимъ офицеромъ, опредѣлялъ мѣсто судна на картѣ.

Даже въ частной жизни, внѣ условій службы, и тутъ онъ удивлялъ подчасъ офицеровъ выработанной въ себѣ выносливостью, чуждой всякой тѣни слабости.

Григорій Павловичъ вообще рѣдко съѣзжалъ на берегъ. Только въ исключительныхъ случаяхъ, когда мѣстность, или городъ представляли какой-нибудь особый интересъ, его можно было встрѣтить въ компаніи съ другими офицерами.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ, въ окрестностяхъ китайскаго города Нингъ-по, компанія офицеровъ во главѣ съ командиромъ отправилась осмотрѣть монастырь, расположенный на высокой горѣ. Путь проходилъ по рисовымъ полямъ, подъ открытыми лучами палящаго солнца. Дойдя до горы, усталые и измученные офицеры остановились передъ отвѣсной стѣной, по которой едва замѣтной лентой вилась тропинка. Тѣни ни капли, голый камень, раскаленный, какъ плита...

— Вывелъ,—резюмировалъ одинъ изъ путешественниковъ общее настроеніе.—Описывали легкую прогулку по горамъ, а тутъ, на-те... Вѣдь я не макака...

— Однако, что-же, господа.... Не отступать-же,—подалъ голосъ Григорій Павловичъ.— Фактъ на лицо:—тропинка существуетъ,—значитъ, пройти можно...

Доводъ былъ убѣдителенъ и восхожденіе началось...

Первый подъемъ оказался самымъ труднымъ. Мѣстами крутизна достигала такой степени, что приходилось уже не идти, а карабкаться, хватаясь за вѣтви кустарниковъ и выступы камней.

За первымъ подъемомъ тропинка пошла болѣе отлого, то извиваясь по самому гребню отдѣльныхъ возвышенностей, то перекидываясь съ горы на гору и лѣпясь по скатамъ отвѣсныхъ обрывовъ. Весьма часто, особенно въ узкихъ, а слѣдовательно, и самыхъ непріятныхъ мѣстахъ, такіе карнизы представляли собою обнаженную, только слегка шероховатую поверхность, наклоненную къ безднѣ. Здѣсь палка являлась безполезной,

и приходилось разсчитывать на одно треніе подошвы сапога о камень.

Взобравшись на высоту около полутора-тысячи футъ, мы очутились въ зеленой котловинѣ, замкнутой со всѣхъ сторонъ, откуда было видно только небо, да это безпощадное солнце. Не заботясь о чистотѣ, не думая о простудѣ, всѣ побросались врастяжку на сырую землю, устроивъ надъ головой наметы изъ верхняго платья. Въ этомъ видѣ мы напоминали бивакъ пластуновъ подъ ихъ бурками. У всякаго по карманамъ была разсована кое-какая провизія, но воды—нигдѣ и ни у кого—ни капли.

Жажда мучила нестерпимо.

— Пожалуй это къ лучшему, — раздался вдругъ ободрительный голосъ командира; если бы теперь напиться, такъ дальше въ дорогѣ стало бы еще тяжелѣе...

— Хорошее утѣшеніе...—проворчалъ рядомъ со мною незримый сосѣдъ. — Значитъ, какъ ни кинь, и такъ, и этакъ — скверно...

Со страшными усиліями продолжали мы свой подъемъ и, наконецъ, очутились у подножія крутой каменной лѣстницы, ведущей къ воротамъ монастыря.

Эта лѣстница въ 400 ступеней окончательно насъ добила и, едва добравшись до воротъ, всѣ попадали на что попало, окончательно обезсиленные... Одинъ командиръ, при видѣ такой полной деморализаціи своего офицерства, оставался на ногахъ.

— Посмотрите,—шепнулъ кто-то,—капитанъ-то стоитъ.

— Подождите,—отвѣтилъ ему другой,—онъ еще сейчасъ увѣритъ, что прогулка замѣчательно удалась.

Постоянный примѣръ этой удивительной бодрости не могъ проходить безслѣдно, не вызывая нѣкоторой доли чувства зависти. Весьма естественно, что вслѣдъ затѣмъ являлось желаніе подражать. Вѣдь ни для кого не было тайной, что эта выносливость обусловлена не столько, быть можетъ, исключительнымъ здоровьемъ, сколько работою надъ самимъ собою.

Все вмѣстѣ взятое давало, такимъ образомъ, притокъ новыхъ

силъ въ усталый организмъ, поднимало духъ и команда во главѣ съ командиромъ, несмотря на усиленные труды, была здорова, бодра и энергична.

Если, по выраженію Григорія Павловича, на службѣ „всѣ—рабы закона“, то „въ отношеніяхъ они—просто люди“,—говорилъ онъ.

Этотъ взглядъ нашелъ тоже подтвержденіе.

По отзывамъ служившихъ вмѣстѣ съ Григоріемъ Павловичемъ офицеровъ въ каютъ-компаніи не было болѣе пріятнаго собесѣдника; подъ дружный, интересный разговоръ забывались замѣчанія, выговоры и „разносы“ строгаго командира. Передъ ними строго опредѣленно выливалась фигура сердечнаго, отзывчиваго человѣка, который привлекалъ къ себѣ все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ индивидуальныя качества простого „человѣка“ все ярче и ярче выступали изъ-подъ сукна чернаго служебнаго сюртука...

Временами бесѣда принимала страстный характеръ. Споры лились горячѣе, откровеннѣе... И никто не боялся строгаго командира, шутливо прерывавшаго иногда словами:

— Смотрите, старшій офицеръ сейчасъ насъ остановитъ...

При такомъ положеніи дѣла, многіе изъ офицеровъ въ стѣнахъ каютъ-компаніи переживали тѣ минуты, которыя никогда не забываются.

— У меня,—разсказываетъ одинъ изъ нихъ,—къ концу плаванія „Манджура“ крайне обострились отношенія со старшимъ офицеромъ. Изнервничались мы оба: я надоѣлъ ему неуступчивостью, онъ—мелочной придирчивостью.

Въ одномъ изъ постоянныхъ столкновеній, я не сдержался и въ отвѣтъ на дерзкое замѣчаніе отвѣтилъ фразой, составлявшей уже дисциплинарное преступленіе.

По окончаніи моей вахты Григорій Павловичъ вызвалъ меня на верхъ и сообщилъ, что старшій офицеръ подаетъ на меня рапортъ и что я буду отданъ подъ судъ.

Я совершилъ антидисциплинарное преступленіе, — это я сознавалъ, но былъ сильно обозленъ, чтобы идти извиняться.

Пошли уговоры товарищей. Всѣ настаивали, чтобы я изви-

нился, конфиденціально сообщая, что командиру эта исторія крайне непріятна, и въ виду доли виновности во всемъ инцидентѣ старшаго офицера, онъ готовъ не дать оффиціальнаго хода дѣлу.

Я упорствовалъ... Завтра мы кончали компанію, я остаюсь во Владивостокѣ; съ командиромъ встрѣчаться вѣроятно больше не пришлось бы,—къ чему извиненія...

Во время прощальнаго обѣда въ каютъ-компаніи, у всѣхъ было понурое настроеніе духа, бесѣда не клеилась, чувствовалось что-то натянутое, неестественное, пока не поднялся Григорій Павловичъ, провозгласившій тостъ за здоровье остающихся въ Сибирской флотиліи.

Такихъ было двое: я и лейтенантъ Б.

Положеніе неожиданно для меня измѣнилось,—я долженъ былъ отвѣчать.

Я поднялъ бокалъ за здоровье Григорія Павловича,—и невольно для себя увлекся, началъ съ того, что я слышалъ о немъ и что въ дѣйствительности оказалось:—что онъ прекрасный, но суровый командиръ-воспитатель на палубѣ и чудный товарищъ въ каютъ-компаніи. Я говорилъ искренно.

Командиръ всталъ сильно взволнованнымъ и... намъ не вѣрилось... въ голосѣ его слышались слезы.

Григорій Павловичъ долго и тепло говорилъ о ненормальности отношеній между людьми, о фальши, карьеризмѣ, о неумѣніи отдѣлить службу отъ частныхъ счетовъ, симпатій и антипатій, значеніи для каждаго критической самооцѣнки своихъ дѣйствій и закончилъ, протягивая мнѣ руку:

„Вы меня понимаете?...“

Настроеніе поднялось... Всѣ чокались другъ съ другомъ...

Вдругъ неожиданно подошелъ ко мнѣ старшій офицеръ и, называя меня, сказалъ:

— Полно сердиться. Забудемъ все, что было, и будемъ попрежнему тѣми друзьями, которыми были въ началѣ плаванія...

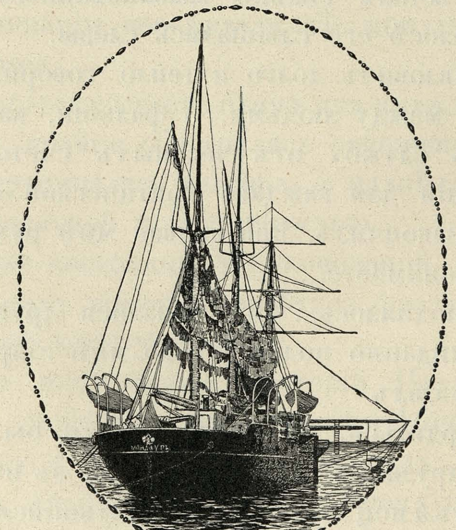
Мы чокнулись и поцѣловались. Затянувшійся обѣдъ прошелъ непринужденно-весело. Мнѣ стало ясно въ этомъ поворотѣ дѣла нравственное вліяніе и сердечность Григорія Павловича.

Двадцать шестого апрѣля 1890 года на „Манджурѣ“ спустили рангоутъ, перевезли такелажъ и вещи въ магазинъ и 30-го закончили кампанію во Владивостокѣ, предоставивъ Главному Морскому Штабу богатый матеріалъ по осмотру острововъ Сіамскаго залива, гдѣ въ то время подыскивались пункты пригодные для устройства угольныхъ станцій и по обходу бухтъ и портовъ китайскаго берега отъ Фу-чау до Шанхая.

Кампанія закончена, но память о ней живетъ и до сихъ поръ, и при встрѣчахъ гдѣ-нибудь въ другихъ частяхъ свѣта между сослуживцами Григорія Павловича завязываются длинные разговоры, и въ обмѣнѣ впечатлѣніями звучитъ искренняя нота глубокой благодарности, уваженія и любви къ строгому командиру... *)

.

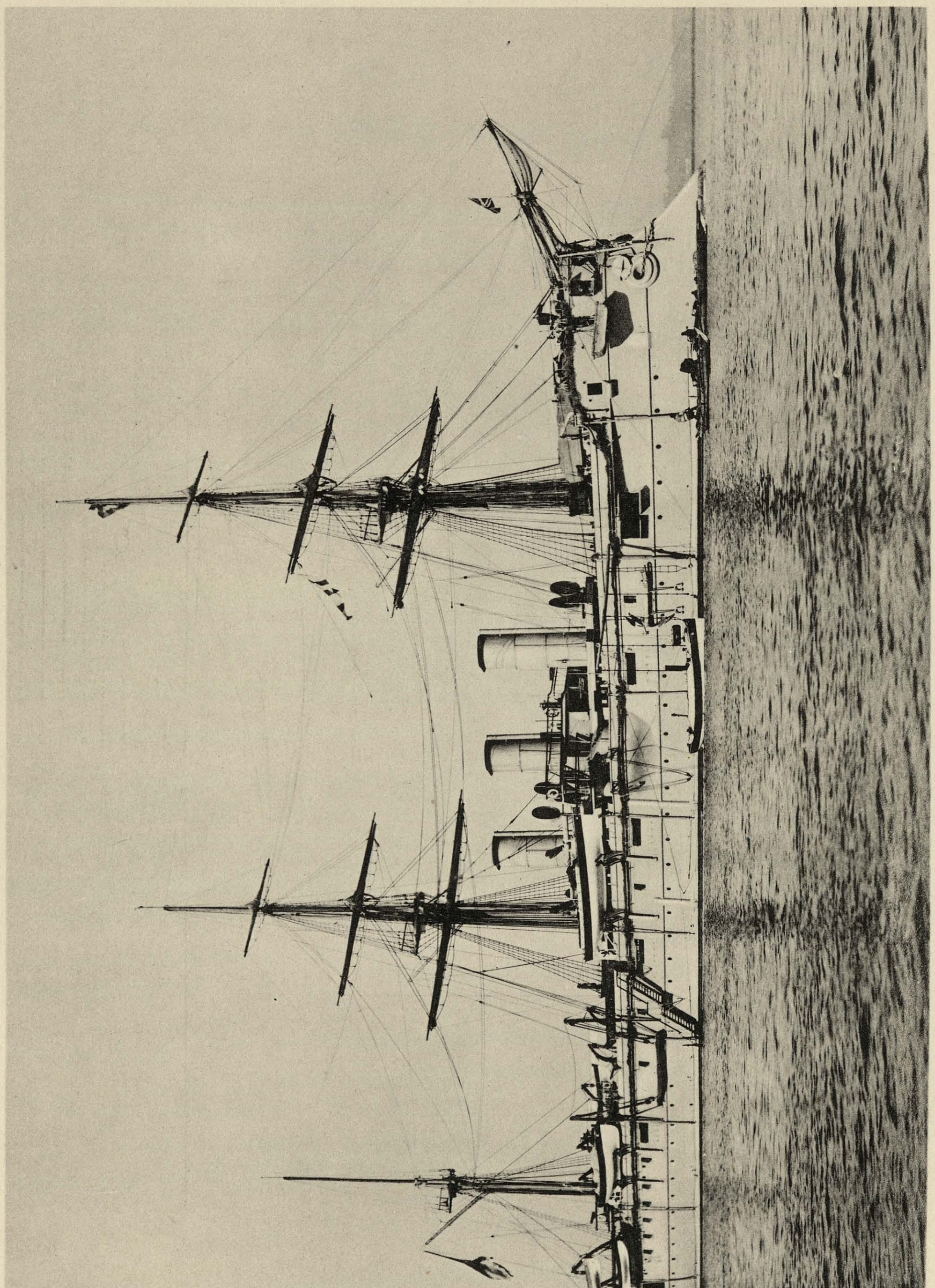
*) Здѣсь нельзя обойти молчаніемъ объ одномъ трогательномъ отзывѣ стараго „манджурца“, приславшаго въ январѣ 1908 года изъ Томска въ Севастополь, въ Комитетъ имени Вице-Адмирала Чухнина, одинъ рубль со слѣдующею надписью: „Ученикъ учителю—изъ кровныхъ“. Подписано: „Штурманъ дальняго плаванія, минно-артиллерійскій содержатель канонерской лодки „Манджуръ“ Альвіанъ Гичевъ“.

ПАМЯТЬ АЗОВА

Крейсеръ I-го ранга „Память Азова“.

Въ 1892 году Григорій Павловичъ былъ назначенъ командиромъ крейсера „Память Азова“.

По прибытіи въ Владивостокъ, гдѣ тогда послѣ плаванія съ Государемъ Наслѣдникомъ находился крейсеръ, Григорій Павловичъ вступилъ въ командованіе имъ 5-го мая 1892 года. Надо было привести крейсеръ съ Дальняго Востока въ Россію и обучить команду въ пути, на что оставалось времени немного, а съ возвращеніемъ крейсера очень торопили. Между тѣмъ крейсеръ надо было представить на смотръ въ Кронштадтѣ и, конечно, не Григорій Павловичъ могъ сослаться на недостатокъ времени. Для этого человѣка съ желѣзной волею не было невозможнаго. Онъ работалъ такъ, что спокойно могъ сказать: я сдѣлалъ все доступное. И крейсеръ дѣйствительно былъ представленъ въ самомъ блестящемъ видѣ.

Въ тотъ же день, когда Григорій Павловичъ вступилъ въ командованіе, начинается его ежедневная запись всѣхъ обстоятельствъ плаванія и ведется самый подробный историческій журналъ корабля. Сюда вносятся впечатлѣнія по пріемкѣ крейсера, замѣчанія, что и какъ надо исправить, передѣлать, создается сейчасъ же программа занятій и работъ. Въ случаѣ же передѣлокъ, тутъ же прилагается отъ руки чертежъ сдѣланныхъ или предполагаемыхъ измѣненій. Точныя, ежедневныя записи погоды, наблюденія надъ вѣтромъ и теченіемъ даютъ ему обстоятельный матеріалъ для плаванія. Поэтому Григорій Павловичъ зналъ, что было и что ожидаетъ его судно въ томъ или другомъ мѣстѣ впослѣдствіи, безъ всякихъ лоцій. При малѣйшемъ отступленіи онъ уже видѣлъ, благодаря записямъ, на что надо обратить вниманіе. Всѣ пріемки и расходы мате-

ріаловъ, качества и цѣны угля и провизіи онъ записывалъ и велъ упорную борьбу съ поставщиками въ цѣляхъ охраненія казенныхъ интересовъ.

Такъ неуклонно шелъ къ своей цѣли Григорій Павловичъ, чтобы создать порядокъ, цѣлое, стройное изъ своего корабля, одну живую душу; сколько всюду онъ вносилъ неутомимой своей энергіи, любви къ дѣлу и сознанія долга. И труды его увѣнчались успѣхомъ: стали говорить о Чухнинской школѣ.

Вторичное назначеніе крейсера въ плаваніе съ новымъ личнымъ составомъ подъ командой Григорія Павловича произвело въ Кронштадтѣ своего рода впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что предстояло идти въ Тулонъ въ составѣ эскадры и выборъ офицеровъ предоставленъ былъ командирамъ, за небольшимъ исключеніемъ нѣсколькихъ вакансій по назначенію Штаба. И только Григорій Павловичъ провелъ всѣхъ тѣхъ, кого онъ намѣтилъ.

Подготовленіе крейсера началось еще съ зимы, когда производился капитальный ремонтъ по котламъ и машинѣ, при полномъ участіи команды. Несмотря на то, что Григорій Павловичъ состоялъ экипажнымъ командиромъ, онъ ежедневно съ ранняго утра присутствовалъ на работахъ на крейсерѣ, лично распоряжаясь всѣмъ, чѣмъ быстро двигалъ дѣло тутъ же на мѣстѣ, безъ траты времени на докладъ ему, дѣлалъ распоряженія, ходилъ всюду по порту, привлекалъ сейчасъ же, если требовалось, инженеровъ и дѣло подвигалось. Ничто не ускользало отъ его вниманія, онъ останавливался на всякой мелочи, требовалъ самаго точнаго и опредѣленнаго отвѣта. Задерживается-ли работа оттого, что что-нибудь своевременно не отпускается портомъ, Григорій Павловичъ точно освѣдомится о времени поданнаго требованія и добьется скорѣйшаго движенія и въ Портовой Конторѣ. Опытъ плаваній, вдумчивое ко всему отношеніе открыли ему такіе запросы, которые другимъ не приходили въ голову. Большое вниманіе обращалось имъ на цѣлесообразность того или другого, что касалось удобства команды и офицеровъ. Надо было увеличить число умывальниковъ для команды. На модели краны оказались поставлены

такъ близко одинъ къ другому, что никакъ невозможно бы было пользоваться всѣми одновременно, почему приходилось бы мыться черезъ одинъ. Никто не замѣтилъ этого, кромѣ Григорія Павловича. Онъ пригласилъ инженера, заставилъ команду занять мѣста и во-очію убѣдилъ инженера въ нецѣлесообразности разстановки крановъ. При устройствѣ каютъ приглашалъ инженера прилечь на койку, чтобы убѣдить его, что она и узка и коротка, ложился и самъ, говоря, что вполнѣ согласенъ, что на такой койкѣ не отдохнуть офицеру послѣ вахты, когда нельзя ни повернуться, ни протянуть ногъ. Обращалъ вниманіе и на размѣщеніе мебели въ каютахъ, обыкновенно устанавливавшейся инженерами по чертежамъ, по которымъ, конечно, все выходило прекрасно. На самомъ дѣлѣ было не такъ: что для одной каюты было возможно, для другой оказывалось совершенно неудобнымъ. И снова приглашается инженеръ, которому предлагается открыть ящикъ шифоньера, но сдѣлать это оказывается невозможнымъ, потому что мѣшаетъ грѣлка парового отопленія, которой, увы, нѣтъ на чертежѣ инженера. Столъ оказывается за свѣтомъ, писать нельзя; инженеру предлагается присѣсть и попробовать. Приходится убѣдиться и передѣлать. Инженеръ уходитъ и говоритъ: „нигдѣ нѣтъ столько безпокойства, какъ на этомъ „Азовѣ“.

Всѣ эти случаи, а ихъ была масса и приходилось слышать о нихъ постоянно, внѣдряли во всемъ личномъ составѣ сознаніе объ отношеніи къ долгу и обязанностямъ, что воспитывалось его личнымъ примѣромъ.

Въ заботѣ, въ предусмотрительности всѣхъ мелочей, сказывался его опытъ, сердечное отношеніе къ дѣлу.

При всемъ этомъ, никогда онъ не говорилъ о томъ, что онъ сдѣлалъ лично и что другіе не замедлили бы оповѣстить всему міру.

Указывая во всемъ, Григорій Павловичъ всегда выслушивалъ до конца всѣ соображенія, доводы спеціальныхъ офицеровъ и никогда не отрицалъ возраженій, добиваясь только пользы дѣла. Естественно, что всякое разумное мнѣніе и доводы принимались имъ во вниманіе. Тогда въ немъ можно было найти

серьезную поддержку. Это соединяло въ одно всѣхъ, желавшихъ искренне работать.

Сдѣланный уже переходъ на крейсерѣ съ Дальняго Востока, познакомившій съ условіями плаванія на большомъ кораблѣ, слѣдовательно, нѣсколько при другихъ обстоятельствахъ, съ бо̀льшимъ числомъ личнаго состава, даетъ Григорію Павловичу опытъ и для предстоящаго плаванія. Имъ прежде всего составляется какъ-бы конспектъ того, что надлежало бы принять во вниманіе. Это—канва его будущихъ приказовъ. Такихъ отдѣльныхъ пунктовъ до 191.

Они касаются положительно всего, всей жизни корабля, всевозможныхъ хозяйственныхъ и практическихъ распоряженій, дисциплины и службы.

Подъ № 150 значится: „Офицеръ долженъ слѣдить за всѣмъ, что касается дисциплины, и не дозволять никакихъ упущеній. Надо помнить, что люди приходятъ отъ сохи и сами себя не будутъ дисциплинировать".

Замѣтки относительно порядка развода людей на вахту, объ осмотрѣ смѣняющихся съ вахты людей машинной команды, объ ихъ отдыхѣ, задолго до того, какъ это вошло въ оффиціальныя правила службы, уже были имъ продуманы и предусмотрѣны. Можно ли было предъявить большую дѣятельность?

Съ лѣта 1893 года формируется наличный составъ офицеровъ. Являются назначаемые въ предстоящее плаваніе. Командиромъ они тотчасъ же распредѣляются по наблюденію за сооруженіемъ крейсера, имъ предлагается тотчасъ же ознакомиться съ вышедшими уже его приказами.

Неукоснительно Григорій Павловичъ наблюдаетъ за всѣми, тотчасъ-же опредѣляетъ характеръ и склонности каждаго. Его не удивляетъ полная неподготовленность ихъ къ службѣ, недостатокъ знаній и опыта, но поверхностное отношеніе къ своему дѣлу, отсутствіе любви къ нему вызываютъ прямо душевную скорбь. Вѣрный себѣ, никогда ни передъ чѣмъ неотступавшій, онъ не пропускаетъ случая опаздыванія изъ отпуска мичмана, устроившаго таковой себѣ помимо командира и строго взыскиваетъ съ него.

Небрежное и неумѣлое управленіе паровыми шлюпками молодыхъ офицеровъ вызываетъ также приказы, гдѣ Григорій Павловичъ говоритъ, что „разбить шлюпку и не доложить— некрасиво. Надо помнить, что за шлюпку отвѣчаетъ квартирмейстеръ и съ него взыскивается не только за поломку, но даже и за царапину. Подобныхъ отношеній въ командуемомъ мною крейсерѣ я допустить не могу".

И на офицеровъ налагаются взысканія, послѣ ряда нравственыхъ воздѣйствій, какъ напримѣръ, указанія, что старшина шлюпки будетъ отвѣчать за поломку.

Такимъ образомъ Григорій Павловичъ съ перваго дня вступленія новыхъ офицеровъ не останавливался передъ тѣмъ, чтобы не указать имъ на должную службу, на серьезное отношеніе къ дѣлу, стараясь воспитать ихъ и научить.

21-го августа 1893 года, вполнѣ законченный ремонтомъ крейсеръ въ 6 часовъ 50 минутъ вечера вышелъ изъ Кронштадта въ Копенгагенъ, гдѣ Государемъ Императоромъ Александромъ III былъ произведенъ смотръ и гдѣ экипажъ въ послѣдній разъ видѣлъ своего Государя.

Съ уходомъ изъ Копенгагена продолжалось плаваніе въ тѣхъ же строгихъ принципахъ.

Въ Портсмутѣ трое офицеровъ, отпущенные на осмотръ Лондона, не пріѣзжаютъ во время, задержавъ крейсеръ. Григорій Павловичъ предполагаетъ какое-нибудь несчастье съ ними, но оказывается, что офицеры не позаботились справиться ранѣе, какъ ходятъ поѣзда въ воскресенье и не могли попасть своевременно. И Григорій Павловичъ ограничивается только выговоромъ въ приказѣ, но не упускаетъ случая высказаться, что „это показываетъ неясное представленіе этими офицерами своихъ служебныхъ обязанностей. Они не понимаютъ, что за ними никто не будетъ смотрѣть и заботиться, напоминать, что надо быть осмотрительнѣе, не прозѣвать поѣзда, не проспать лишнее время; они забываютъ, что все это лежитъ на ихъ прямой отвѣтственности. Они сдѣлали преступленіе, а повидимому, не понимаютъ этого".

И здѣсь Григорій Павловичъ не взыскиваетъ, а старается воздѣйствовать убѣжденіемъ.

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА

Молодежь, неподготовленная къ службѣ вообще въ стѣнахъ корпуса, не выработавшая въ себѣ дисциплины и служебнаго долга, не знакомая и съ жизнью, не могла въ первое время оцѣнить ни этой неутомимой дѣятельности, ни проводимаго съ настойчивостью режима и считала это педантичностью. Но, когда результатъ сталъ сказываться успѣхомъ, въ ней пробудились отклики молодого сердца, чуткаго и неиспорченнаго жизнью, проявилось сознаніе, любовь и желаніе работать. Авторитетъ Григорія Павловича въ глазахъ молодежи не только получилъ право существованія, но и пріобрѣлъ горячихъ сторонниковъ.

Увидали всѣ, что его безпристрастное отношеніе ко всѣмъ чинамъ отъ самаго простого матроса на кораблѣ до офицеровъ включительно, имѣетъ одно только отношеніе—долгъ службы и пользу дѣла, что ни одно обстоятельство, нарушающее болѣе или менѣе порядокъ, указывающее на невыдержанность, небрежность, не пройдетъ мимо.

На одномъ артиллерійскомъ ученьи Григорій Павловичъ обратилъ вниманіе, что одинъ мичманъ не производитъ занятій и на вопросъ Григорія Павловича, почему онъ не исполняетъ ихъ, отвѣтилъ, что не получалъ приказаній.

„Уже и ранѣе обращавшій на себя вниманіе полнымъ своимъ безучастіемъ во время работъ или ученій, этотъ офицеръ, пишетъ Григорій Павловичъ въ приказѣ, — остался и теперь вполнѣ индиферентенъ, хотя могъ бы полюбопытствовать, что приказано дѣлать у орудій, но меня удивляетъ, какъ онъ не сознаяъ своего упущенія, а сослался, что не получилъ приказанія“.

Здѣсь ясно сказывается стремленіе Григорія Павловича воздѣйствовать на сознаніе человѣка и тѣмъ пробудить дѣятельность.

Всякое ученье, всякая работа совершались при личномъ его участіи. Всюду видѣли его, гдѣ онъ добивался не только того, чтобы какой-нибудь маневръ или работа были исполнены гладко, но чтобы онѣ были поняты всѣми, чтобы ясно было сознано, чтобы проявлялось такимъ образомъ осмысленное отношеніе. Первое время не требовалось скорости. Григорій Павло-

вичъ зналъ, что послѣдняя придетъ вмѣстѣ съ сознательностью. Въ этомъ сказывалось опять глубокое пониманіе и знаніе той сѣрой массы, которая приходитъ прямо отъ сохи и себя не можетъ воспитывать. Примѣромъ хотя бы взять постановку сѣтевого загражденія. Росписаніе было сдѣлано, да выходило очень плохо: все что-нибудь не ладилось. Съ 9 час. утра до 11 едва успѣвали управиться. Не нравилось это Григорію Павловичу и онъ рѣшилъ пересмотрѣть все за-ново. Самъ взялъ росписаніе, разставилъ людей и все осмотрѣлъ до мелочей. Нашелъ, гдѣ недостаточно людей; гдѣ есть лишніе, кое-гдѣ сдѣлалъ измѣненія въ приспособленіяхъ и терпѣливо заставилъ все продѣлать не спѣша. Повторили разъ, другой и вмѣсто часа стали ставить въ четверть часа, а убирать въ полчаса. Впослѣдствіи до того научились, что дошли до постановки всѣхъ сѣтей въ восемь минутъ, а убирали въ двадцать...

Съ другихъ судовъ пріѣзжали учиться, какъ надо ставить сѣти...

И Григорій Павловичъ одухотворялъ свой корабль, воспитывалъ людей и заставилъ полюбить свое судно. Обаяніе его росло, передаваясь на другія суда. Азовскаго командира знали въ эскадрѣ. Приходилось часто на берегу слышать отъ команды другихъ судовъ, гдѣ собиралась команда въ ожиданіи шлюпки:

„Смотри, „Азовскій“ командиръ идетъ“... и шумъ прекращался мгновенно. Выпившіе смолкали и подтягивались.

Григорій Павловичъ всегда стремился развить въ офицерахъ и нижнихъ чинахъ личную инициативу, не одно точное, мертвое исполненіе.

Помнится одно изъ ученій, маневрированіе дессанта на шлюпкахъ со стрѣльбой по цѣли, въ которомъ Григорій Павловичъ принялъ участіе, находясь на головной шлюпкѣ линіи.

Передъ этимъ ученіемъ Григорій Павловичъ объяснилъ офицерамъ порядокъ маневровъ, но выполнить въ точности не удалось, потому что офицеры нѣкоторыхъ шлюпокъ не продумали хорошо, какъ выполнить это, или отставали, или уходили впередъ и мѣшали стрѣльбѣ.

И Григорій Павловичъ въ приказѣ по этому поводу, вновь

указываетъ на индиферентность ихъ къ дѣлу, на непониманіе маневра. „Офицеры эти (это касалось 3-хъ шлюпокъ) не только не заинтересовались интереснымъ маневромъ и ученіемъ, но сидѣли на шлюпкахъ, какъ пассажиры, ждали указаній, не высказавъ никакой иниціативы; если не поняли маневра, то должны были слѣдовать движеніямъ старшаго, что всегда будетъ правильнѣе безучастнаго отношенія къ дѣлу".

Въ другомъ приказѣ, вслѣдствіе небрежной работы одного офицера, говоритъ: „Всякая небрежность не рекомендуетъ офицера,—это надо не только знать, но и чувствовать самому".

Задавая работы молодымъ офицерамъ, всегда неукоснительно прочитывалъ исполненное и всегда давалъ отзывы. Хорошо исполненныя не оставались безъ отзыва, гдѣ, высказывая одобреніе, видѣлъ залогъ успѣха въ будущемъ совершенствованіи въ морскомъ дѣлѣ.

Естественно, что такой отзывъ входилъ въ планы воспитанія людей и всѣ знали, что за дѣло Григорій Павловичъ не замедлитъ и отличить, и тѣ, кто работалъ съ сознаніемъ, всегда могли найти въ немъ и поддержку и удовлетвореніе въ сознаніи единства въ общемъ дѣлѣ.

Это много подымало духъ, потому что укрѣпляло сущность надъ формой, которая всегда такъ все мертвила и которую такъ стремился искоренить Григорій Павловичъ.

И приказы съ благодарностями, съ одобреніями не были рѣже другихъ, гдѣ все по поводу тѣхъ-же недостатковъ, привитыхъ цензомъ, пассивнаго отношенія молодежи вырывалась глубокая скорбь: „вѣчно стоять на азбукѣ дѣла нельзя, надо идти впередъ, надо пріучать людей къ находчивости, быстрымъ соображеніямъ; роль офицеровъ развить неповоротливаго пахаря въ находчиваго при всѣхъ случаяхъ военнаго моряка. Надо самимъ выучиться малымъ обязанностямъ, управлять толково и основательно малыми частями. По нынѣшнимъ временамъ, когда весь опытъ прежнихъ лѣтъ морской службы, накопленный вѣками, многими офицерами считается ненужнымъ, и когда думаютъ, что для управленія кораблемъ достаточно одного школьнаго обученія, когда считается мизернымъ зани-

маться какими-нибудь пустяками, вродѣ того, какъ порядокъ на палубѣ и въ завѣдуемой части корабля, провѣркой вахтенной службы, многіе молодые офицеры служатъ только рупорами. Это равнодушіе, это безразличіе къ исполненію своихъ обязанностей, къ мнѣнію командира о себѣ, не скажу, чтобы меня поражало: я уже привыкъ къ этому, оцѣнилъ ихъ. Я свыкся съ мыслью, что многіе офицеры ничего самостоятельно не сдѣлаютъ. Ни мой личный примѣръ, ни безчисленныя приказанія и распоряженія на нихъ не дѣйствуютъ, проходятъ совершенно безслѣдно для нѣкоторыхъ молодыхъ офицеровъ, между ними чувствуется какое-то странное отношеніе къ службѣ. Когда я былъ молодымъ и учился служить, я-бы со стыда сгорѣлъ, еслибы дошло до того, чтобы мнѣ сдѣлали замѣчаніе; теперь-же, къ сожалѣнію, видимо другое направленіе. Я болѣе чѣмъ не люблю налагать наказанія на офицеровъ, считая, что начальникъ, заслужившій наказаніе, не можетъ быть надежнымъ исполнителемъ и теряетъ обаяніе передъ подчиненнымъ".

Какъ бы дополненіемъ этихъ приказовъ можетъ служить слѣдующія строки одного изъ его писемъ 1894 года:

. . . „Прежде была конкуренція, соревнованіе, интересовались дѣломъ, а теперь все какъ-то опустилось; всѣ только считаютъ или дни службы, или прибыль отъ нея. А живого интереса къ дѣлу не видно, не видно чтобы люди клали душу въ него—оно теперь совершенно мертвенно. И подумаешь: много-ли времени прошло какъ все перемѣнилось. Да это и не у однихъ насъ, а кажется во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности; а безъ энергіи, безъ души и работать нельзя.

Я помню еще недавно, находясь въ Копенгагенѣ при постройкѣ „Манджура", я весь былъ преданъ дѣлу; работалъ съ увлеченіемъ и какъ пріятно такъ работать... Чувствуешь, что живешь и что-то создаешь... Работалось чрезвычайно легко. Теперь-же всѣ служатъ по цензу. Командиры—калифы на часъ; офицеры—при малѣйшемъ предлогѣ говорятъ: „цензъ-то доплавать я вездѣ могу; пойду на другое судно". И вѣрно уйдетъ. Доплаваетъ и смотришь, не потеряетъ, а еще выиграетъ. Я говорю, что какъ командиры, такъ и офицеры это знаютъ и со-

образно этому дѣйствуютъ. Ну, можетъ-ли при такихъ ненормальныхъ условіяхъ какое-нибудь живое дѣло идти впередъ съ увѣренностью, что достигнешь хорошихъ результатовъ? Конечно, нѣтъ.

На суднѣ все въ большомъ порядкѣ: ученія идутъ хорошо; офицеры все люди хорошіе, относятся къ дѣлу съ усердіемъ, но спокойнымъ. Однимъ словомъ, все идетъ чинно, но не такъ какъ я люблю это дѣлать. Все идетъ хорошо, но духъ не тотъ который я самъ вкладывалъ въ дѣло прежде. Я знаю, что все идетъ хорошо, потому что я стерегу чтобы дѣло не застоялось. Требуется неослабный мой надзоръ и напоминаніе. Я вижу, что дѣлаютъ, но дѣлаютъ безъ души и что всего тяжелѣе, что по нынѣшнимъ временамъ иначе и быть не можетъ. А это-то для меня и тяжело. Это-то и дѣйствуетъ на энергію. Не могу идти за новымъ временемъ. Отъ того-ли это происходитъ, что я старше сталъ, или оттого, что я потративъ много лѣтъ и положивъ всю душу въ это дѣло, утомился и мнѣ нужно другого рода дѣятельность, съ большимъ кругозоромъ, которая оживила-бы мою энергію,—я не знаю. Только главную причину я знаю, какъ я писалъ выше, это вялое, хотя и добросовѣстное отношеніе къ дѣлу всѣхъ. Нѣтъ любви, или она очень пассивная“...

Передъ самымъ приходомъ въ Тулонъ, крейсеръ „Адмиралъ Нахимовъ“ долженъ былъ присоединиться къ эскадрѣ.

На широтѣ Барселоны, гдѣ онъ поджидалъ прихода остальныхъ, состоялось его присоединеніе, едва не окончившееся крайне печально для крейсера „Память Азова“. По не ясно понятому сигналу, „Адмиралъ Нахимовъ“, вмѣсто того, чтобы вступить въ кильватеръ крейсеру „Память Азову“, для чего „Рында“ оставилъ мѣсто за крейсеромъ, пытался вступить въ кильватеръ броненосцу „Императоръ Николай I“, т. е. идти впереди крейсера. Столь неожиданный маневръ, повлекшій къ соприкосновенію его съ „Азовомъ“ окончился благополучно только благодаря Григорію Павловичу, его полному самообладанію, огромному присутствію духа и детальному знанію своего корабля. „Благодаря правильнымъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ

командира крейсера „Память Азова“, столкновеніе ограничилось легкимъ прикосновеніемъ и незначительнымъ поврежденіямъ“, гласила резолюція суда.

Случай этотъ заставилъ въ то время много говорить о себѣ. Каждый изъ офицеровъ крейсера горячо стоялъ за Григорія Павловича, съ гордостью и увѣренностью готовъ былъ спорить, что не будь тутъ Григорія Павловича, не обошлось бы это столь благополучно.

Въ блестящемъ управленіи крейсеромъ Григоріемъ Павловичемъ приходилось убѣждаться не разъ. Вспоминался, имѣвшій мѣсто случай при выходѣ „Память Азова“ изъ гавани Пирея, вообще узкой, а въ то время загроможденной судами, при сильномъ неблагопріятномъ вѣтрѣ. Положеніе было не легкое, чтобы развернуться на такомъ маломъ разстояніи безъ перлиней и какой-либо помощи, и только математическій вѣрный разсчетъ и знаніе корабля дали возможность управиться. И Григорій Павловичъ снялся съ якорей, развернулся и вышелъ такъ красиво, что не только получилъ благодарность отъ адмирала, но и самые восторженные отзывы отъ иностранцевъ, говорившихъ потомъ, что они прямо любовались этимъ маневромъ.

Кстати упомянуть и о другомъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто много позже, уже на Востокѣ, на рейдѣ Чифу.

Кромѣ нашихъ судовъ было много иностранныхъ и ближе всего англійскій броненосецъ подъ адмиральскимъ флагомъ. Крейсеръ былъ окруженъ до тѣсноты.

Григорію Павловичу, какъ видно, очень не нравилось положеніе крейсера и вотъ по сигналу „сняться съ якоря“, Григорій Павловичъ, какъ только былъ поднятъ якорь, не сталъ пробираться между судами, что замедлило-бы на много маневръ, а началъ круто ворочать почти на пяткѣ въ сторону англійскаго броненосца.

Жутко показалось, когда крейсеръ, бросившись въ сторону, сталъ приближаться къ англичанину. За быстрымъ приближеніемъ трудно было предвидѣть, въ какомъ разстояніи крейсеръ можетъ развернуться, да и успѣетъ-ли.

На броненосцѣ выстраивался караулъ, а остальная команда

забѣгала, должно-быть, задраивать переборки. Казалось, „Память Азова“ непремѣнно потаранитъ его; вотъ видно, какъ спѣшно выбѣгаетъ на верхъ англійскій адмиралъ. Крейсеръ все приближается ближе и ближе... Замерло все. Лишь музыканты играютъ русскій и англійскій національные гимны... Ударъ въ корму неизбѣженъ...

И вдругъ все измѣнилось. Крейсеръ „Память Азова“ со спокойной фигурой Григорія Павловича, отдающаго честь англійскому флагу, могуче проходитъ въ саженяхъ пяти отъ борта броненосца, словно поддразнивая лихимъ величественнымъ маневромъ удивленныя лица не ожидавшихъ благополучнаго исхода моряковъ иностранной державы.

А Григорій Павловичъ стоитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Послѣ Тулонскихъ празднествъ, въ которыхъ „Память Азова“ принималъ участіе, крейсеръ проплавалъ въ эскадрѣ адмирала Авелана въ Средиземномъ морѣ до 23-го ноября 1894 г., вышелъ изъ Пирея для слѣдованія на Дальній Востокъ соединенно съ минными крейсерами „Всадникъ“ и „Гайдамакъ“. Надвигавшіяся событія требовали сосредоточенія тамъ нашихъ силъ. Были необходимы и минные крейсера. Но самостоятельный переходъ черезъ Индійскій океанъ для такихъ судовъ былъ-бы очень затруднителенъ по недостатку угля и воды; онъ вызвалъ-бы значительное изнашиваніе механизмовъ и котловъ.

Григорію Павловичу поручается ихъ благополучіе и онъ со свойственной ему точностью предусматриваетъ всѣ обстоятельства совмѣстнаго плаванія, даетъ инструкціи и указанія, какъ и что надо сдѣлать, на что обратить вниманіе еще до выхода въ море. На переходахъ крейсера по очереди буксируются. „Память Азова“ въ это время снабжаетъ ихъ и провизіей и углемъ въ морѣ, по устроенному самимъ Григоріемъ Павловичемъ леерному сообщенію. Обстоятельства плаванія являются довольно тяжелыми, но все преодолѣвается благодаря энергіи и опытности Григорія Павловича и минные крейсера исправно и въ цѣлости прибываютъ въ Сингапуръ, откуда уже слѣдуютъ самостоятельно.

Минный крейсеръ „Всадникъ“ на буксирѣ.

Нельзя было смотрѣть безъ сожалѣнія на маленькіе крейсеры, которымъ иногда приходилось и очень плохо. Нордостовый муссонъ въ Индійскомъ океанѣ порой разводилъ такую волну, что раскачивало и „Азовъ“, а крейсеры выматывались до чрезвычайности. Другой разъ покроетъ волной до половины и думаешь: цѣлъ-ли? Съ полубака льются цѣлые каскады брызгъ, покрываютъ и мостикъ, и трубу. Днемъ еще видно, что тамъ дѣлается, а ночью, когда закроетъ волной отличительные огни, такъ жутко станетъ. Такъ какъ „Азовъ“ буксировалъ ихъ по очереди, то надо было зорко слѣдить, какъ за буксиромъ, такъ и за буксируемымъ судномъ и одновременно не упускать изъ виду и другой крейсеръ, шедшій самостоятельно. Вотъ онъ отстанетъ и мелькаетъ гдѣ-то вдали; видишь, какъ выписываетъ восьмерки, показывая то правый, то лѣвый киль. Маневры передачи угля на „Гайдамакъ“ и „Всадникъ“ при такихъ тяжелыхъ условіяхъ показывали большую опытность и точность Григорія Павловича также и буксированіе крейсеровъ.

Находясь отъ Коломбо миляхъ въ 300, пришлось взять „Гайдамакъ“ на буксиръ при слѣдующихъ условіяхъ:

23-го декабря, въ ночь, появилась зыбь NO, которая значительно усилилась къ утру. Сила вѣтра дошла до 6—7 балл.,

высота волны до 12 ф., а длина до 250. Отрядъ имѣлъ около 9 узловъ хода. Для минныхъ крейсеровъ это былъ жестокій штормъ, качало ихъ скверно; боковые размахи были до 30°, килевые—не менѣе 15°. Они все время были покрыты разбивающимися волнами, какъ прибрежные камни бурунами. Очень жалко было смотрѣть на нихъ. Боялись, чтобы не случилось чего-нибудь съ рулемъ или машиной.

Вотъ „Гайдамакъ" начинаетъ отставать и дѣлаетъ сигналъ „не могу управляться". Этотъ сигналъ подѣйствовалъ очень тяжело на всѣхъ; можно было ожидать очень дурныхъ послѣдствій. Григорій Павловичъ ставился въ тяжелое, отвѣтственное положеніе: взять его на буксиръ въ такую погоду нельзя безъ риска потопить его. Не взять—тоже можетъ, Богъ знаетъ, что случиться съ нимъ. Григорій Павловичъ повернулъ на обратный курсъ къ „Гайдамаку", въ это время скрылись огни его... Это уже совсѣмъ скверно. Можетъ,—залило; можетъ,—котелъ взорвало. Придя на мѣсто, гдѣ онъ долженъ былъ быть—его не могли найти и на сигналъ, повторенный два раза, „показать свое мѣсто", отвѣта не было. Кругомъ ходитъ волна, да бѣлые гребни... Тревога усиливалась.

Наконецъ, увидѣли красный огонекъ далеко подъ вѣтромъ; Григорій Павловичъ взялъ курсъ на него. Увидѣлъ сигналъ фонаремъ—значитъ, „Гайдамакъ". Отлегло отъ сердца. Григорій Павловичъ подошелъ къ нему съ навѣтра и легъ параллельно ему въ дрейфъ на разстояніи человѣческаго голоса. Катера спустить нельзя; подойти на такой волнѣ—тоже, почему Григорій Павловичъ рѣшилъ передать буксиры при помощи спасательной ракеты. Линь былъ благополучно переброшенъ черезъ „Гайдамакъ"; переданъ проводникъ спасательнаго леера, а потомъ и самъ лееръ. На лееръ Григорій Павловичъ привязалъ кабельтовъ для передачи, на который для приданія ему плавучести были навязаны полѣнья. Травя кабельтовъ, убѣдились, что на „Гайдамакѣ" его выбрать не могутъ, тогда Григорій Павловичъ осторожно выбралъ его обратно и началъ подтягивать „Гайдамакъ" спасательнымъ лееромъ.

Такимъ образомъ удалось приблизить его къ „Азову" са-

женъ на 25 и тогда уже передали кабельтовъ, а за нимъ и другой.

Только около 4-хъ час. ночи окончили эту работу и маневръ взятія Григоріемъ Павловичемъ „Гайдамака" на буксиръ въ такую погоду, такъ хорошо выполненный, долженъ былъ удовлетворить его гордость, какъ прекраснаго и опытнаго моряка.

Далѣе крейсеръ идетъ одинъ въ Гонконгъ.

Нельзя здѣсь не остановиться на одномъ фактѣ, отмѣчавшемъ характерную также черту Григорія Павловича, увѣренность въ себѣ, основанную на основательномъ знаніи дѣла, обстоятельствъ и людей. Касалось это англичанъ.

Дѣло въ томъ, что по подходѣ къ Гонконгу оказалось, что теченіемъ крейсеръ снесло на 28 миль къ вестъ-зюдъ-весту. Чтобы сократить путь на 12 миль, Григорій Павловичъ рѣшилъ пройти къ Гонконгу съ вестовой стороны (западной). Полученныя карты, исправленныя въ 1893 г., показывали, что по западную сторону острова глубина достаточная для прохода крейсера. Лоцманъ, принятый на крейсеръ, увѣрялъ, что тамъ банки и глубина всего до 4-хъ саженъ, чего не было на нашихъ картахъ.

По отзывамъ англичанъ, ихъ большія суда также не проходили тамъ по тѣмъ же причинамъ.

Григорій Павловичъ, убѣжденный въ томъ, что за одинъ годъ глубина не могла измѣниться только на одной западной сторонѣ, пошелъ западнымъ проходомъ, провѣряя точно глубины, и нигдѣ не нашелъ меньше 5 саженъ, даже отнеся ихъ къ самой малой водѣ.

А на англійскихъ картахъ, при сличеніи съ нашими, по прибытіи уже въ Гонконгъ, вездѣ было помѣчено отъ одной до двухъ саженъ менѣе.

Англичане сдѣлали видъ, что крайне удивлены, какъ могъ пройти тамъ крейсеръ, имѣвшій углубленіе до 26 футъ.

По этому случаю Григорій Павловичъ заноситъ на страницы своихъ записокъ:

„Просто хотятъ людей оморочить. Надѣлаютъ несуществующихъ банокъ, старыя карты потомъ уничтожатся, о нихъ забудутъ, а командиры будутъ новые, не видѣвшіе старыхъ картъ,

и будутъ увѣрены, что нечего и думать тамъ ходить... А со стороны этого прохода Гонконгъ плохо укрѣпленъ и защитить трудно, такъ какъ ширина въ шесть миль, причемъ противоположный берегъ принадлежитъ китайцамъ. Ни передъ чѣмъ не постоятъ англичане. А „Азовъ" свободно прошелъ тамъ, гдѣ они говорятъ, что, Боже упаси, проходить съ углубленіемъ въ 26 футъ".

Уходя изъ Гонконга, Григорій Павловичъ снова пошелъ тѣмъ же путемъ, чтобы еще разъ провѣрить. И подозрѣнія его подтвердились: глубины оказались вездѣ большими, чѣмъ было указано на картахъ, несмотря на то, что была принята во вниманіе высота воды въ то время.

Изъ Гонконга крейсеръ пошелъ въ Нагасаки, куда прибылъ 6-го февраля 1895 г.

Въ это время политическій горизонтъ заволакивался тучами. Былъ близокъ разрывъ съ Японіей. 7-го апрѣля эскадра была увѣдомлена о необходимости быть готовой ко всему, такъ какъ начались дипломатическіе переговоры съ Японіей объ очищеніи Манджуріи...

Извѣстіе это застаетъ ее разрозненной: въ Нагасаки стоятъ: „Память Азова", „Императоръ Николай I", „Гремящій", „Свеаборгъ", „Всадникъ", „Гайдамакъ". Въ Кобэ—„Адмиралъ Нахимовъ", „Рында", „Кореецъ". Въ Іокогамѣ—„Адмиралъ Корниловъ". Въ Шанхаѣ—„Крейсеръ" и „Манджуръ". Въ Чифу—„Разбойникъ" и „Владиміръ Мономахъ". Въ Тяньцзинѣ—„Сивучъ". Въ Чемульпо—„Забіяка". Во Владивостокѣ—миноносцы и „Бобръ".

Чувствовалось приближеніе важнаго момента. Взрывъ могъ быть каждую минуту. Въ каютъ-компаніи шли оживленные и горячіе разговоры о возможности того или другого исхода. И Григорій Павловичъ, какъ человѣкъ долга, обрисовывался въ слѣдующихъ словахъ:

...„Теперь надо только одно помнить всѣмъ,—это исполнить долгъ передъ Родиной. Къ этому я готовился всю мою жизнь, всю мою службу. Будемъ покойны. Мы всѣ въ рукахъ руководящаго Промысла Божія. Въ войнѣ мало удовольствія.

Если даже лично не пострадаешь, то не надо забывать стоящее рядомъ множество, изъ которыхъ громадному большинству жить хочется... У нихъ есть близкіе, они будутъ страдать за нихъ. Даже это одно размышленіе не можетъ не склонять каждаго къ тому, чтобы не желать войны. Но въ то же время у меня ясно сознаніе, что не въ нашей волѣ мѣнять историческій ходъ событій, и я, спокойно подчиняясь неизбѣжности, не отступлю отъ исполненія своего долга. Надо быть твердымъ, какъ въ личномъ, такъ и въ общемъ дѣлѣ... Сколько глазъ, вѣдь, смотрятъ на тебя. Всѣ они воспринимаютъ ту-же увѣренность и спокойствіе духа, дающія не только личное удовлетвореніе, но и залогъ успѣха въ дѣлѣ... Нѣтъ удрученныхъ. Вѣдь духъ царитъ надъ жизнью, а не плоть".

По своему обычаю записывая все происходящее, Григорій Павловичъ и за этотъ періодъ времени подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ заносилъ въ свой дневникъ все, чему былъ онъ свидѣтелемъ.

Не считая еще своевременнымъ опубликованіе всѣхъ его записокъ, нельзя не привести нѣкоторые отрывки изъ нихъ, касающіеся этой эпохи, показывающіе его глубокое пониманіе дѣлъ Дальняго Востока и взглядъ на Японію...

...„Японцы дѣйствуютъ чрезвычайно обдуманно и аккуратно; ни одного лишняго шага, никакой торопливости или дѣйствія на „авось". Пока они не заикаются о Кореѣ, но я полагаю, что они думаютъ обойти насъ. Они будутъ показывать видъ, что о Кореѣ не думаютъ, а, занявъ теперь въ ней первенствующее положеніе, назначая министровъ, держа короля въ рукахъ и даже какъ-бы подъ арестомъ, давъ Кореѣ взаймы пять милліоновъ, разсчитываютъ, что послѣ войны останутся тамъ господами и, какъ-бы незамѣтно, будутъ править ею по своему усмотрѣнію и по своей манерѣ, а затѣмъ, какъ вслѣдствіи совершившагося факта, укрѣпившись въ ней, черезъ нѣсколько лѣтъ думаютъ прикарманить ее. Но вотъ тутъ-то и загвоздка. Будетъ-ли это допущено? Удастся-ли Японіи обойти Россію? Я думаю, если мы теперь-же, немедленно по заключеніи мира, не попросимъ японцевъ удалиться и оставить Корею въ покоѣ

(что при нашей дипломатіи врядъ-ли возможно), то потомъ намъ придется считаться съ Японіей и именно тогда, когда она еще вдвое станетъ сильнѣе, вооружившись на милліоны, взятые съ Китая. Она и теперь въ военномъ отношеніи сильнѣе насъ на Востокѣ, а флотъ во всякомъ случаѣ не слабѣе насъ".

Далѣе видно, насколько ясно сознаетъ Григорій Павловичъ неготовность эскадры къ грядущимъ событіямъ въ отсутствіи плана, въ разбросанности судовъ по разнымъ портамъ, въ отсутствіи миноносцевъ, оставшихся во Владивостокѣ.

...„Достоинство не велико—зарядить пушки, да палить, а надо умѣючи подготовиться, чтобы къ данному времени быть сильнѣе противника. Надо сосредоточиться, надо собрать всѣ рессурсы, какіе только возможно, чтобы ничто не осталось въ бездѣйствіи. Войной не шутятъ и каждый потерянный часъ можетъ быть гибеленъ. Тотъ выигрываетъ, кто ни на минуту ничего не откладываетъ, что можетъ быть сдѣлано... Миноносцы не теперь надо требовать, а раньше—и требовать настоятельно. За это время они (миноносцы) могли идти, куда угодно: въ Лазаревъ, Фузанъ, Нагассаки"...

Относительно отсутствія базы и способа воздѣйствія на Японію, быстро опредѣливъ положеніе момента, Григорій Павловичъ пишетъ:

...„Единственнымъ средствомъ для веденія войны съ сильной противницей, имѣющей сильный и подготовленный флотъ къ военнымъ дѣйствіямъ, является уничтоженіе способовъ сношенія японской арміи съ Японіей, для чего всѣ силы нашего флота должны быть направлены на уничтоженіе японскаго флота. Базою долженъ быть г. Чифу, куда и должна собраться вся эскадра Тихаго океана"...

Его удивляетъ настояніе дипломатіи: ни въ какомъ случаѣ не выходить изъ Японіи всѣмъ судамъ въ одинъ день.

...„Будто уходомъ своимъ эскадра произведетъ дурное впечатлѣніе и нарушитъ начатые переговоры, что все погибнетъ отъ этого. Какъ-будто мы должны производить хорошее впечатлѣніе, а не показывать силу и рѣшимость дѣйствовать. Вѣчно

одна наша дипломатическая пѣсня—всѣмъ угождать, всѣмъ все отдавать, чтобы быть только пріятными"...

Мнѣніе Григорія Павловича о выборѣ базы, о необходимости именно въ одинъ день и часъ всѣмъ уйти изъ японскихъ портовъ, поддержанное адмираломъ С. П. Тыртовымъ, восторжествовало.

Флагъ адмирала С. П. Тыртова поднимается на „Памяти Азова". Вся эскадра покидаетъ Японію. Это происходитъ 21-го апрѣля. Мѣсто назначенія не объявляется никому и только въ открытомъ морѣ 23-го апрѣля, въ день Тезоименитства Государыни Императрицы, становится извѣстнымъ, что рандеву—Чифу. Эскадра на пути перекрашивается въ боевой цвѣтъ.

Съ приходомъ въ Чифу Григорій Павловичъ назначается начальникомъ штаба соединенныхъ эскадръ приказомъ адмирала Тыртова.

Какъ на таковомъ, на немъ ложится серьезная отвѣтственность за готовность всей эскадры, за ея своевременное снабженіе углемъ и провизіей, за всю строевую часть.

Начинается одушевленная и серьезная совмѣстная работа по приведенію всей эскадры на боевое положеніе...

Между тѣмъ, по поводу телеграммы нашего посланника изъ Пекина, что онъ, по приказанію изъ Петербурга, пріостановилъ ратификацію мирнаго договора Китаемъ, Григорій Павловичъ замѣчаетъ:

...„Все идетъ такъ медленно, какъ-будто мы не къ войнѣ готовимся; всѣ такъ спокойно относятся... а японцы, навѣрно, 26-го апрѣля (8-го мая) въ полночь откроютъ военныя дѣйствія и мы должны будемъ объявить войну Японіи, между тѣмъ, нѣмецкій адмиралъ не даетъ о себѣ знать, а французскій не имѣетъ никакихъ распоряженій. Ему сказано: согласоваться съ нами, но это не значитъ, чтобы онъ открылъ военныя дѣйствія, ежели у насъ выйдетъ что-либо, или—японцы нанесутъ оскорбленіе и мы откроемъ огонь"...

Такимъ образомъ, Григорій Павловичъ, какъ-бы, предсказалъ, зная политику и характеръ японцевъ, возможное оскорбленіе, возможное неожиданное нападеніе съ ихъ стороны, оправдавшееся потомъ подъ Портъ-Артуромъ такъ блистательно.

Но начавшіяся приготовленія, однако, были закончены послѣ телеграммы о томъ, что Японія отказывается отъ своихъ притязаній на Ляодунскій полуостровъ и—что можно разсчитывать на благополучное окончаніе дипломатическихъ переговоровъ... Гроза пронеслась мимо.

...,,Японцы, записываетъ Григорій Павловичъ, согласились со всѣми требованіями. Конечно, оружія складывать нельзя, и изъ тлѣющаго пепла можетъ возгорѣться пламя. Какъ у насъ думаютъ, на одинъ день. Обмѣнялись трактатами и сейчасъ же миноносцы отставить. Изъ-за чего? Изъ-за какихъ-то сотенъ рублей. Кто знаетъ, что произойдетъ черезъ недѣлю, другую? Вѣдь мы имѣемъ дѣло не съ Европой, а дикой, своеобразно думающей Японіей. Надо помнить характеръ азіатскихъ цивилизаторовъ, съ ихъ азіатскимъ лицемѣріемъ и лукавствомъ, у которыхъ отсутствіе всякой религіи и нравственныхъ правилъ, не признающихъ обязательствъ международной чести; у которыхъ главный идеалъ—выгода данной минуты. Что выгодно, то и законно.

,,Дипломатія, видя ихъ въ шитыхъ мундирахъ и бѣлыхъ галстухахъ, принимаетъ за чистыхъ европейцевъ; ошибается, какъ всегда (всегда садилась между стульевъ).

,,Такими я ихъ всегда считалъ, такими они и есть, вопреки ихъ поклонниковъ нашихъ и вообще европейцевъ".

Здѣсь умѣстно привести слѣдующія строки, относящіяся къ позднѣйшему времени, когда Григорій Павловичъ покидалъ Дальній Востокъ въ декабрѣ 1901 года.

...,,Когда ее (Японію) удалили съ полуострова, ея амбиція, вообще чрезмѣрная, заставила ее вооружаться, на что ушла контрибуція, и еще надѣлала долговъ. За это время различныя партіи начали газетный походъ противъ Россіи, который не только поддерживается, но и разжигается англійскими газетами Дальняго Востока; разжигается возвеличеніемъ Японіи (она черезъчуръ амбиціозна), такъ и униженіемъ Россіи всякими способами: клеветой, руганью, умаленіемъ ея силы—всѣмъ, что можетъ ее унизить. Вотъ уже 7-й годъ, какъ я здѣсь слѣжу за состояніемъ Японіи. Ея правительство не сдерживаетъ разнуз-

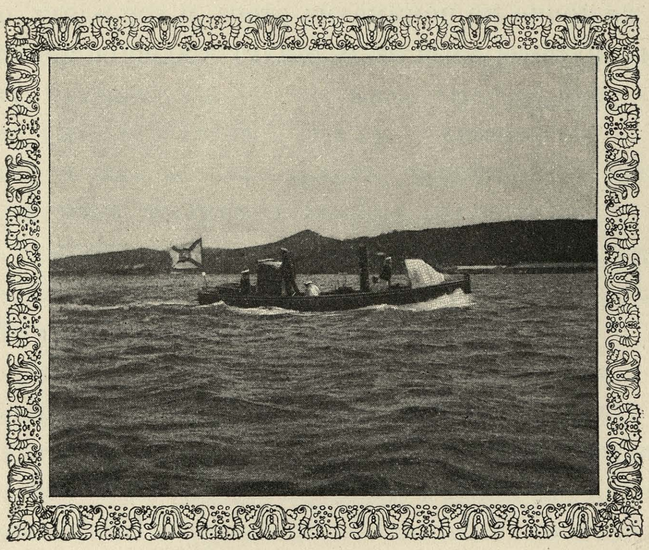
данности журналистики, наоборотъ, поощряетъ, чтобы пріобрѣсти приверженцевъ, и, слѣдовательно, ассигновки на вооруженіе. У нихъ флотъ сильнѣе нашего, а мы свой ослабляемъ тѣмъ отрядомъ, который я поведу съ Востока. Она лихорадочно строится, мы экономимъ, благодушествуемъ и разсчитываемъ на миролюбіе.

„Японіи надо пріобрѣсти Корею и унизить Россію. Ей надо униженіе Россіи, чтобы поднять свой престижъ въ глазахъ всего Востока и завладѣть умами Китая. Ея восточная фантазія идетъ безконечно дальше. Унизивъ Россію въ глазахъ Китая, она думаетъ пріобрѣсти союзника и тогда отбросить ее за Байкалъ. Конечно, это—ея фантазія, но безконечное число разъ повторяемая въ печати,—и этой восточной фантазіей загорѣлся политиканствующій народъ.

„Неужели мы будемъ настолько недальновидны, что не поймемъ этихъ историческихъ моментовъ? Японія стремится на материкъ и въ затаенной ненависти своей не проститъ намъ Ляодунъ. Мы же точно не понимаемъ этого, и все идетъ обычнымъ, медленнымъ путемъ, вмѣсто должнаго усиленія нашей арміи и флота!!..“

Григорій Павловичъ продолжалъ командовать крейсеромъ до января мѣсяца 1896 г., когда, Высочайшимъ приказомъ, былъ произведенъ по Манифесту въ контръ-адмиралы, съ назначеніемъ младшимъ флагманомъ эскадры Тихаго океана. Но и тутъ, въ чинѣ адмирала, онъ еще продолжалъ командовать крейсеромъ до 10-го января.

Нельзя не упомянуть, что прощаніе съ Григоріемъ Павловичемъ личнаго состава крейсера было самое сердечное, задушевное, какъ со стороны команды, такъ и офицеровъ. Казалось, что что-то обрывается... чувствовалась тяжелая грусть. При съѣздѣ его съ крейсера, старшіе изъ офицеровъ, все лейтенанты, сѣли на вельботъ и отвезли его на пристань. Это было въ Нагассаки.

Катеръ съ крейсера „Память Азова“.

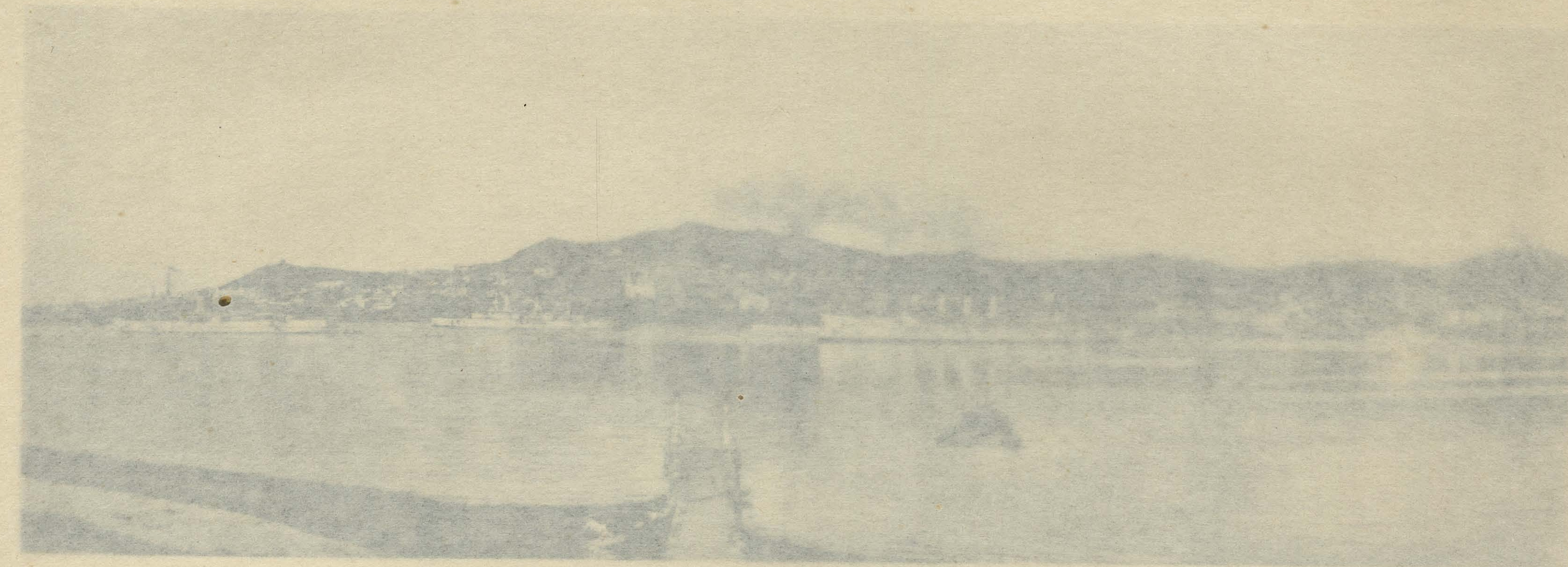
11-го января Григорій Павловичъ впервые поднялъ свой адмиральскій флагъ на лодкѢ „Отважный“. 17-го января перенесъ его на броненосецъ „Императоръ Николай I-й“. 9-го апрѢля адмиралъ съ лодками „Гремящій“ и „Манджуръ“ вышелъ въ Кіо-Чау, гдѢ, подъ его личнымъ наблюденіемъ, былъ произведенъ самый тщательный осмотръ всей бухты, которую тогда предполагали арендовать у Китая.

Въ Кіо-Чау присоединяется „Бобръ“, откуда начинается обходъ китайскихъ портовъ съ производствомъ на пути всевозможныхъ испытаній и маневровъ.

3-го мая адмиралъ прибылъ во Владивостокъ на броненосцѣ ,,Императоръ Николай I-й", съ отрядомъ изъ судовъ: ,,Манджуръ", ,,Всадникъ", ,,Гайдамакъ", ,,Уссури" и ,,Сунгари".

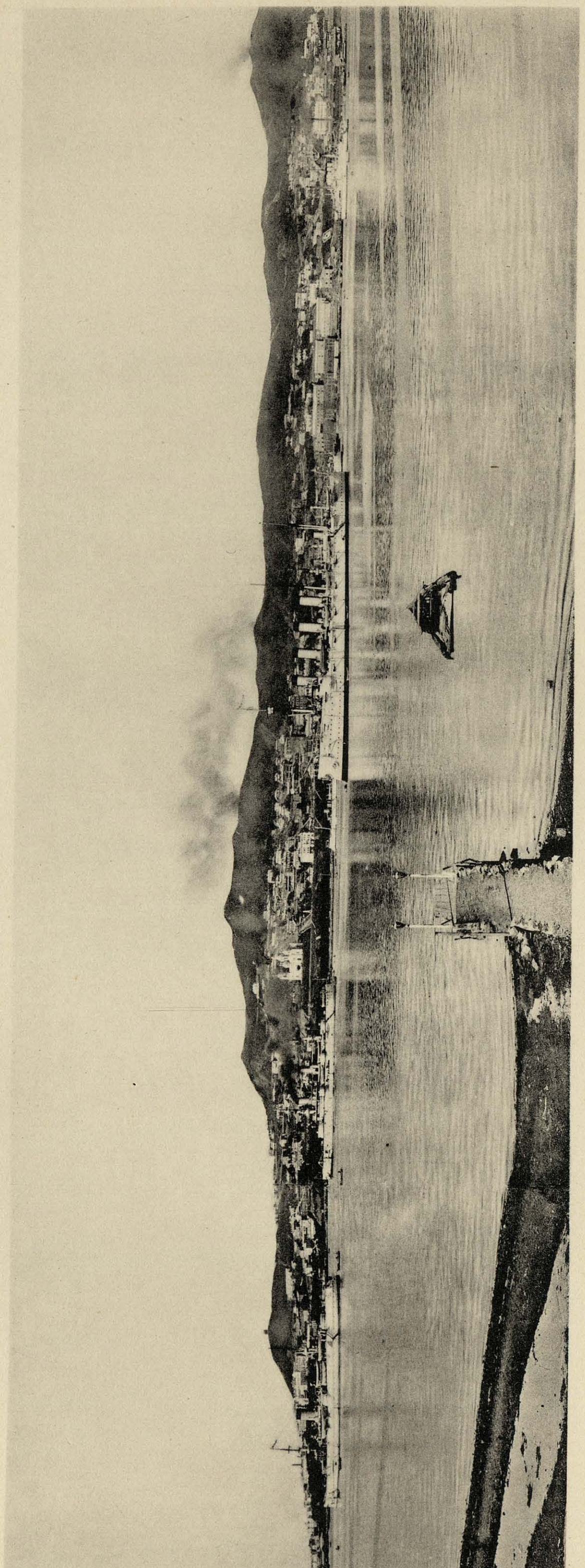
Здѣсь 20-го октября Григорій Павловичъ спустилъ флагъ младшаго флагмана и, по Высочайшему повелѣнію, вступилъ въ должность Командира Владивостокскаго порта.

ВЛАДИВОСТОКЪ

Видъ Владивостока.

Bayr. Bibliothek.

Мы всегда должны быть непремѣнно силь-
нѣе Японіи.

Высшая власть всегда должна своевремен-
но извѣщаться объ увеличеніи Японскаго фло-
та, чтобъ Россія въ извѣстный моментъ
не оказалась бы ниже наступательныхъ силъ
Японіи. Что при нынѣшней долговремен-
ной постройки судовъ легко можетъ случить-
ся если одновременно съ строящимъ про-
тивникомъ не увеличивать флота.

Во Владивостокѣ нашъ флотъ всегда дол-
женъ быть сильнѣе Японскаго; не должно
расчитывать на возможность усиленія его
Балтійскимъ. Балтійскій флотъ можетъ
служить только резервомъ, на случай по-
полненія убыли во время войны.

Во Владивостокѣ
Имѣть постоянный мѣстный флотъ.

Изъ черновой докладной записки Г. П. Чухнина отъ 11-го мая 1895 года.

Владивостокъ—въ настоящее время военный портъ и областной городъ Приморской Области, расположенный на южной оконечности полуострова Муравьева-Амурскаго по сѣвернымъ и западнымъ берегамъ бухты Золотой Рогъ и на восточномъ берегу Амурскаго залива,—какъ русскій населенный пунктъ извѣстенъ съ 1860 г., когда на военномъ транспортѣ „Манджуръ" сюда прибыла команда въ 40 человѣкъ нижнихъ чиновъ подъ командою прапорщика Комарова.

Отличное, въ стратегическомъ смыслѣ, расположеніе небольшого поселка, омываемаго водами Великаго океана, оцѣнили быстро. Въ 1862 г. во Владивостокъ передвигается взводъ горной баттареи, и городъ въ правительственныхъ распоряженіяхъ получаетъ наименованіе порта. Вскорѣ послѣ того здѣсь учреждается общественное управленіе во главѣ со старостою, а съ 1873 года сюда переносится изъ Николаевска и нашъ Главный Тихоокеанскій портъ.

Съ этого времени значеніе Владивостока замѣтно поднимается. Увеличиваются возведенныя въ 1876—77 годахъ, по случаю ожидавшейся войны съ Англіей, береговыя баттареи, растетъ населеніе, развивается торговля, и изъ маленькаго незамѣтнаго поселка образуется укрѣпленный пунктъ, грозный врагамъ и важный интересамъ Россіи на Дальнемъ Востокѣ.

Чтобы понять, насколько важно было это быстрое расширеніе вновь образовавшагося порта, необходимо имѣть въ виду, что Владивостокъ представлялъ собою единственный оплотъ Россіи въ водахъ Великаго океана и базу для нарождавшагося Тихоокеанскаго флота: только здѣсь, подъ жерлами пушекъ сильной крѣпости, корабли русской эскадры могли бы пополнить

свои запасы, произвести ремонтъ или, на случай войны, найти надежное убѣжище для спѣшнаго исправленія полученныхъ въ бояхъ поврежденій.

Переустройство порта началось въ 80-хъ годахъ, когда численное увеличеніе состава Тихоокеанской эскадры и размѣра самыхъ судовъ показали, что имѣвшіяся въ распоряженіи порта средства далеки отъ требованій, вызываемыхъ нуждами времени и потребностями флота.

Отсутствіе хорошо оборудованныхъ складовъ не гарантировало достаточнымъ образомъ храненія всегда необходимыхъ запасовъ, не было подъ рукою нужныхъ средствъ для выполненія заказовъ возросшаго количества судовъ, мастерскія порта пришли въ ветхость, чувствовался недостатокъ опытныхъ рабочихъ рукъ.

Для устраненія замѣченныхъ недочетовъ былъ намѣченъ рядъ новыхъ работъ. Но, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ портъ обстраивался медленно; появился госпиталь, церковь. Главная же честь оборудованія и поднятія Владивостока на степень первокласснаго порта выпала на долю Григорія Павловича.

Григорій Павловичъ вступилъ въ должность Командира Владивостокскаго порта 18-го октября 1896 г.

Какъ истинно-русскій человѣкъ, горячо любившій родину, знавшій этотъ край, Григорій Павловичъ цѣнилъ его, какъ окраину, гдѣ должно было развиться и основаться будущее могущество Россіи, гдѣ должна развиться жизнь русскаго народа, развернуться наши народныя силы. Владивостокъ, по его мнѣнію, долженъ былъ явиться первокласснымъ портомъ и базою нашего флота въ Тихомъ океанѣ, имѣя въ своемъ распоряженіи запасы для всей эскадры и матеріалы, достаточные для ремонта большихъ и постройки мелкихъ быстроходныхъ судовъ. Такимъ образомъ, въ связи съ этимъ краемъ, Владивостокъ, въ глазахъ Григорія Павловича, получалъ исключительно важное значеніе.

Григорій Павловичъ началъ съ самаго подробнаго осмотра порта, который нашелъ далеко не въ блестящемъ состояніи. Начатыя постройкой сооруженія были не закончены, работы

текли вяло, задуманные проекты въ исполненіе не приводились.

Результатомъ осмотра порта, хода службы въ немъ, а также средствъ порта по матеріальной части и личному составу, съ которыми адмиралъ былъ хорошо знакомъ еще во время плаванія въ эскадрѣ Тихаго океана, была обширная докладная записка высшему начальству, въ которой Григорій Павловичъ высказалъ убѣжденіе въ настоятельной необходимости поставить портъ на высоту дѣйствительныхъ потребностей нашихъ въ Тихомъ океанѣ.

По его мнѣнію, ,,въ данное время портъ есть не болѣе, какъ небольшое ремонтное учрежденіе и депо для снабженія и удовлетворенія повседневныхъ, обыденныхъ потребностей судовой жизни, но не есть базисъ, на средства котораго эскадра, или отдѣльныя суда могутъ всегда разсчитывать для немедленнаго исправленія большихъ поврежденій. Безъ настоящихъ

Безъ настоящихъ средствъ перво классного порта, Владивостокскій портъ не можетъ служить дѣйствительной опорой для эскадры въ военное время.

средствъ первокласснаго порта — Владивостокъ не можетъ служить дѣйствительной опорой для эскадры въ военное время. Уже въ настоящее время ему приходится снабжать и ремонтировать эскадру и свою флотилію, а средства порта не могутъ удовлетворять этому, да и этотъ портъ единственный въ россійскихъ предѣлахъ на Востокѣ".

,,Никакимъ образомъ, находилъ адмиралъ, нельзя медлить въ расширеніи средствъ порта, ибо внѣ всякаго сомнѣнія, какъ англичане, такъ и японцы—хорошо знаютъ наши средства и имѣютъ въ виду, что на случай военныхъ дѣйствій, послѣ перваго же сраженія или просто случайной аваріи, случавшейся

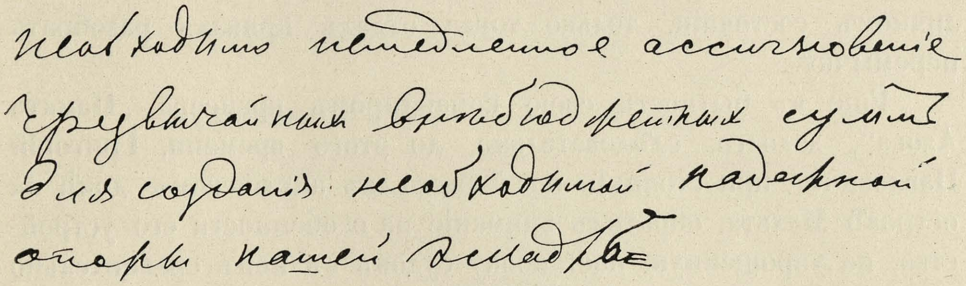
даже и не въ бою, Владивостокскій портъ не можетъ исправить судно и сдѣлать его годнымъ снова выйти въ море".

Никакимъ образомъ нельзя медлить въ расширеніи средствъ порта могущихъ держать суда въ боевой готовности

„Надо не упускать изъ вида, прибавлялъ адмиралъ, что Японія имѣетъ три военныхъ порта, со средствами для ремонта, далеко превосходящими наши, и безостановочно идетъ впередъ, имѣя къ тому-же, кромѣ казенныхъ средствъ, въ своемъ распоряженіи нѣсколько частныхъ доковъ и заводовъ въ Нагасаки, Іокогамѣ, да еще приступаетъ къ подобнымъ сооруженіямъ въ другихъ портахъ. Еще передъ войной съ Китаемъ она незамѣтно для европейцевъ собрала громадныя средства, а теперь въ тиши своихъ закрытыхъ портовъ, съ энергіей, не жалѣя денегъ, подготовляетъ всѣ средства для возможной войны съ нами, а мы относимся къ этимъ возможнымъ случайностямъ слишкомъ спокойно, послѣдствія которыхъ, можно предвидѣть, не будутъ для насъ благопріятны. Наша эскадра должна быть всегда готова вступить въ бой, таково ея назначеніе, что требуетъ усиленнаго ремонта и быстраго его производства, къ чему портъ всегда долженъ быть готовъ. Посему здѣсь необходимо производить постройки хотя-бы небольшихъ судовъ, миноносцевъ и минныхъ крейсеровъ, а также машинъ для нихъ, чтобы имѣть практику мастерамъ и работу для мастерскихъ порта въ тотъ моментъ, когда почему-либо окажется мало работы на судахъ эскадры. Ежели бы оказались моменты, когда въ порту не было бы достаточно работъ по ремонту судовъ для всего количества мастеровыхъ, то мастерскія все-таки должны быть въ полной работѣ; мастеровыхъ здѣсь нельзя распускать; распустивъ, когда наступитъ въ нихъ крайняя нужда, ихъ не окажется. Не предвидя этихъ обстоятельствъ и не уста-

новивъ принципъ необходимости содержать портъ въ полной готовности приступить немедленно, во всякое время, ко всякому ремонту судовъ эскадры и ихъ механизмовъ, нельзя разсчитывать, что какъ эскадра, такъ и отдѣльныя суда всегда будутъ готовы къ боевой службѣ".

Какъ заключенiе отсюда адмиралъ выводилъ, „что въ виду этого необходимо немедленное ассигнованiе чрезвычайныхъ

необходимо немедленное ассигнованiе чрезвычайных внебюджетных сумм для создания необходимой надежной опоры нашей эскадры

средствъ, внѣ бюджетныхъ, для созданiя необходимой надежной опоры нашей эскадрѣ. А такъ какъ Владивостокъ слишкомъ далеко отстоитъ отъ центральныхъ управленiй Россiи, и самые простые вопросы, вслѣдствiе медленныхъ почтовыхъ сношенiй затягиваются чуть не на года, то для успѣха дѣла необходимо большее довѣрiе и большiй просторъ мѣстнымъ окраиннымъ органамъ".

Въ то же время адмиралъ немедленно приступилъ къ осуществленiю тѣхъ намѣченныхъ имъ работъ, которыя онъ считалъ крайне необходимыми и которыя были въ его средствахъ и возможности, а также и къ скорѣйшему окончанiю тѣхъ, что уже были начаты.

Одною изъ главныхъ насущныхъ потребностей адмиралъ считалъ поспѣшить окончанiемъ перваго сухого дока имени Цесаревича Николая. Сознавая всю важность такого дока, адмиралъ сконцентрировалъ на немъ особое вниманiе. Были призваны всѣ средства порта и инженеровъ. Адмиралъ детально входилъ во всѣ мелочи устройства, изучая самолично на мѣстѣ подробности затвора дока, вычерчивая собственноручно, оказавшiеся промахи и недостатки конструкцiи разныхъ частей,

требуя и давая средства немедленно ихъ исправлять, всегда присутствуя при ихъ испытаніяхъ.

Во время окончанія работъ сухого дока, въ самый интересный и отвѣтственный моментъ, когда надо отдать приказъ начать разбирать перемычку, адмиралъ нѣсколько разъ спускался на днище дока, лично осматривалъ и производилъ предварительныя испытанія деревяннаго бруса ботапорта, который дѣлаетъ водонепроницаемость, и когда убѣдился въ его отличномъ состояніи, только тогда отдалъ приказъ разобрать перемычку.

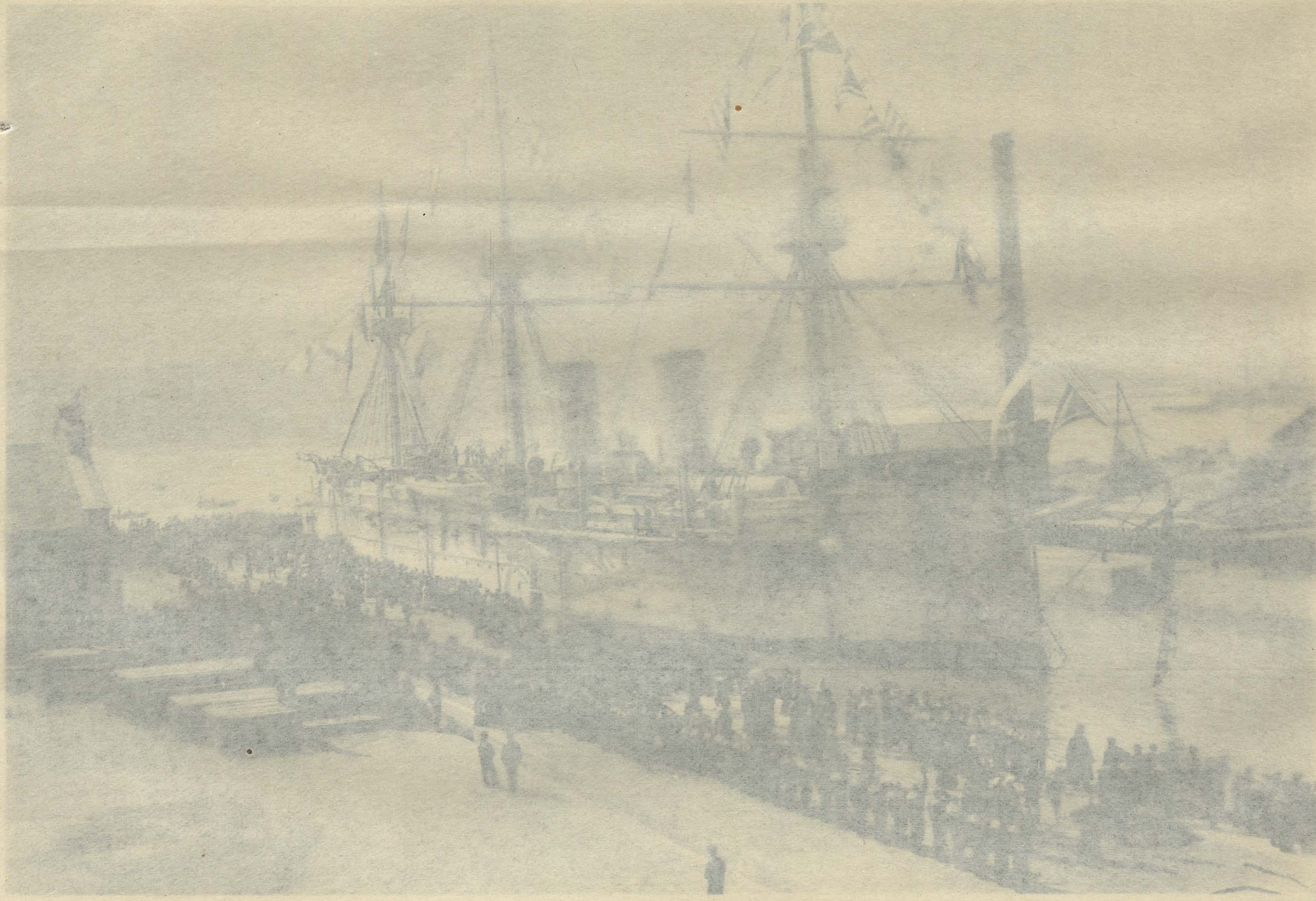
Еще въ бытность свою командиромъ крейсера „Память Азова", задолго, слѣдовательно, до этого времени, Григорій Павловичъ, при стоянкѣ послѣдняго въ англійскомъ докѣ на островѣ Мальта, обратилъ вниманіе на особенности его устройства, на упрощенную постановку судовъ въ немъ сравнительно съ нашимъ способомъ и обстоятельно донесъ обо всемъ этомъ. Теперь все это ему приходилось примѣнять на дѣлѣ.

Опыты надъ наилучшими способами быстро выкачать воду, требовавшіе коренныхъ исправленій, ни на минуту не останавливали его неутомимой дѣятельности. Примѣнялись различныя помпы, приспособлялись различные механизмы, какъ всегда при личномъ его участіи. Адмиралъ требовалъ самыхъ точныхъ наблюденій надъ этими работами, требовалъ вѣдомостей о работѣ помпъ, дѣйствіи затвора, пока все не было исправлено.

Открытіе перваго большого дока, обставленное большой церемоніей и отпразднованное всѣмъ Владивостокомъ, дало нравственное и вполнѣ заслуженное удовлетвореніе Григорію Павловичу.

Открытіе дока состоялось 7-го октября 1897 года вводомъ крейсера „Дмитрій Донской".

Осмотръ зданій экипажа и госпиталя и порядковъ въ нихъ заставляетъ адмирала спѣшить съ окончаніемъ постройки зданія казармъ для экипажа и главнаго корпуса морского госпиталя. Адмиралъ застаетъ команду, живущую еще въ старомъ, деревянномъ зданіи, привезенномъ еще изъ Николаевска и при-

Открытіе сухого дока.

требуя и давая средства немедленно ихъ исправлять, всегда присутствуя при ихъ испытаніяхъ.

Во время окончанія работъ сухого дока, въ самый интересный и отвѣтственный моментъ, когда надо отдать приказъ начать разбирать перемычку, адмиралъ нѣсколько разъ спускался на днище дока, лично осматривалъ и производилъ предварительныя испытанія деревяннаго бруса ботапорта, который дѣлаетъ водонепроницаемость, и когда убѣдился въ его отличномъ состояніи, только тогда отдалъ приказъ разобрать перемычку.

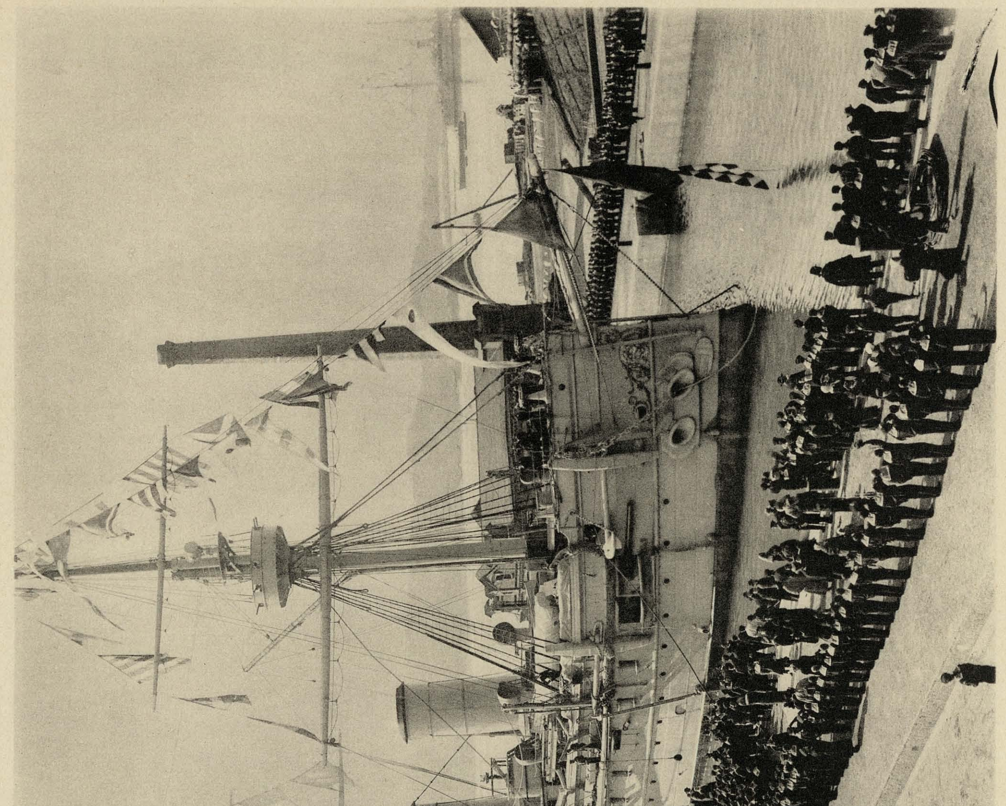
Еще въ бытность свою командиромъ крейсера „Память Азова", задолго, слѣдовательно, до этого времени, Григорій Павловичъ, при стоянкѣ послѣдняго въ англійскомъ докѣ на островѣ Мальта, обратилъ вниманіе на особенности его устройства, на упрощенную постановку судовъ въ немъ сравнительно съ нашимъ способомъ и обстоятельно донесъ обо всемъ этомъ. Теперь все это ему приходилось примѣнять на дѣлѣ.

Опыты надъ наилучшими способами быстро выкачать воду, требовавшіе коренныхъ исправленій, ни на минуту не оставливали его неутомимой дѣятельности. Примѣнялись различныя помпы, приспособлялись различные механизмы, какъ всегда при личномъ его участіи. Адмиралъ требовалъ самыхъ точныхъ наблюденій надъ этими работами, требовалъ вѣдомостей о работѣ помпъ, дѣйствіи затвора, пока все не было исправлено.

Открытіе перваго большого дока, обставленное большой церемоніей и отпразднованное всѣмъ Владивостокомъ, дало нравственное и вполнѣ заслуженное удовлетвореніе Григорію Павловичу.

Открытіе дока состоялось 7-го октября 1897 года вводомъ крейсера „Дмитрій Донской".

Осмотръ зданій экипажа и госпиталя и порядковъ въ нихъ заставляетъ адмирала спѣшить съ окончаніемъ постройки зданія казармъ для экипажа и главнаго корпуса морского госпиталя. Адмиралъ застаетъ команду, живущую еще въ старомъ, деревянномъ зданіи, привезенномъ еще изъ Николаевска и при-

шедшемъ въ полную негодность. Зданіе не было обнесено никакимъ заборомъ. Совершившійся при адмиралѣ побѣгъ арестантовъ изъ экипажнаго карцера доказываетъ коренные непорядки. За карцеромъ мало было наблюденій: люди арестованные имѣли подушки, табакъ; половицы подымались и въ подвалъ былъ ходъ, а въ стѣнкѣ фундамента разобранъ камень, съ выходомъ на лѣсной дворъ и въ городъ. Никто этого не зналъ раньше. Это заставляетъ адмирала обратить вниманіе на дисциплину, и онъ скоро приводитъ все въ порядокъ.

Опытъ продолжительныхъ плаваній, знаніе организаціи правильно поставленной службы въ экипажѣ и судовой надобности—не могли не указать адмиралу на такіе недостатки, какъ отсутствіе постояннаго кадра экипажа, отсутствіе правильно поставленнаго подготовленія спеціалистовъ, недостатки обученія новобранцевъ. Все это немедленно организуется адмираломъ.

При немъ строятся всѣ зданія для службъ госпиталя и начато дальнѣйшее расширеніе самого госпиталя, соотвѣтственно потребностямъ эскадры и порта.

У адмирала ясно сознается необходимость отдѣльнаго отъ порта и города мѣста, гдѣ бы долженъ быть сосредоточенъ складъ пороха, минъ и снарядовъ, укрытыхъ отъ выстрѣловъ непріятеля. Лично адмиралъ выбираетъ такое мѣсто, гдѣ подъ его наблюденіемъ и выростаетъ, такъ называемый, минно-артиллерійскій городокъ съ погребами, складами; къ нему проводится изъ порта желѣзная дорога. Въ порту строятся провіантскіе и провизіонные магазины; расширяются и снабжаются новыми механизмами и станками механическія и ремонтныя мастерскія.

Такъ какъ съ развитіемъ послѣднихъ требовалось большое число мастеровыхъ, то для образованія такого кадра постоянныхъ русскихъ мастеровыхъ адмираломъ была организована нестроевая команда нижнихъ чиновъ, частью изъ знакомыхъ уже съ ремеслами, частью изъ вновь обученныхъ мастерствамъ и обращенію со станками. Добавленные къ ней наемные ма-

стеровые изъ русскихъ подданныхъ образовали, такимъ образомъ, значительное число русскихъ мастеровыхъ и тѣмъ дали возможность порту избавиться отъ нежелательныхъ мастеровыхъ-иностранцевъ, въ особенности японцевъ.

Съ открытіемъ дѣятельности строительной комиссіи было приступлено къ разработкѣ общаго плана расширенія и оборудованія порта. Самъ адмиралъ, какъ предсѣдатель комиссіи, всецѣло отдавшійся работѣ, обнаружилъ далеко недюжинныя познанія въ строительномъ искусствѣ, и не только общая разработка плана расширенія и оборудованія порта была сдѣлана по его указаніямъ, но даже и отдѣльныя детали нерѣдко подвергались дополненіямъ и измѣненіямъ сообразно замѣчаніямъ адмирала.

,,Мнѣ, пишетъ одинъ изъ сослуживцевъ адмирала,—въ бытность мою старшимъ помощникомъ, приходилось не одинъ разъ, являясь съ докладомъ, видѣть Григорія Павловича погруженнымъ въ спеціальныя книги по инженерному искусству, чтобы тѣмъ самому ознакомиться и ближе стать къ дѣлу. По этому поводу Григорій Павловичъ говорилъ, что ,,если-бы я не былъ морякомъ, то былъ-бы строителемъ".

Вспоминая о томъ-же, другой сослуживецъ адмирала сообщаетъ:

,,Очень жаль, что во время погромовъ 30-го октября 1905 г. сгорѣли дѣла нашей строительной комиссіи; въ нихъ было много замѣтокъ и записокъ, написанныхъ рукою Григорія Павловича. Сгорѣла и большая часть чертежей первоначальнаго проекта порта, что тоже крайне досадно, тѣмъ болѣе, что всѣ эти проекты составлялись и разрабатывались при самомъ дѣятельномъ участіи и указаніяхъ Григорія Павловича, положившаго столько своихъ силъ на созданіе Владивостокскаго порта".

Къ участію во всѣхъ этихъ работахъ адмиралъ привлекалъ не только инженеровъ, но и всѣхъ своихъ ближайшихъ помощниковъ, каждаго по своей части.

Одинъ изъ нихъ въ своихъ запискахъ говоритъ: ,,каждая мысль, каждый проектъ, отъ кого бы онъ ни исходилъ, онъ тщательно обсуждалъ и къ каждому мнѣнію относился со вни-

маніемъ и уваженіемъ, что повышало самодѣятельность и крайне заинтересовывало насъ — не инженеровъ строителей. Каждый могъ проявлять свою инициативу. Мой проектъ минныхъ мастерскихъ, забракованный однимъ изъ инженеровъ, прошелъ и былъ утвержденъ адмираломъ, подвергнувшись только сокращенію въ размѣрахъ сообразно ассигнованію".

Результатомъ трудовъ адмирала явилось осуществленіе при немъ же главныхъ проектовъ комиссіи. Такъ, начали постройку минныхъ и артиллерійскихъ мастерскихъ; двухъ новыхъ сухихъ доковъ для броненосцевъ; набережной въ порту; новаго зданія портовой конторы. Были доведены почти до конца работы по водоснабженію порта; выстроены пять офицерскихъ флигелей для квартиръ семейныхъ и холостыхъ офицеровъ, съ чѣмъ очень спѣшилъ адмиралъ, въ виду дороговизны частныхъ квартиръ, входя такимъ образомъ въ положеніе своихъ офицеровъ. Начаты были постройкой двѣ новыхъ большихъ для сибирскаго флотскаго экипажа казармы и дополнительная казарма для кадровыхъ мастеровыхъ съ центральной швальней.

Съ развитіемъ и расширеніемъ порта адмиралъ заботится и обезпечить его въ пожарномъ отношеніи; кромѣ водоснабженія, имъ заводится пожарный обозъ и инструменты, а въ порту составляется пожарное расписаніе.

Въ это же время былъ законченъ полный проектъ электрическаго освѣщенія порта съ передачей электрической энергіи въ мастерскія и заведены сношенія съ лучшими заграничными фирмами для выясненія условій по выполненію этой важной работы, благодаря чему, къ началу Японской войны удалось доставить во Владивостокъ всѣ главнѣйшіе предметы для устройства электрическаго освѣщенія и закончить его оборудованіе, что, въ свою очередь, оказало значительную услугу по приведенію Владивостокскаго порта въ боевую готовность. Такъ какъ всѣ главныя сооруженія были начаты и частью окончены, то оборудованіе порта было бы закончено въ очень скоромъ времени, если бы не остановка въ ассигнованіяхъ и различныя волокиты.

„Мы всегда должны быть сильнѣе Японіи и расширеніе

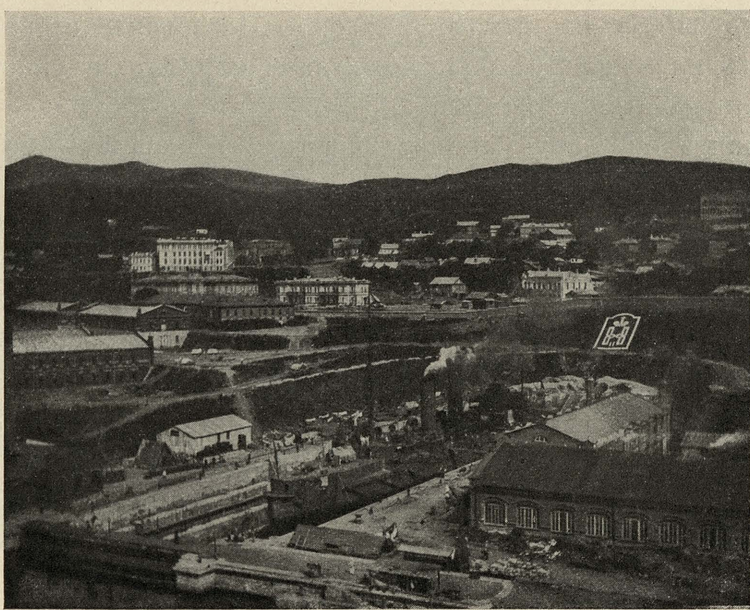

Западная часть Владивостокскаго порта.
Арсеналъ и экипажескіе магазины.

средствъ порта должно быть произведено въ самый кратчайшій срокъ",—говорилъ адмиралъ, отстаивая прямо и крайне рѣзко интересы Владивостока.

Какъ человѣкъ честный, прямой и человѣкъ дѣла, онъ вскипалъ, когда видѣлъ чиновничье отношеніе и когда отъ этого страдали и дѣло и казна.

Какъ ни была малочисленна сибирская флотилія, но значеніе ея для края было громадно. Она не могла вполнѣ удовлетворять всѣмъ потребностямъ окраины и порта. Немудрено, что адмиралъ не могъ не обратить вниманія на нее. Съ первыхъ же дней онъ пользуется каждымъ моментомъ, чтобы посѣтить то одно судно, то другое; дѣлаетъ соотвѣтственныя указанія, производитъ смотры возвращающимся изъ плаванія судамъ; замѣчаетъ неправильности укомплектованія личнымъ составомъ, отсутствіе подготовки спеціалистовъ, недостатки обученія, и достигаетъ того, что все принимаетъ тотъ порядокъ и стройность, которые онъ желалъ видѣть и имѣть на всякомъ военномъ кораблѣ.

Западная часть Владивостокскаго порта.
Докъ и мастерскія.

Интересы его о краѣ и портѣ тѣсно связываются, конечно, и съ единственнымъ портовымъ ледоколомъ, которому адмиралъ придаетъ должное значеніе и, только благодаря своей неутомимой энергіи и работоспособности, успѣваетъ еще удѣлять ему время.

„Владивостокъ,—говорилъ адмиралъ,—долженъ быть первокласснымъ портомъ; долженъ быть доступенъ и зимой какъ для военныхъ, такъ и для коммерческихъ судовъ", и вотъ, изъ году въ годъ, адмиралъ ведетъ точную запись появленія льда на рейдѣ, его состоянія зимой, время перваго его движенія; устанавливаетъ метеорологическія наблюденія и измѣренія температуры моря.

Понятно поэтому, что къ работамъ ледокола Григорій Павловичъ относился съ тою же внимательностью, какъ и ко всему другому, постоянно интересуясь состояніемъ льда, часто присутствуя лично, не стѣсняясь притомъ ни погодой, ни дальностью разстоянія этихъ работъ отъ порта.

„Если парохода-ледокола,—разсказываютъ очевидцы,—долго

не было видно на рейдѣ, Григорій Павловичъ отправлялся пѣшкомъ на мысъ Голдобинъ, откуда и слѣдилъ за дѣйствіями задержаннаго работою судна".

Такимъ образомъ, личное участіе въ работахъ ледокола вызывалось, какъ глубокимъ интересомъ вообще къ дѣлу, такъ и настойчивой потребностью къ дѣятельности живой и энергичной натуры адмирала.

Одинъ изъ офицеровъ, служившій въ Сибирской флотиліи, приводитъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующій эпизодъ:

„Дѣло было зимою, въ январѣ 1901 года,— разсказываетъ онъ.—Ледоколъ „Надежный" во время работы, съ полнаго хода выскочилъ на 3-хъ футовый рифъ у острова Скрыплева. Почти сутки пароходъ, несмотря на всѣ усилія командира снять его, сидѣлъ на рифѣ. На слѣдующій день Григорій Павловичъ рѣшилъ самъ руководить съемкою „Надежнаго".

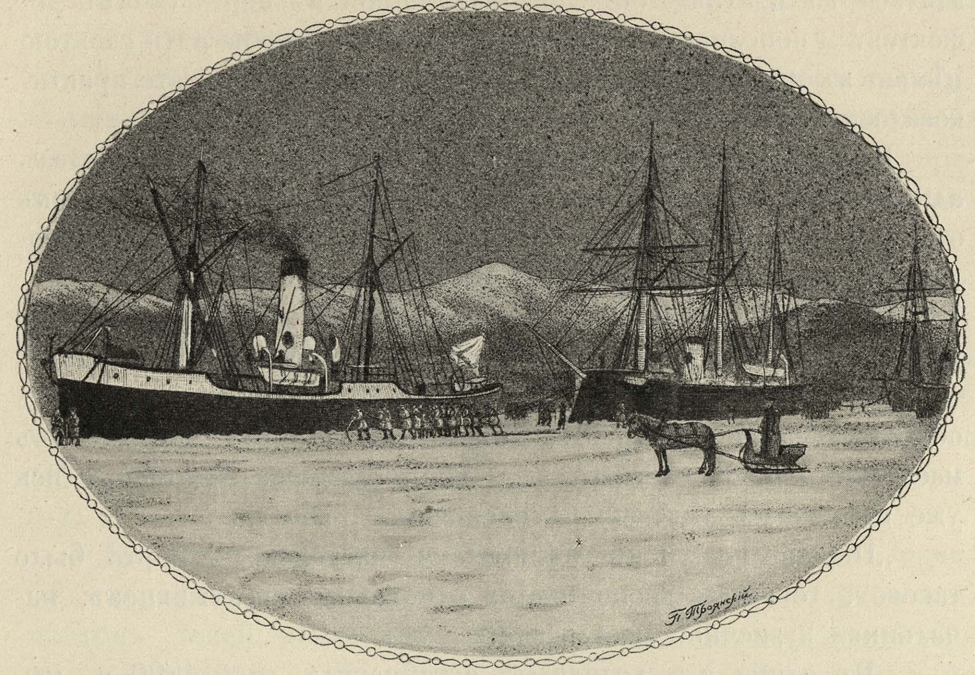
„Крайне заинтересованные ходомъ дѣла и рискуя получить выговоръ, я съ товарищемъ, не имѣя разрѣшенія, отправились на „Надежный". „Погода была отвратительная. Въ воздухѣ 22° мороза. Сильнѣйшій штормъ съ пургою доходилъ до 11-ти балловъ.

„Несмотря на непогоду, адмиралъ былъ въ лѣтнемъ пальто, съ башлыкомъ на шеѣ и въ легкихъ ботинкахъ, безъ галошъ. Казалось, вьюга и морозъ были ни почемъ для этой сильной, здоровой фигуры, обтянутой въ тонкое сукно...

„Адмиралъ, то спускался на ледъ къ командѣ, то стоялъ на пароходѣ, съ борта котораго слышались его приказанія и совѣты.

„Проходилъ часъ—другой, и присутствіе Григорія Павловича подбадривало команду, работавшую безъ устали. Работа кипѣла. Только разъ сошелъ Григорій Павловичъ въ каютъ-компанію погрѣться и оставилъ ледоколъ, когда онъ, благодаря настойчивости и знаніямъ адмирала, былъ снятъ, наконецъ, съ рифа".

Благодаря постоянной изо дня въ день неутомимой работѣ ледокола „Надежный" по ломкѣ льда и очисткѣ пролива „Босфоръ Восточный", Владивостокъ былъ доступенъ для пароходовъ во все зимнее время. Сообразно этому и вся торговая жизнь

Ледокольныя работы.

Владивостока и всей Приморской области приспособилась къ торговому движенію товаровъ безостановочно круглый годъ. И адмиралъ находилъ, что это составляетъ вопросъ государственной важности, даже не принимая во вниманіе военнаго времени, почему было бы необходимо для обыденной жизни порта и области имѣть второй ледоколъ, особенно на случай возможныхъ поврежденій.

И какъ только эта мысль подтвердилась въ своей настоятельной необходимости, — адмиралъ вошелъ съ ходатайствомъ объ этомъ къ высшему начальству, въ которомъ подробно излагаетъ всѣ свои соображенія и доводы.

Если адмиралу и не привелось дождаться исполненія всего задуманнаго имъ по приведенію Владивостока въ состояніе первокласснаго порта, то все-таки, еще будучи Командиромъ порта, онъ получилъ нравственное удовлетвореніе, видя, какъ броненосцы и большіе корабли Тихоокеанской эскадры стали напра-

вляться во Владивостокъ для исправленія въ порту своихъ дефектовъ и пополненія запасовъ, вмѣсто того, чтобы идти съ этою цѣлью въ дорого стоющіе иностранные порта, какъ это практиковалось ранѣе.

Надо было имѣть ту громадную энергію, какою обладалъ адмиралъ, ту настойчивую непреклонную волю, которая такъ отличала его, чтобы поспѣвать все дѣлать, все видѣть, наблюдать и направлять.

Не только какой-либо непредвидѣнный случай вызывалъ непосредственное участіе Григорія Павловича въ работахъ.

Ежедневно, несмотря ни на какую погоду, съ утра онъ обходилъ своей быстрой походкой весь портъ, появлялся въ мастрскихъ и на работахъ и къ 11 ч. возвращался домой, здѣсь уже начиналась умственная, письменная работа.

,,Первое посѣщеніе адмираломъ мастерскихъ порта было таково", говорятъ воспоминанія одного изъ сослуживцевъ, начальника кузнечной мастерской:

,,Въ одинъ изъ холодныхъ октябрскихъ дней 1896 г., мы, портовая техническая администрація, во главѣ со своими начальниками собрались на одной изъ площадокъ между мастерскими для встрѣчи и представленія новому Командиру порта. Съ одной стороны насъ жгло яркое солнце, съ другой—холодный пронзительный вѣтеръ NW, силою до 5 балловъ, заставляетъ насъ ежеминутно поворачиваться, чтобы согрѣть солнцемъ остывшую сторону тѣла, хотя мы всѣ были въ пальто. Ждать пришлось не долго; черезъ перемычку строящагося сухого дока показались два офицера въ сюртукахъ и при кортикахъ, въ которыхъ мы узнали старшаго помощника Н. Г. и новаго Командира порта адмирала Чухнина (изъ приличія подчиненные должны быть тоже безъ пальто, если ихъ начальникъ въ одномъ сюртукѣ, а потому мы всѣ поспѣшили пальто снять, хотя въ душѣ были очень недовольны). Адмиралъ подошелъ. Начальники частей начали представлять своихъ помощниковъ. Адмиралъ поздоровался со всѣми за руку; былъ сухо любезенъ, нѣкоторыхъ удостоилъ вопросами о прежней службѣ. По окончаніи привѣтствія, сказалъ намъ всѣмъ слово, гдѣ онъ просилъ

отъ насъ помощи на его трудномъ посту и высказалъ, что безъ нашего содѣйствія, онъ одинъ—будетъ одинъ, и что только совмѣстная дружная работа даетъ плоды. Просилъ обратить особое вниманіе на окончаніе сухого дока. Минуту постоялъ, обмѣнялись двумя — тремя словами. Простившись съ нами, отправился въ минный портъ, въ сопровожденіи того же старшаго помощника.

Въ этотъ день, въ каютъ-компаніи инженеровъ-мастеровъ, шли оживленные разговоры и обсужденія о новомъ командирѣ. Только и слышны были возгласы: „онъ подтянетъ", „онъ для того и присланъ сюда, чтобы отполировать нашу застарѣлую ржавчину", „ему и чинъ адмирала дали раньше, чтобы онъ былъ здѣсь полный хозяинъ, а не исправляющій должность", и т. д. и т. д.

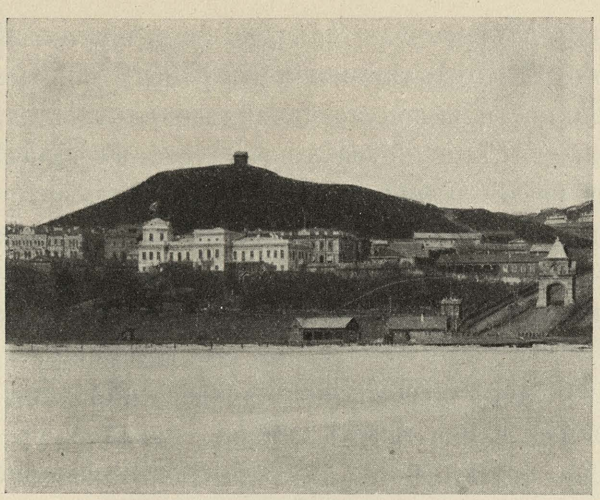
Для насъ, мелкихъ административныхъ единицъ, въ практическомъ же отношеніи необходимыхъ и многозначущихъ элементовъ, такой начальникъ былъ сущимъ благодѣяніемъ. Въ его всевидящемъ окѣ, въ его справедливыхъ требованіяхъ ко всѣмъ въ одинаковыхъ рамкахъ, мы видѣли прочную защиту. Послѣ горячихъ споровъ за и противъ, мы разошлись по домамъ въ надеждѣ на свѣтлое будущее.

Одно изъ первыхъ посѣщеній адмираломъ ввѣренной мнѣ мастерской останется у меня памятнымъ навсегда. Сижу у себя въ канцеляріи, мнѣ докладываютъ: „Командиръ порта приближается къ мастерской." Выхожу и отдаю приказаніе остановить работы. Вижу,—входятъ: адмиралъ и мой начальникъ Л.; адмиралъ поздоровался со мною за руку, спросилъ меня: почему мастеровые не работаютъ? Я отвѣтилъ, что раньше, во время посѣщенія мастерскихъ Командиромъ порта было приказано останавливать работы. На это мнѣ адмиралъ отвѣтилъ: „если я буду ходить по мастерскимъ каждый день, и во время моего посѣщенія мастеровые будутъ бездѣйствовать, то это, во-первыхъ, мнѣ непріятно, во-вторыхъ, для казны убыточно. Прикажите работать". Загрохотали паровые молота, застучали десятки маленькихъ и большихъ молотовъ. Адмиралъ сразу перемѣнился въ лицѣ: видимо, это его радовало. Онъ началъ переходить отъ горна къ

горну, разспрашивая меня, что куда дѣлается. Я ему докладывалъ лично. Одна работа на пароходъ „Силачъ" заинтересовала его болѣе другихъ. Я началъ давать подробное объясненіе, но вмѣшался мой начальникъ Л. Адмиралъ его холодно остановилъ и сказалъ: „пусть мастеръ мнѣ сообщитъ, а Васъ я потомъ спрошу". Проходя далѣе, адмиралъ остановился около кузнеца-рабочаго: „сколько получаешь въ день?" Кузнецъ сробѣлъ и не сразу отвѣтилъ. Я позволилъ себѣ сказать адмиралу цѣну этого кузнеца. Адмиралъ мнѣ серьезно замѣтилъ: „это хорошо, что вы знаете, но я не васъ спрашиваю", и началъ продолжать прерванный мною разговоръ. Онъ спрашивалъ кузнеца, сколько времени работаетъ, велика-ли семья, сколько платитъ за квартиру и т. д?.. Минуту назадъ я былъ радъ, что одному попало за вмѣшательство, но я и самъ не избѣгъ той-же кары. Тутъ оказался начальникъ, не позволяющій затемнять заранѣе составленный имъ планъ дѣйствій нежелательными вставками и человѣкъ съ доброй душой, желающій знать, какъ живутъ эти труженики внѣ стѣнъ порта.

Забота о мастеровыхъ была у адмирала на первомъ планѣ. По вступленіи его въ командованіе портомъ онъ началъ очищать мастерскія отъ иностранцевъ мастеровыхъ и замѣнять ихъ русскими, для которыхъ установилъ табель поденной платы, значительно превышающую цѣны Европейской Россіи. Заботясь о продуктивности работъ, адмиралъ оказывалъ мастеровымъ всякія снисхожденія, какъ напр., въ лѣтнее время приказывалъ, чтобы въ мастерскихъ имѣлся кубъ для кипятка и безплатно выдавался дежурнымъ офицерамъ чай за счетъ портовыхъ суммъ, а въ литейной мастерской послѣ каждой отливки мѣдныхъ вещей, мастеровые имѣли молоко, такъ какъ удушливые газы вредно дѣйствуютъ на внутренніе органы. Давалъ мастеровымъ отпуски для поправленія здоровья и по семейнымъ обстоятельствамъ. Адмиралъ очень рѣдко нуждался въ указаніяхъ, какого мастерового необходимо удовлетворить, или кому отказать, онъ почти всѣхъ зналъ по фамиліямъ.

Посѣщеніе порта адмираломъ начиналось съ экипажескихъ магазиновъ. Тамъ онъ осматривалъ прибывшіе товары, матеріалы,

Домъ Командира порта.

инструменты. Если онъ находился въ магазинѣ, то объясненіе принималъ только отъ завѣдующаго этимъ магазиномъ и терпѣть не могъ, когда ему отвѣчали не тѣ лица, которыхъ онъ спрашивалъ. Далѣе онъ шелъ въ сухой докъ, затѣмъ въ каждую мастерскую. Отлично зная всѣ главныя работы, онъ останавливался у станковъ и разспрашивалъ о ходѣ занятій не только у инженеровъ, но и у мастеровыхъ, съ которыми часто разговаривалъ, давая указанія и выслушивая ихъ мнѣнія. Такое непосредственное наблюденіе давало адмиралу возможность въ каждый данный моментъ опредѣлить, что можно и чего нельзя требовать отъ мастерской при выполненіи ею какой-либо срочной работы. Вслѣдствіе этого никогда не было съ его стороны и какихъ-нибудь требованій, въ родѣ: „чтобы все было готово къ такому-то сроку", причемъ и самый срокъ назначается совершенно невозможный по краткости времени.

Ежедневное появленіе Командира порта въ магазинахъ и мастерскихъ, его частые „фитили", на которые онъ не скупился, заставили насъ взять тотъ тонъ, какой желательно было нашему адмиралу.

Въ исключительную работоспособность адмирала, которой мастеровымъ не приходилось встрѣчать до сихъ поръ среди

начальствующаго персонала, сначала не особенно вѣрили. Ежедневный осмотръ Командиромъ порта работъ нѣсколько убѣдилъ ихъ въ особенности вновь назначеннаго начальства, но бывали случаи, когда сомнѣніе невольно западало въ простыя души.

Какъ-то разъ по порту разнеслась вѣсть, что вечеромъ у Командира порта состоится большой балъ, на который приглашено все мѣстное начальство...

Дѣйствительно, назначенный вечеръ затянулся до ранняго утра.

На другой день утромъ мастеровые, собравшись въ кучкѣ, безпечно посмѣивались между собою...

— „Ладно, гуляй наша. Сегодня Чухнинъ не придетъ... Слыхать, вчера до утра плясъ былъ, надо и поспать время".

Вдругъ передъ ними неожиданно выросла знакомая фигура адмирала, какъ и всегда—въ легкой тужуркѣ и спѣшной походкой обходящаго самые глухіе закоулки, гдѣ Григорій Павловичъ рѣдко считался желаннымъ гостемъ.

Такое его наблюденіе невольно заставляло каждаго быть, что называется, на-чеку; и факты нерадиваго и невнимательнаго отношенія къ дѣлу, какъ это имѣло мѣсто вначалѣ, постепенно пропадали.

Хотѣлось бы мнѣ описать число работъ адмирала, которыя онъ производилъ подъ своимъ наблюденіемъ. Для этого было бы необходимо написать цѣлые томы, ибо не было работы, о которыхъ бы онъ не зналъ, потому что всѣ наряды на работы подписывались имъ, это первое; второе—его природная любознательность не пропускала ни малѣйшей, даже мало-значущей работы. Здѣсь опишу нѣкоторые случаи.

Въ наслѣдіе адмиралу достались очень жалкіе инструменты и приспособленія для удовлетворенія столь огромныхъ требованій. Во время постройки сибирской и манджурской дорогъ океанскіе пароходы привозили во Владивостокъ цѣликомъ собранные паровозы, тендера и паровые катера, которые требовали немедленной выгрузки большимъ краномъ, но единственный подъемный кранъ въ 50 тоннъ едва успѣвалъ обслуживать нужды порта, поэтому былъ заказанъ для порта второй плавучій кранъ,

съ подъемною силою въ 100 тоннъ. По прибытіи его въ разобранномъ видѣ собрали понтонъ, склепали стрѣлы на землѣ, но поставить стрѣлы на понтонъ—это не легкая задача, ибо стрѣлы новаго гиганта значительно превышали и вышину и подъемную силу своего малаго собрата. Дѣлать-же спеціальныя приспособленія вызвало бы непроизводительный расходъ. Адмиралу кто-то случайно предложилъ воспользоваться вновь открытымъ сухимъ докомъ, т. е. разницей уровня воды. Это предложеніе ему очень понравилось, но выполненіе его было сопряжено съ громадной опасностью. Зато этотъ проектъ давалъ возможность выполнить эту тяжелую работу быстро и съ очень малыми затратами, а потому адмиралъ рискнулъ на него.

Въ составленіи и выполненіи этого проекта адмиралу много помогалъ такелажъ-мейстеръ порта, капитанъ В., но выполненіе проекта фактически адмиралъ никому не довѣрялъ не потому, что не было способныхъ людей, а потому, что, въ случаѣ катастрофы, адмиралъ хотѣлъ быть однимъ ея виновникомъ.

Опишу этотъ боевой (но въ лѣтописяхъ незамѣтный) день по порядку. Еще съ вечера понтонъ былъ заведенъ въ сухой докъ. Стрѣлы, вѣсомъ болѣе 5.000 пуд., величиною около 20 саж., уже лежали одними своими концами на понтонѣ, другими, т. е. головкой—на бортѣ и, согласно заранѣе составленнаго плана,—все было на мѣстѣ.

Ровно въ 7 час. утра катеръ Командира порта присталъ къ пристани сухого дока. Адмиралъ вышелъ, еще разъ обошелъ и осмотрѣлъ всѣ приспособленія; нашелъ ихъ въ порядкѣ, отдалъ приказаніе откачивать воду изъ дока. Тутъ-то началась гигантская умственная работа. Вслѣдствіе перемѣны центра тяжести и перемѣщенія груза, который постепенно переходилъ съ борта на понтонъ, подкладки подъ стрѣлами начали скрипѣть и ежеминутно грозили выскользнуть. Стрѣлы, всею своею тяжестью, стремились оттолкнуть понтонъ, который, не получивъ прочной опоры о дно дока, легко поддавался боковымъ движеніямъ. Все это было заранѣе предусмотрѣно, а потому десятки отборныхъ мастеровыхъ, поставленные на оттяжкахъ, блокахъ и подкладкахъ, не спускали глазъ съ адми-

рала. При малѣйшемъ движеніи его руки—они знали, что дѣлать. Онъ буквально бѣгалъ отъ одной группы къ другой, давая различныя приказанія, и такъ безъ отдыха, до самаго вечера адмиралъ не оставлялъ этой работы и успокоился тогда, когда стрѣлы новаго крана стояли на своихъ мѣстахъ закрѣпленныя болтами.

На другой день у насъ въ каютъ-компаніи только и было разговору объ удачной постановкѣ стрѣлъ и восхваленіи адмирала. Нѣкоторые фантазировали, задавая себѣ вопросы, что было бы, если бы какая-нибудь оттяжка или крюкъ лопнули? Отвѣтъ ясенъ. Стрѣлы, падая, своимъ колоссальнымъ размѣромъ захватили бы попутно все, что стояло на ихъ дорогѣ, а своею тяжестью раздавили бы ботапортъ, надолго вывели бы всѣ приспособленія и сухой докъ изъ строя; но этого не случилось, благодаря личному руководительству и толковому распоряженію энергичнаго и неутомимаго адмирала Чухнина.

Портъ тогда водопровода еще не имѣлъ, поэтому воду приходилось привозить на баржахъ изъ ближайшихъ рѣчекъ, миль за 5 или за 10 отъ города. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ баржа затонула на 12-ти-саженной глубинѣ, почти въ открытомъ морѣ. Это случилось на Страстной недѣлѣ, когда адмиралъ говѣлъ и былъ въ церкви. Хорошо помню этотъ день. Мы стоимъ въ нашей экипажной церкви. Адмиралъ впереди. Появленіе взволнованнаго младшаго помощника нами было замѣчено очень быстро. Мы стали спрашивать, что случилось? Онъ намъ разсказалъ о гибели баржи. Мы совѣтовали ему сообщить адмиралу послѣ обѣдни. Такъ онъ и поступилъ. По окончаніи службы, младшій помощникъ, поздравивъ адмирала съ принятіемъ Св. Таинъ, сообщилъ о гибели баржи, на которой находилось людей около 30 человѣкъ. Его первый вопросъ былъ:

— Люди спасены?

— Спасены.

— Катеръ не пострадалъ?

— Нѣтъ.

— Ну, а баржу мы скоро вытащимъ.

И дѣйствительно, дней черезъ 10 баржа уже снова работала. Тутъ тоже онъ цѣлый день не отходилъ отъ работъ и оставилъ работы тогда, когда баржа показалась изъ воды и была отбуксирована на мелкое мѣсто.

Когда случилось китайское возстаніе въ 1900 году, Владивостокскій портъ десятки тысячъ снарядовъ и другихъ принадлежностей отправилъ въ Портъ-Артуръ. Все это не минуло рукъ адмирала. Не взирая на морозы, онъ бѣгалъ по льду пѣшкомъ, рискуя ежеминутно провалиться въ майну, какъ послѣдній служащій, провожая и встрѣчая пароходы.

Во время большого скопленія на рейдѣ боевыхъ судовъ, требующихъ исправленія механизмовъ и пополненія запасовъ, спеціалисты офицеры имѣли обыкновеніе кинуть въ портъ дефектную вѣдомость, или рапортъ о просьбѣ сдѣлать то-то и то-то, и успокаивались, а если вещи не готовы и судно не можетъ выйти въ море, то виноваты мастерскія, не исправившія вещей. Такъ было прежде. Не то было во времена управленія адмираломъ Чухнинымъ. У него были назначены очереди и спеціалисты офицеры должны слѣдить сами за своей очередью и ходомъ работъ. Адмиралъ говорилъ такъ: „портъ для судовъ, а не суда для порта, но служащіе у меня должны работать, а не изображать изъ себя вѣстовыхъ".

Вмѣсто установленнаго раньше порядка, при которомъ рабочій день начинался въ портовой конторѣ съ 9 час. утра до 11-ти и съ 2-хъ до 6-ти час., что отнимало у служащихъ почти весь день и дѣйствовало крайне утомительно на ихъ энергію, адмиралъ разрѣшилъ производить занятія съ 9-ти час. до 3-хъ час.; въ лѣтнее время разрѣшалъ служащимъ жить на дачахъ и въ случаѣ опаздыванія на службу, по винѣ желѣзной дороги, никогда не дѣлалъ замѣчаній. Его-же работа начиналась рано и продолжалась весь день.

Сообразно важности дѣла, сослуживцамъ приходилось бывать у адмирала не только въ часы, спеціально назначенные для докладовъ, но и утромъ, въ часы обѣда, и даже поздно ночью.

— Разъ какъ-то, — разсказываетъ одинъ изъ подчинен-

ныхъ,—я засталъ Григорія Павловича лежащимъ на диванѣ. Глаза лихорадочно блестѣли, на щекахъ горѣлъ нездоровый румянецъ. Видимо, у адмирала былъ сильный жаръ.

Мое появленіе заставило Григорія Павловича подняться. Онъ поздоровался, перешелъ за письменный столъ и сталъ перечитывать поданныя мною бумаги.

,,Видя состояніе адмирала, я рѣшилъ вставить свое слово.

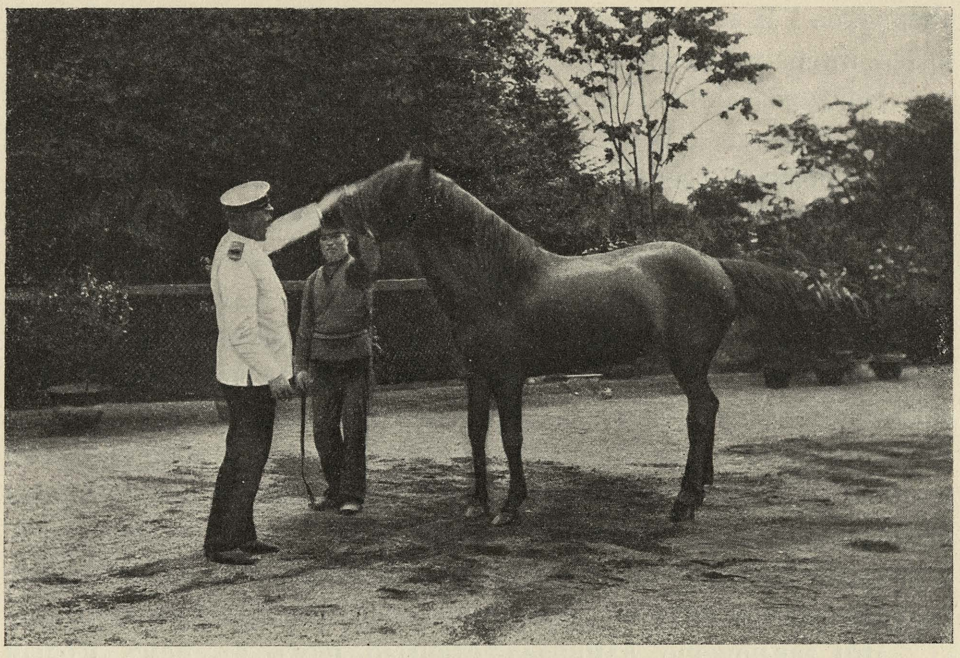
— Можетъ быть разрѣшите доложить въ другой разъ?— спросилъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ, что за нѣжности, — послышалось мнѣ въ отвѣтъ,—я на пустяки не обращаю вниманія...

Григорій Павловичъ на этотъ разъ былъ боленъ съ недѣлю и не выходилъ изъ кабинета, а съ двухъ до шести у него ежедневно сидѣли начальники отдѣльныхъ частей и больной внимательно выслушивалъ ихъ доклады. Впрочемъ, даже такое заболѣваніе у Григорія Павловича бывало крайне рѣдкимъ, да пожалуй было и единственнымъ. Сильный духъ и воля, которыми обладалъ адмиралъ, пересиливали даже природу. Его натура требовала дѣятельности, подвижности. Онъ любилъ всякій спортъ: катаніе на конькахъ было съ дѣтства его любимое развлеченіе; съ юношескимъ увлеченіемъ онъ отдавался тенису и билліарду.

Если было время, онъ организовывалъ прогулки верхомъ и цѣлая кавалькада молодежи отправлялась съ нимъ куда-нибудь за городъ. Любя природу, онъ дѣлалъ большія прогулки и одинъ, пѣшкомъ уходя въ горы, подымаясь на возвышенности, открывавшія всю чудную панораму Владивостока. Здѣсь онъ отдыхалъ отъ своихъ ежедневныхъ заботъ, остававшихся гдѣ-то тамъ внизу".

,,Было это въ концѣ іюля, 1897 г., пишетъ одинъ изъ офицеровъ въ своихъ воспоминаніяхъ когда начинаютъ выдаваться ясные дни и сѣдые туманы владивостокскаго лѣта становятся все рѣже, когда такъ непреодолимо тянетъ на лоно природы куда-нибудь въ горы, гдѣ сохранилась еще значительная растительность, гдѣ столько тѣни и прохлады. Былъ праздничный день и мы съ товарищемъ рѣшили тотчасъ же послѣ

завтрака въ каютъ-компаніи уйти подальше, подняться на хребты и подышать воздухомъ. Мы поднялись на „Орлиное гнѣздо", полюбовались раскинувшимся у ногъ Владивостокомъ и спустились на противоположную городу сторону, чтобы пробраться самыми дикими мѣстами за „Первую рѣчку". Едва видимая тропа среди густой заросли, казалось, могла доставить удовольствіе только такимъ любителямъ природы, какими мы считали себя. Разумѣется, мы никого не разсчитывали здѣсь встрѣтить, наши кителя не были застегнуты на пуговицы, а я даже прямо снялъ его, когда мы стали подыматься на одну изъ вершинъ. На самой верхушкѣ, когда я считалъ себя внѣ всякаго міра земнаго, я увидѣлъ адмирала, сидѣвшаго въ тѣни дерева и рисовавшаго группу деревьевъ, ярко освѣщенныхъ солнцемъ.

Удивленіе мое было самое полное...

Я не успѣлъ дать знать товарищу о присутствіи адмирала. Мой спутникъ, слѣдуя за мной, что-то крикнулъ и адміралъ

обернулся. Я поспѣшилъ одѣть китель, пока адмиралъ поднялся къ намъ навстрѣчу.

Поздоровавшись съ нами совершенно просто, онъ замѣтилъ, что не ожидалъ здѣсь встрѣтить путешественниковъ, что здѣсь онъ съ полчаса всего какъ любуется природой и указалъ намъ на синѣвшія въ легкой дымкѣ дали очертанія противоположнаго берега Амурскаго залива, гдѣ его глазъ отличалъ и Славянку и Барабашъ.

— Вы рисовали что-то?—не удержался мой спутникъ.

— Да,—отвѣтилъ адмиралъ,—вотъ понравилась эта куща, какъ она выдѣляется надъ обрывомъ на темносинемъ небѣ... Я люблю природу; она не только прекрасна для созерцанія, она великая утѣшительница; она даетъ наслажденіе и покой. Среди ея тишины, вдали отъ всякой злобы людской, отдыхаетъ душа. Здѣсь нѣтъ мелочной злобы, лжи—все такъ чисто... Посмотрите кругомъ: здѣсь видишь жизнь безъ лжи и искусственности...

Это заключеніе адмирала открыло намъ въ немъ цѣлый новый міръ, существованіе котораго мы не могли подозрѣвать, не зная адмирала съ этой стороны. Глубина мысли поразила насъ и расположила къ дальнѣйшему разговору. Узнавъ, что и мы—любители природы, адмиралъ указалъ намъ, какъ пройти болѣе красивыми мѣстами и даже взялся вывести насъ, такъ какъ самъ вездѣ исходилъ и бывалъ не одинъ разъ.

— Смотрите,—продолжалъ онъ,—какъ командуетъ эта вершина надъ окружающей ее мѣстностью. Всѣ эти хребты разбѣгаются отъ нея въ разныя стороны. За этими есть еще меньшіе и не думайте, что пройдете прямо. Я здѣсь обходилъ вездѣ еще на „Манджурѣ“ и „Азовѣ“. Сейчасъ здѣсь сзади есть хорошая дорога, я васъ до нея проведу.

Мы послѣдовали за нимъ, едва поспѣвая и скользя, между тѣмъ какъ онъ шелъ твердо и увѣренно.

По дорогѣ было уже легко идти и мы равнялись съ адмираломъ, хотя нельзя сказать, чтобы шагъ его походилъ на прогулочный.

На одномъ подъемѣ онъ снова обратилъ наше вниманіе на мѣстность, гдѣ у самой дороги сбѣгала влѣво глубокая, вся густо

заросшая долина. Группы деревьевъ разнообразныхъ оттѣнковъ и формъ покрывали все ея дно. Адмиралъ нашелъ тропу, и мы спустились за нимъ.

Трудно передать послѣдовательность разговора, но общее впечатлѣніе сохранилось. Помню, насъ удивила почти юношеская бодрость адмирала; его взгляды и симпатіи къ молодежи располагали въ его пользу: выросталъ человѣкъ-философъ. Здѣсь не было адмирала и начальника, а человѣкъ, много передумавшій, уравновѣшенный. Мы не могли не отвѣчать искренно и, какъ бы отвѣчая на это, адмиралъ говорилъ:

— Мой идеалъ жизни и людскихъ отношеній совершенно расходится съ практикой жизни. Первое, чего я желаю,—это искренности, безъ задней мысли, отсутствія лжи, а съ этой ложью все перепутано въ жизни отъ перваго шага до послѣдняго. Всякій изъ кожи лѣзетъ, чтобы казаться не тѣмъ, что онъ есть, а чтобы походить на другихъ. Нѣтъ ни искренняго веселья, ни удовольствія, ни смѣха, все вынужденно. Меня до сихъ поръ, несмотря на мои годы, тянетъ къ юношеской, беззаботной веселости, пѣснѣ, играмъ, вознѣ... Такъ въ этомъ много прелести и искренности, что только эти картины освѣжаютъ умъ и мирятъ съ жизнью. По моему, ничего лучше этого нѣтъ въ жизни, такъ какъ это одно есть искренно и правдиво. Здѣсь люди не стѣсняются сказать, что имъ то или другое не нравится, или не хочется. Здѣсь и правду говорятъ другъ другу и на это не обижаются. Къ несчастью, это бываетъ только въ очень юныхъ годахъ, а теперь, кажется, отодвинулось чуть ли не только къ взрослымъ дѣтямъ. Чуть начнутъ мужать, то сейчасъ вся искренность, довѣрчивость, веселье пропадаютъ и замѣняются искусственностью. Жизнь дѣлается хитросплетеннымъ кружевомъ непроходимой лжи и недовѣрія къ другимъ и даже къ самому себѣ. Конечно, во всемъ этомъ виновато отсутствіе вѣры, отсутствіе признанныхъ обязательныхъ человѣческихъ добродѣтелей. Разъ этотъ живительный источникъ изсякъ въ людяхъ, они начинаютъ уподобляться строителямъ вавилонскаго столпотворенія. Люди строятъ какъ бы недосягаемаго величія храмъ. Въ дѣйствительности же не понимаютъ другъ друга и строятъ зданіе,

которое легко когда-нибудь рухнетъ и задавитъ этотъ безсмысленный муравейникъ...

Мы съ товарищемъ долго потомъ вспоминали эту встрѣчу съ адмираломъ. Насъ поразила глубина мысли и мы записали ее тотчасъ-же, какъ разстались съ адмираломъ. Я позволю себѣ привести ее здѣсь, какъ она была записана, потому что нѣтъ въ живыхъ ни адмирала, ни товарища, убитаго въ Цусимскомъ бою".

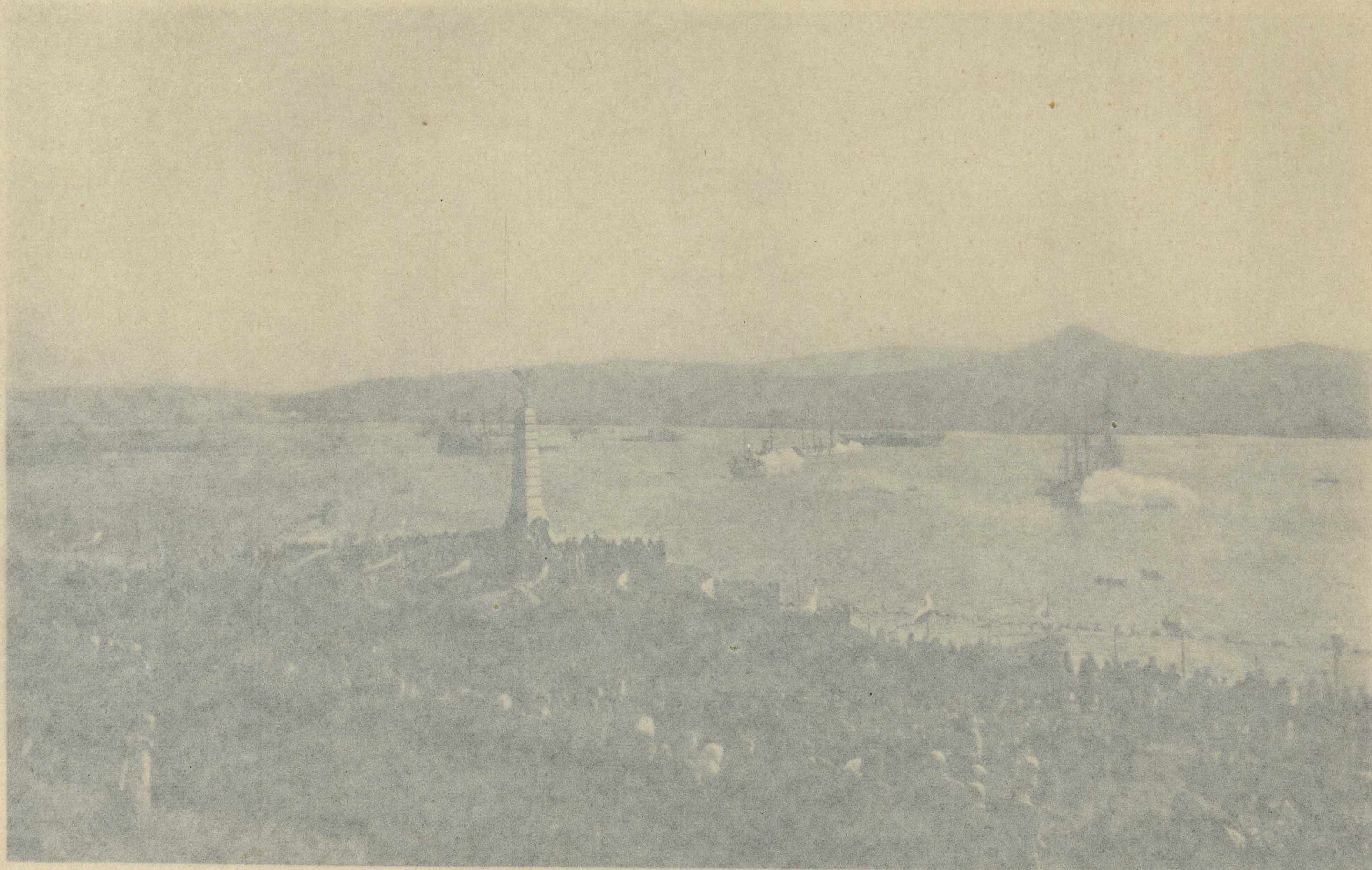
Характеристика дѣятельности адмирала была-бы далеко не полна, если-бы не упомянуть объ участіи его, какъ всегда самомъ живомъ, въ постановкѣ памятника во Владивостокѣ адмиралу Г. И. Невельскому.

Григорій Павловичъ, столь ясно понимавшій значеніе Владивостока, свято чтившій долгъ вообще, а слѣдовательно, и долгъ потомства къ памяти Геннадія Ивановича Невельскаго, не могъ не отнестись къ этому только съ формальнымъ участіемъ.

Григорій Павловичъ вновь призываетъ къ дѣятельности комитетъ по сооруженію памятника и, чтобы быстрѣе подвинуть дѣло, самъ всегда присутствуетъ при его засѣданіяхъ, даетъ всѣ зависящія отъ него средства, хлопочетъ, и дѣло идетъ быстрыми шагами впередъ. Давнишнее желаніе владивостокскихъ обывателей осуществляется.

Открытіе памятника назначается по Высочайшему повелѣнію на 26-е октября 1887 г., при чемъ телеграммой управляющаго Морскимъ Министерствомъ предписывается привлечь къ участію всѣ находящіеся во Владивостокѣ морскіе чины и команды, всѣ стоящія на рейдѣ суда, войска сухопутнаго гарнизона. Общее командованіе парадомъ возлагалось на адмирала, которому предлагалось установить подробности церемоніала открытія памятника по соглашенію со штабомъ Приамурскаго военнаго округа. Съ судовъ, при снятіи завѣсы съ памятника, предписывалось произвести салютъ въ 17 выстрѣловъ.

Въ назначенный день происходитъ открытіе памятника при самой торжественной обстановкѣ. День выдается теплый и ясный, что даетъ возможность выполнить церемоніалъ.

Открытіе памятника адмиралу Г. И. Невельскому.

которое легко когда-нибудь рухнетъ и задавитъ этотъ безсмысленный муравейникъ...

Мы съ товарищемъ долго потомъ вспоминали эту встрѣчу съ адмираломъ. Насъ поразила глубина мысли и мы записали ее тотчасъ-же, какъ разстались съ адмираломъ. Я позволю себѣ привести ее здѣсь, какъ она была записана, потому что нѣтъ въ живыхъ ни адмирала, ни товарища, убитаго въ Цусимскомъ бою".

Характеристика дѣятельности адмирала была-бы далеко не полна, если-бы не упомянуть объ участіи его, какъ всегда самомъ живомъ, въ постановкѣ памятника во Владивостокѣ адмиралу Г. И. Невельскому.

Григорій Павловичъ, столь ясно понимавшій значеніе Владивостока, свято чтившій долгъ вообще, а слѣдовательно, и долгъ потомства къ памяти Геннадія Ивановича Невельскаго, не могъ не отнестись къ этому только съ формальнымъ участіемъ.

Григорій Павловичъ вновь призываетъ къ дѣятельности комитетъ по сооруженію памятника и, чтобы быстрѣе подвинуть дѣло, самъ всегда присутствуетъ при его засѣданіяхъ, даетъ всѣ зависящія отъ него средства, хлопочетъ, и дѣло идетъ быстрыми шагами впередъ. Давнишнее желаніе владивостокскихъ обывателей осуществляется.

Открытіе памятника назначается по Высочайшему повелѣнію на 26-е октября 1887 г., при чемъ телеграммой управляющаго Морскимъ Министерствомъ предписывается привлечь къ участію всѣ находящіеся во Владивостокѣ морскіе чины и команды, всѣ стоящія на рейдѣ суда, войска сухопутнаго гарнизона. Общее командованіе парадомъ возлагалось на адмирала, которому предлагалось установить подробности церемоніала открытія памятника по соглашенію со штабомъ Приамурскаго военнаго округа. Съ судовъ, при снятіи завѣсы съ памятника, предписывалось произвести салютъ въ 17 выстрѣловъ.

Въ назначенный день происходитъ открытіе памятника при самой торжественной обстановкѣ. День выдается теплый и ясный, что даетъ возможность выполнить церемоніалъ.

Въ 11 час. утра празднество началось въ мѣстномъ соборѣ панихидой по адміралѣ Невельскомъ, отслуженной соборне морскимъ и военнымъ духовенствомъ, послѣ чего духовенство съ крестнымъ ходомъ отправилось къ памятнику.

Всѣ войска, морскія и сухопутныя, стояли на улицѣ передъ памятникомъ, а рота почетнаго караула отъ Сибирскаго флотскаго экипажа со знаменнымъ флагомъ и хоромъ портовой музыки на средней террасѣ сада, передъ самымъ памятникомъ. Здѣсь-же стояли и депутаціи съ вѣнками.

По прибытіи крестнаго хода было объявлено Высочайшее повелѣніе объ открытіи памятника. Завѣса была снята, при чемъ произведенъ былъ салютъ съ крѣпости и эскадры, расцвѣтившейся флагами. Къ памятнику былъ выведенъ почетный караулъ въ 4 человѣка.

Затѣмъ послѣ молебствія памятникъ былъ освященъ и отъ депутацій были возложены вѣнки, причемъ произносились рѣчи, посвященныя памяти адмирала Г. И. Невельскаго и заслугамъ его передъ родиной.

Послѣ поздравленія войскъ и рѣчи къ нимъ о значеніи адмирала въ исторіи Россіи и края, онѣ прошли церемоніальнымъ маршемъ передъ памятникомъ.

Отъ города Владивостока всѣмъ войскамъ былъ предоставленъ обѣдъ, а въ Думѣ для всѣхъ начальствующихъ лицъ и представителей состоялся парадный завтракъ.

Это событіе дало мысль Григорію Павловичу и бывшему коменданту Владивостокской крѣпости генералу Стрижеву, свято чтившимъ память о доблести русскаго оружія, воздвигнуть здѣсь-же памятникъ и другому герою—адміралу В. С. Завойко.

В. С. Завойко, сподвижникъ графа Муравьева-Амурскаго и основатель русской колонизаціи Амура, извѣстенъ по своей доблести ратной, которую онъ проявилъ при отраженіи нападенія союзной англо-французской эскадры на Петропавловскъ въ бою 20-го августа 1854 г., а въ особенности въ томъ-же геройскомъ бою 24-го августа того-же 1854 г., который занесенъ на скрижали Отечественной исторіи подъ именемъ „славнаго Петропавловскаго боя“.

Эту славу русскаго воина и задались они увѣковѣчить постановкою памятника адмиралу Завойко и его доблестнымъ сподвижникамъ.

Выборъ мѣста палъ на Владивостокъ отчасти въ виду отдаленности мѣстоположенія Петропавловска, отчасти-же и потому, что адмиралъ, какъ истинный патріотъ, хотѣлъ, чтобы напоминаніе о славѣ русскаго оружія было всегда передъ глазами иностранцевъ, эскадры которыхъ посѣщаютъ Владивостокъ.

При полномъ сочувствіи и помощи со стороны бывшаго Приамурскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками генерала Гродекова, при полномъ участіи въ равной степени, какъ сухопутныхъ, такъ и мѣстныхъ морскихъ силъ, а также благодаря частнымъ пожертвованіямъ жителей Владивостока, удалось собрать значительный капиталъ. Какъ на это отозвалось все общество, видно изъ того, что съ одной лоттереи-аллегри и гулянья, устроеннаго адмираломъ въ саду Командира порта, сборъ достигъ до 10.000 руб.

Закладка памятника состоялась 21-го мая 1901 г. По образованіи капитала, адмиралъ принялъ на себя всѣ остальныя заботы и, уже будучи въ Петербургѣ директоромъ Морского корпуса, слѣдилъ за работою скульптора Гинцбурга, лѣпившаго статую адмирала В. С. Завойко.

Памятникъ былъ законченъ въ 1905 г. и отосланъ во Владивостокъ, но адмиралу не суждено было видѣть результаты своихъ трудовъ.

Открытіе памятника состоялось 18-го мая 1908 г.

„Въ началѣ 1901 г. пронесся слухъ, что адмиралъ отъ насъ уходитъ. Это извѣстіе для однихъ было радостно, для другихъ печально. Печально для тѣхъ, которые опору и защиту видѣли въ этомъ отцѣ-командирѣ. Въ апрѣлѣ слухъ подтвердился, а 11-го іюня 1901 г. адмиралъ отдалъ приказъ, гдѣ говорилось, что онъ оставляетъ службу во Владивостокскомъ порту и благодаритъ насъ всѣхъ за совмѣстные труды. Да, труды были большіе: „не по плечу одному“. Но этотъ одинъ сумѣлъ заставить трудиться не грозными приказами, не лестью, не подкупами, а своимъ личнымъ примѣромъ. Онъ, подобно грозному

гоголевскому ревизору, „прибылъ по Именному повелѣнію и требовалъ къ себѣ“. Ему нельзя было сказать неправды, потому что его испытующій взглядъ пронизывалъ насквозь, а его феноменальная память давала ему возможность напоминать намъ самые малые наши грѣшки.

Какъ же отвѣтили его помощники, начальники, служащіе и мастеровые на этотъ приказъ? Въ портовыхъ лѣтописяхъ Россійскаго флота не было примѣра такого дружнаго, единодушнаго чествованія отъѣзжающаго Командира порта, какого удостоился адмиралъ Григорій Павловичъ Чухнинъ.

Мастеровые, во главѣ съ мастерами, для своего любимаго командира отслужили молебенъ и благословили Святою иконою.

Прощаніе Г. П. Чухнина съ мастеровыми порта.

Ихъ искреннія чувства были выражены въ трогательной надписи при иконѣ: „Указатели и мастеровые Владивостокскаго порта молятъ Спасителя благословить дальнѣйшій путь ихъ Командира порта адмирала Григорія Павловича Чухнина. Іюля 7-го дня 1901 г.“.

Адмиралъ взволнованный, со слезами на глазахъ, поцѣловалъ Святой образъ, обратился къ намъ, сказавъ:

— Дорогіе сотрудники... Ваше благословеніе Святою иконою останется у меня въ сердцѣ навсегда. Съ этой дорогой наградой я никогда не разстанусь. Отъ всего любящаго Васъ русскаго сердца благодарю Васъ *).

Въ этотъ день мастеровые хотя и были одѣты въ праздничные наряды, но на сердцѣ ихъ были будни. Они долго не расходились, а стояли у вновь устроеннаго прощальнаго шатра и разсуждали о происшедшемъ событіи, которое для многихъ изъ нихъ было неожиданностью.

А его помощники, начальники отдѣльныхъ частей и мы, служащіе, почтили его хлѣбомъ-солью въ морскомъ собраніи и собрали капиталъ въ 6.700 руб. на стипендію его имени. Это прощальное торжество, въ силу роковыхъ обстоятельствъ, было лебединой пѣснью для Григорія Павловича. Отвѣчая на наши тосты, онъ повѣдалъ намъ о своихъ стремленіяхъ и перенесенныхъ нравственныхъ страданіяхъ, которыя ему приходилось испытывать съ юныхъ лѣтъ въ борьбѣ за правду.

Его печальное повѣствованіе о безнадежности этой борьбы вызвало у насъ сожалѣніе и невольно думалось: неужели всѣ труженики и великія благородныя патріотическія души должны пройти этотъ тернистый путь?

Жизнь мнѣ отвѣтила:—да.

Для окончанія описанія о совмѣстной моей службѣ съ адмираломъ Г. П. Чухнинымъ, я позволю себѣ воспользоваться стихотвореніемъ: „Кузнецъ“ Н. А. Некрасова.

.

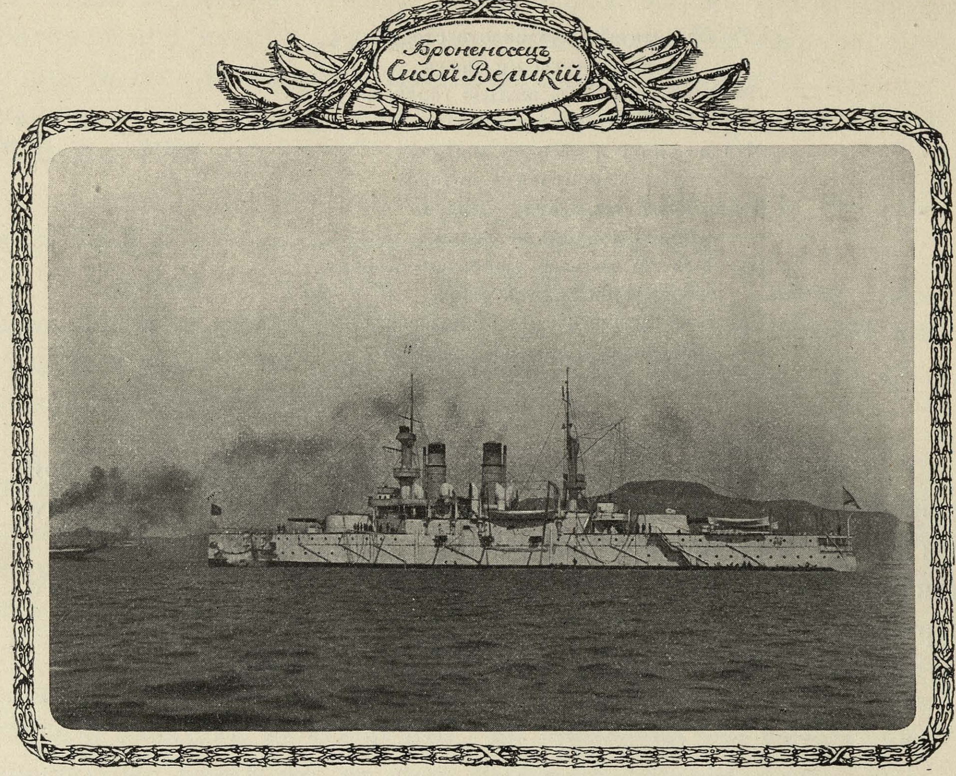
*) Этотъ образъ Спасителя помѣщенъ въ изголовьи его могилы въ нижнемъ храмѣ Св. Владиміра, въ Севастополѣ.

„*Ты всколыхнулъ здѣсь* болото стоячее,
Ты ни минуты не спалъ.
Лишь не остыло-бъ желѣзо горячее,
Ты безъ оглядки ковалъ.
Что не смогу и чего не додѣлаю,
Думалъ, исправятъ потомъ.
Бойко ковалъ ты и руку умѣлую
Видно донынѣ во всемъ.
Съ кѣмъ ты дѣлился душевною скорбію,
Тотъ тебя знаетъ одинъ.
Спи безмятежно, съ покойною совѣстью
Честный Кузнецъ-Гражданинъ".

Да проститъ мнѣ тѣнь поэта и пѣвца народной русской скорби за мой невольный плагіатъ, что я воспользовался его стихотвореніемъ описать личность адмирала Г. П. Чухнина",— пишетъ бывшій мастеръ кузнечной мастерской Владивостокскаго порта.

Золотой терновый вѣнокъ отъ Владивостока
на могилѣ
Г. П. Чухнина.

По ознакомленіи съ порядками на судахъ убедился что внутренняя жизнь кораблей отряда такъ слаба, что я долженъ усумниться смогу ли, за это короткій промежутокъ жаркихъ совместныхъ стоянокъ отряда, которыя предстоятъ отряду до прибытія въ Россію, привести суда и команды въ состояніе соответствующее для представленія отряда на смотръ Государя Императора

Изъ письма Г. П. Чухнина отъ 4-го января 1901 года.

12-го іюля 1901 г. адмиралъ поднялъ флагъ на броненосцѣ „Полтава". Въ это время Морское Министерство рѣшило возвратить часть судовъ изъ состава Тихоокеанской эскадры въ Кронштадтъ для капитальнаго ремонта и перевооруженія.

Этотъ отрядъ, состоявшій изъ эскадренныхъ броненосцевъ: „Сисой Великій" и „Наваринъ", крейсеровъ: „Дмитрій Донской", „Владиміръ Мономахъ" и „Адмиралъ Корниловъ", къ которымъ позднѣе присоединились эскадренный броненосецъ „Императоръ Николай" и законченный постройкой въ Германіи крейсеръ „Аскольдъ", поручался заботамъ Григорія Павловича, съ назначеніемъ его „Командующимъ отдѣльнымъ отрядомъ судовъ, возвращающихся изъ Тихаго океана".

Надо сказать, что это было первымъ случаемъ одновременнаго возвращенія такого числа судовъ съ Дальняго Востока. Раньше корабль, проплававъ опредѣленный срокъ на Востокѣ, по замѣнѣ его вновь прибывшимъ, возвращался въ Кронштадтъ самостоятельно.

Въ этомъ случаѣ, хотя суда и составляли одинъ отрядъ, но, по предписанію высшаго начальства, должны были слѣдовать съ Востока отдѣльными группами по нѣсколько судовъ и разными маршрутами.

Такимъ образомъ, постоянное наблюденіе надъ отрядомъ, вышедшимъ изъ Портъ-Артура сначала раздѣльно, не снимавшее въ то же время нравственной отвѣтственности съ Командующаго, было крайне трудно.

Команда передъ самымъ уходомъ была замѣнена большею частью молодыми матросами или людьми послѣдняго года, предназначавшимися къ увольненію въ запасъ. Вездѣ недоставало спеціалистовъ. Точно также большинство офицеровъ было замѣнено другими. Слѣдовательно, боевая готовность отряда, при такомъ составѣ только что собравшихся людей, не могла быть на должной высотѣ. При этомъ и суда возвращались для ремонта и перевооруженія, значитъ—имѣли дефекты. Предписаніями же высшаго начальства требовалось, чтобы весь отрядъ былъ готовъ „ко всему", если на пути встрѣтится необходимость въ его возвращеніи и присоединеніи къ эскадрѣ Тихаго

океана. Съ другой стороны, отряду предстоялъ въ Кронштадтѣ Высочайшій смотръ. Все это вмѣстѣ взятое представляло собой крайне отвѣтственную и трудную задачу.

Еще надо прибавить, что до самаго послѣдняго времени, оставаясь младшимъ флагманомъ въ эскадрѣ Тихаго океана, адмиралъ долженъ былъ находиться въ полномъ подчиненіи начальнику эскадры, почему онъ до послѣдней минуты не могъ войти въ подробности жизни своего отряда и регулировать правильное отправленіе на немъ службы. При адмиралѣ находился всего флагъ-офицеръ и писарь, а на отвѣтственности лежали текущія дѣла всей эскадры.

Несмотря на это, Григорій Павловичъ успѣваетъ написать самую подробную инструкцію командирамъ судовъ для руководства во время слѣдованія отдѣльно, положительно предусматривая всѣ мелочи; подчеркиваетъ свою постоянную мысль о воспитаніи духа и инициативы, особенно призываетъ къ поднятію самой строгой воинской дисциплины. Съ предусмотрительностью и опытомъ своихъ плаваній, даетъ указанія и наставленія объ ученіяхъ и жизни людей въ жаркомъ климатѣ, при чемъ обращаетъ вниманіе на сбереженіе силъ, особенно машинной команды.

Чтобы поднять уровень знанія входящихъ въ составъ отряда офицеровъ, адмираломъ возлагается на младшихъ офицеровъ исполненіе штурманскихъ обязанностей по веденію ими, независимо отъ старшаго штурмана, хронометрическихъ журналовъ и ежедневныхъ опредѣленій мѣста нахожденія корабля. Къ занятіямъ штурманскимъ дѣломъ привлекаются по возможности всѣ офицеры, не исключая и ревизоровъ. Предполагается дѣлать переводы съ иностранныхъ лоцій;—описанія тѣхъ береговъ и портовъ, мимо которыхъ эскадрѣ предстоитъ пройти, словомъ, не забывается ничего, что такъ или иначе можетъ служить полезнымъ руководствомъ при практическомъ ознакомленіи офицеровъ съ кораблевожденіемъ, какъ главною отраслью морского дѣла.

„Такимъ образомъ, предписываю возможно шире развить обученіе кораблевожденію, чтобы плавающіе нынѣ офицеры стали

въ будущемъ дѣйствительными командирами ввѣренныхъ имъ кораблей не только на якорѣ, но и на ходу", писалъ адмиралъ въ приказѣ.

Снова, такимъ образомъ, вырисовывается въ этихъ распоряженіяхъ опытный и знающій адмиралъ, несмотря на то, что почти 5 лѣтъ онъ провелъ на берегу. Его духъ, опытность оживаютъ вновь, какъ только онъ вступаетъ на палубу корабля.

Отрядъ оставляетъ Портъ-Артуръ 12-го декабря 1901 года. Суда расходятся.

Адмиралъ, имѣя флагъ на броненосцѣ „Сисой Великій", слѣдуетъ съ одной изъ группъ отряда.

Опытный глазъ адмирала тотчасъ же замѣчаетъ въ этой группѣ отряда неустановившійся порядокъ, какъ по несенію морской службы, такъ и по хозяйственной части. Особенно бросается въ глаза адмиралу большой расходъ угля.

Соединеніе съ другими группами открываетъ адмиралу тотъ же характеръ недостатковъ и тѣ-же упущенія.

„Считаю крайне необходимымъ, писалъ адмиралъ, при всякомъ подходящемъ случаѣ соединять отрядъ, чтобы упорядочить службу на немъ и имѣть постоянный надзоръ за судами".

Вслѣдствіе большого расхода угля, слѣдуютъ распоряженія о назначеніи комиссій подъ предсѣдательствомъ и при непосредственномъ участіи командировъ, при чемъ прямою обязанностью комиссій было опредѣленіе наименьшаго расхода топлива, а также смазочныхъ матеріаловъ, при экономическомъ ходѣ. На флагманскомъ кораблѣ такое опредѣленіе расхода угля производилось подъ личнымъ руководствомъ адмирала, не находившимъ для себя затруднительнымъ посѣщать кочегарки для того, чтобы провѣрить всѣ дѣйствія, взвѣшиваніе и счетъ числа поданныхъ въ топки кадокъ угля.

И такія мѣры не замедлили принести существенную пользу, такъ какъ расходъ угля дошелъ до минимума и адмиралъ съ гордостью могъ сказать, что переходъ былъ сдѣланъ съ наименьшею затратою для казны.

По соединеніи всего отряда въ Средиземномъ морѣ, адмиралъ остался недоволенъ своимъ отрядомъ и отдалъ слѣдующій приказъ:

„Совершенные за послѣднее время на судахъ проступки, по которымъ производились слѣдствія, показали, что дисциплина и внутренній порядокъ жизни и службы на корабляхъ, несмотря на самые энергичные приказы и предписанія съ самаго перваго времени вступленія моего въ командованіе отрядомъ, повидимому, измѣнились къ лучшему только по одному наружному своему проявленію. Всѣ указанія мои, какъ словесныя, такъ и письменныя, предупреждавшія о необходимости измѣненія существовавшаго на корабляхъ порядка, не привели къ ясно выраженнымъ результатамъ, и исполненіе моихъ приказаній, надо думать, происходило безъ искренняго внутренняго убѣжденія въ крайней необходимости точнаго исполненія этихъ указаній и выражалось соблюденіемъ одной лишь наружной формальной стороны.

„Если ввѣренному мнѣ отряду недостаточно убѣдительны указанія командующаго флагмана, то происшедшія на судахъ преступныя дѣянія, явившіяся слѣдствіемъ продолжительнаго несоблюденія коренныхъ и самыхъ элементарныхъ правилъ морской службы, ведущихъ къ расшатыванію внутренней дисциплины командъ, должны краснорѣчивѣе и доказательнѣе всякихъ словъ указать на совершенную невозможность продолженія такого поверхностнаго отношенія къ дѣлу.

„Для возстановленія строгаго порядка на судахъ отряда и для дисциплинированія не только наружнаго, но и внутренняго его проявленія, необходимо привить строгую дисциплину во всѣхъ чинахъ, такъ какъ только одна внутренняя дисциплина мысли можетъ придать командамъ значеніе военной силы, а не толпы, съ ея легкимъ подчиненіемъ дурнымъ инстинктамъ“.

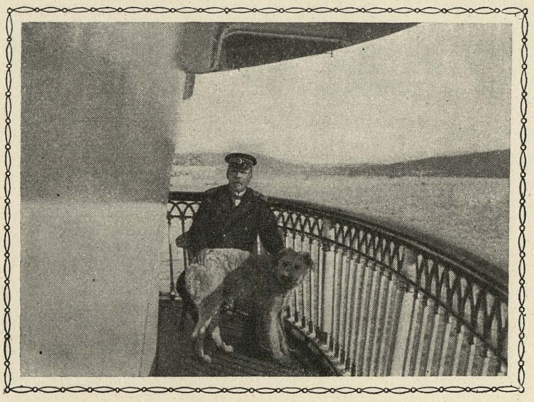
Такимъ образомъ идетъ непосредственное наблюденіе адмирала за каждымъ кораблемъ отряда; онъ постоянно переноситъ свой флагъ съ одного судна на другое, производитъ маневры цѣлымъ отрядомъ, дѣлаетъ осмотры отдѣльныхъ судовъ, посѣщаетъ ученія и работы.

И Григорію Павловичу удалось достигнуть того, чего онъ хотѣлъ: онъ могъ представить свой отрядъ на смотръ Государя Императора въ полномъ порядкѣ.

Въ Танжерѣ на долю Григорія Павловича выпалъ случай сыграть политическую роль—произвести демонстрацію входомъ въ Танжерскій рейдъ, во главѣ соединеннаго Русско-Французскаго отряда, имѣя подъ своею командою четыре французскихъ крейсера, присоединившихся къ нему на пути въ Танжеръ, съ цѣлью оказать давленіе на Мароккскаго бея въ пользу Франціи...

На пути въ Кронштадтъ, изъ Ревеля присоединяется отрядъ Морского корпуса и эскадра, въ составѣ судовъ: „Сисой", „Наваринъ", „Донской", „Корниловъ", „Аскольдъ", „Эдинбургскій", „Пожарскій", „Генералъ-Адмиралъ", „Морякъ", „Вѣстникъ", „Воинъ", „Вѣрный" и „Крейсеръ" 5-го,—мая входитъ на Кронштадтскій рейдъ.

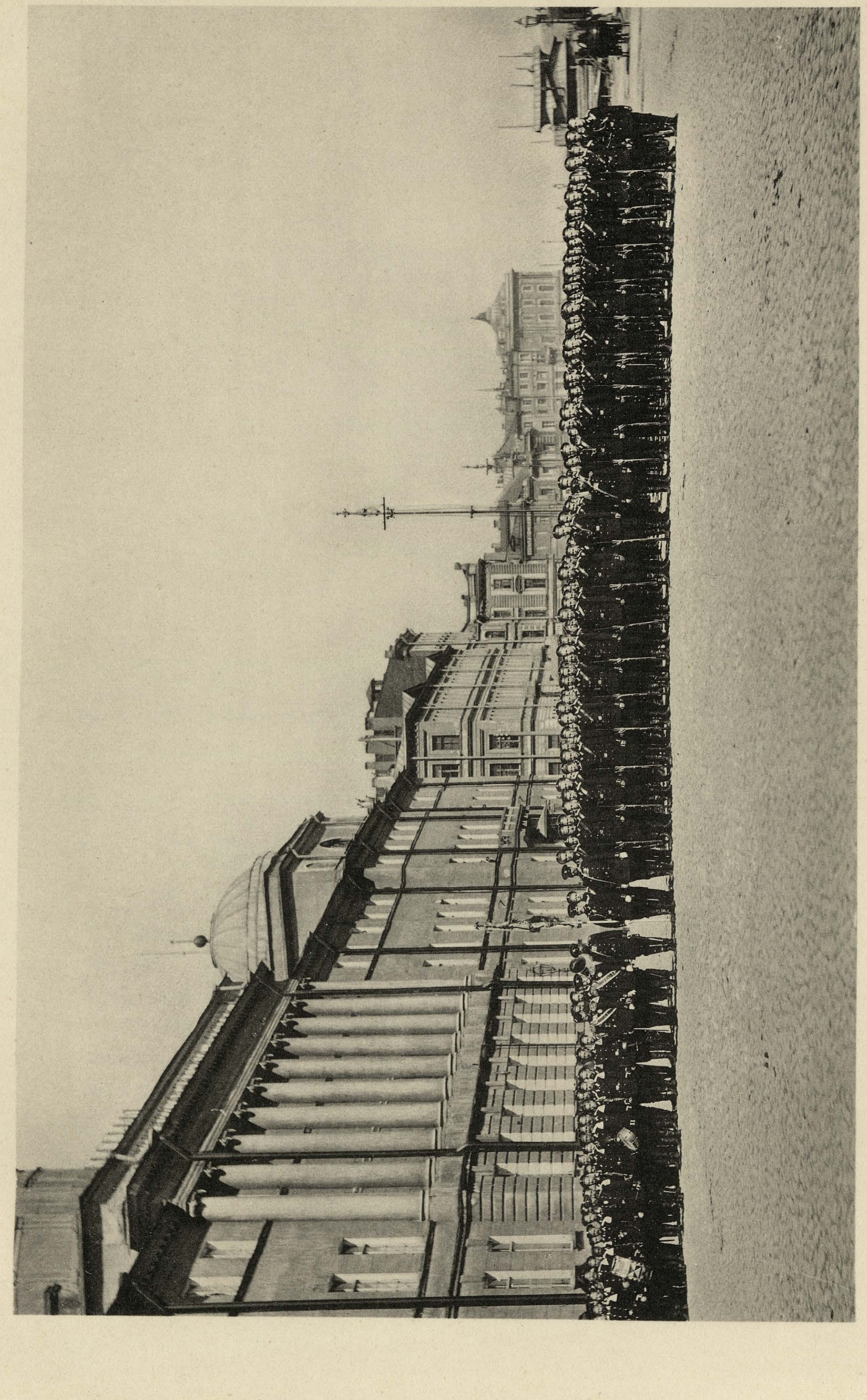
Послѣ участія въ церемоніальныхъ торжествахъ при встрѣчѣ Президента Французской Республики Лубэ и смотра Государя Императора, соизволившаго объявить сигналомъ: „Изъявляю особое удовольствіе отряду адмирала Чухнина", адмиралъ спустилъ свой флагъ на „Сисоѣ" 19-го мая 1902 г.

МОРСКОЙ КОРПУСЪ

Морской Кадетскій Корпусъ.

Назначеніе Григорія Павловича на должность начальника Николаевской Морской Академіи и директора Морского корпуса состоялось 1-го іюля 1902 года, вскорѣ послѣ окончанія кампаніи эскадрою судовъ, прибывшихъ съ Дальняго Востока.

Въ это время корпусъ переживалъ трудное время. Неожиданная смерть недавно назначеннаго на должность директора адмирала Доможирова остановила рядъ намѣченныхъ реформъ по преобразованію корпуса. Въ послѣднихъ ощущалась живѣйшая необходимость, какъ по всѣмъ отдѣльнымъ частямъ корпуса, такъ и въ общемъ его строѣ, вызывавшемъ громкія и справедливыя нареканія въ обществѣ и флотѣ. Необходима была твердая рука, чтобы направить на вѣрный путь дѣло воспитанія будущихъ офицеровъ флота, столь важное для ихъ жизни; нужна была и неутомимая энергія, и тонкое пониманіе тѣхъ требованій, которыя предъявляются службой къ выходящимъ изъ корпуса молодымъ офицерамъ.

Все это, какъ нельзя лучше, совмѣщалось въ лицѣ Григорія Павловича, который и въ корпусѣ, какъ и на всѣхъ другихъ ступеняхъ своей службы, былъ именно тѣмъ, что называется the right man of the right place. Поэтому и для корпуса эти 2 года составили блестящую эпоху, въ которую онъ измѣнился до неузнаваемости; и въ жизни Григорія Павловича они являются особенно замѣчательными по тѣмъ громаднымъ результатамъ, которые были достигнуты имъ въ это время.

Фактически въ управленіе Академіей и корпусомъ Григорій Павловичъ вступилъ 1-го августа—за нѣсколько дней до возвращенія воспитанниковъ изъ плаванія—и съ первыхъ же шаговъ горячо принялся за дѣло. Приходилось одновременно и при-

сматриваться къ совершенно новой для него жизни огромнаго учрежденія, и знакомиться съ личнымъ составомъ, и намѣчать будущія мѣры и вести текущія дѣла въ самое горячее время передъ началомъ учебнаго года во время пріемныхъ экзаменовъ, переэкзаменовокъ, обсужденія результатовъ минувшаго плаванія и спѣшнаго изготовленія помѣщеній къ началу занятій. Приходилось, кромѣ того, на каждомъ шагу сталкиваться съ инертностью, рутиной и тѣмъ неизбѣжнымъ глухимъ противодѣйствіемъ, которымъ, къ сожалѣнію, всегда встрѣчается всякое новое живое слово, а тѣмъ болѣе всякая рѣшительная мѣра. Но Григорій Павловичъ хорошо зналъ это по долгому опыту своей предшествовавшей службы и, разъ рѣшившись принять на себя управленіе корпусомъ, сразу началъ дѣйствовать въ избранномъ имъ направленіи, ясно показывая, что никакая сила не заставитъ его отклониться съ этого намѣченнаго пути. Такъ продолжалось съ самаго начала и до самаго конца, въ теченіе всего времени, проведеннаго имъ въ корпусѣ, и чѣмъ дальше дѣло шло, тѣмъ болѣе выяснялось для всѣхъ и каждаго это направленіе—отъ старшихъ чиновъ корпусной администраціи до самыхъ младшихъ кадетъ; тѣмъ сознательнѣе становилось отношеніе къ своему дѣлу и воспитателей, и учащихся, и тѣмъ стройнѣе шла вся жизнь корпуса, приближаясь именно къ тому строгому порядку, привычка къ которому—лучшее средство воспитанія юношей для военно-морской службы.

Прежде всего Григоріемъ Павловичемъ было обращено вниманіе на условія пріема въ корпусъ поступающихъ въ младшій классъ мальчиковъ. Онъ присутствовалъ на всѣхъ медицинскихъ осмотрахъ и на значительномъ числѣ экзаменовъ велъ личные переговоры съ родителями поступающихъ, какъ всегда осаждавшими его просьбами о различныхъ льготахъ и послабленіяхъ, а также съ Морскимъ Министерствомъ, и упорно добивался того, чтобы пріемъ былъ произведенъ съ безукоризненной справедливостью и законностью, безъ всякихъ отступленій отъ правилъ. Въ то же время пришлось бороться и съ тѣснотой помѣщеній корпуса, чтобы получить возможность принять достаточное число молодыхъ людей, что и было достигнуто. Нужно замѣтить, что

тогда передъ войной съ Японіей, при огромной численности и быстромъ ростѣ флота, отъ корпуса требовались исключительно-большіе выпуски, для пополненія весьма ощутительнаго недостатка въ офицерахъ; а потому и комплектъ воспитанниковъ былъ такъ великъ, какъ не бывалъ никогда ни раньше, ни послѣ—750 человѣкъ. И хотя для младшей роты года за два до этого времени былъ построенъ особый 3-хъ-этажный домъ, примыкающій къ столовому залу, но этого увеличенія помѣщеній было еще далеко не достаточно. Чтобы избѣжать большого числа учениковъ въ каждомъ классѣ, число послѣднихъ нужно было также сильно увеличить, — но для этого требовалось и устройство новыхъ классныхъ комнатъ, а прибавить для нихъ мѣста было неоткуда. Эти и другія измѣненія вмѣстѣ съ ежегоднымъ ремонтомъ, окончаніемъ новыхъ построекъ и введеніемъ разныхъ улучшеній старыхъ были крупнымъ, сложнымъ и нелегкимъ дѣломъ, особенно ввиду его спѣшности, такъ какъ ко времени, назначенному для возвращенія воспитанниковъ изъ отпуска, корпусъ долженъ былъ быть готовъ во что бы то ни стало: —иначе пришлось бы отложить занятія.

1-го сентября воспитанники вернулись изъ отпуска, 2-го былъ отслуженъ молебенъ и производилось размѣщеніе гардемаринъ и кадетъ по ротамъ, а съ 8-ми часовъ утра 3-го начались классныя занятія.

Такъ обычнымъ образомъ начался этотъ учебный годъ; но уже съ самыхъ первыхъ дней новый директоръ показалъ, что отъ его вниманія не ускользаетъ ни одна изъ сторонъ корпусной жизни, ни одинъ случай въ ротахъ, въ классахъ, въ отпуску, и весь корпусъ съ понятнымъ волненіемъ выжидалъ дальнѣйшихъ событій, еще не составивъ себѣ яснаго понятія о личности новаго начальника. Съ своей стороны Григорій Павловичъ теперь впервые ознакомился съ массой кадетъ, характеромъ ихъ поведенія, внѣшнимъ видомъ, отношеніемъ къ начальникамъ и старшимъ, а также и со всѣми подробностями ихъ жизни, ученія, питанія, строевыхъ занятій, отпусковъ и проч. Постоянно обходя корпусъ въ разные часы, бывая и въ классахъ, и въ ротахъ, и въ кухнѣ, и въ столовомъ залѣ, и въ церкви,

онъ съ настойчивымъ вниманіемъ присматривался ко всему и немедленно указывалъ всякое отступленіе отъ должнаго военнаго порядка, обо всемъ болѣе важномъ разъясняя въ тотъ же день въ приказахъ по корпусу. Съ первыхъ же дней ученія появились приказы, въ которыхъ указывались случаи разнаго рода проступковъ, начиная съ замѣченнаго директоромъ неумѣнія воспитанниковъ держать себя при разговорѣ съ начальникомъ и кончая указаніями на безцѣльную порчу казенныхъ ложекъ, ножей и вилокъ столовой; на большое число переэкзаменовокъ, вслѣдствіе плохого вниманія въ классахъ и многое другое. Установлены правила о пріемахъ хозяйственнымъ комитетомъ всякихъ матеріаловъ, объ объявленіи воспитанникамъ относящихся до нихъ приказовъ, о дежурствѣ гардемаринъ по кухнѣ, о шитьѣ и пригонкѣ кадетскаго платья и проч., и проч.

Какъ признавался впослѣдствіи самъ Григорій Павловичъ, впечатлѣніе, произведенное на него этимъ первымъ знакомствомъ съ ввѣреннымъ ему учрежденіемъ и его питомцами, было на столько невыгоднымъ, что даже онъ невольно усомнился, подъ силу ли будетъ ему справиться съ колоссальной задачей водворить въ корпусѣ такой порядокъ, который казался ему нужнымъ. Но тогда никто изъ окружающихъ не могъ замѣтить ничего подобнаго: наоборотъ, директоръ работалъ неутомимо и съ несокрушимой энергіей. Для лучшаго ознакомленія съ каждымъ воспитанникомъ было приказано еженедѣльно, по субботамъ, собираться въ картинной галлереѣ всѣмъ подвергшимся на недѣлѣ взысканіямъ или получившимъ дурныя отмѣтки въ классахъ. Замѣченное недосыпаніе гардемаринъ и кадетъ вмѣстѣ съ тѣмъ вызываетъ распоряженіе по корпусу о томъ, чтобы были приняты мѣры, недопускающія долгаго засиживанія воспитанниковъ по вечерамъ. Вводится въ ротахъ пѣніе утреннихъ и вечернихъ молитвъ, а въ цѣляхъ гигіены учреждено время медицинскихъ осмотровъ и ежедневныхъ прогулокъ кадетъ по двору корпуса.

Жизнь выдвинула вскорѣ и другіе приказы, ярко обрисовавшіе характеръ и личность новаго директора. Какъ-то разъ, кадеты произвели безпорядокъ во фронтѣ при выходѣ изъ-за

стола, выразившійся въ насмѣшливыхъ восклицаніяхъ по адресу дежурнаго офицера. Произведенное дознаніе не выяснило виновныхъ. Классъ не хотѣлъ выдать иниціаторовъ устроеннаго, на кадетскомъ языкѣ, „бенефиса". Было наложено взысканіе на всю роту, а на слѣдующій день появился приказъ, въ которомъ было объяснено не только неприличіе самого поступка, но и того факта, что зачинщики скрылись за спинами товарищей.

„Гардемарины и кадеты сами должны искоренять такія глупыя мальчишескія выходки", говорилось въ приказѣ. „Выдавать товарищей не обычно, но въ то же время унизительно благовоспитаннымъ людямъ подчиняться не лучшимъ, а худшимъ лицамъ класса или роты. Буду надѣяться, что большинство подчинитъ своему вліянію неразумныхъ".

Такимъ же образомъ поступалъ Григорій Павловичъ всегда и впослѣдствіи при подобныхъ случаяхъ: не только накладывалъ взысканіе, показывая, что ни какомъ случаѣ не потерпитъ безпорядка и распущенности, но и разъяснялъ и приказами, и очень часто лично, при всей ротѣ, а не рѣдко и при всемъ корпусѣ, каждый болѣе крупный проступокъ, стараясь указать воспитанникамъ на всю фальшь условныхъ правилъ кадетской добродѣтели и ихъ молодечества и все несогласіе ихъ съ общими правилами благородства, разумнаго порядка и приличія.

Тяжелый и неблагодарный это былъ трудъ—особенно вначалѣ, пока не создалась у кадетъ привычка вникать въ смыслъ этихъ разъясненій, отчего онѣ на половину пропадали даромъ,— но и здѣсь твердая воля адмирала превозмогла инертность толпы и вліяніе ея на эту толпу въ короткое время сказалось самымъ нагляднымъ образомъ: чѣмъ дальше, тѣмъ больше во всѣхъ ротахъ сказывалось преобладаніе разумныхъ, здравомыслящихъ и склонныхъ къ порядку элементовъ надъ немногими буянами, прежде легко увлекавшими за собой всѣхъ товарищей.

Громадное значеніе въ смыслѣ успѣха воспитательнаго дѣла имѣла и та строжайшая требовательность, которую Григорій Павловичъ предъявилъ ко всему составу воспитателей, начиная со старшихъ. Постоянно указывая на всякое упущеніе и заставляя и служебными распоряженіями, и своимъ примѣромъ не-

устанно бороться со всѣми открывающимися недочетами, онъ сумѣлъ втянуть въ эту борьбу всѣхъ своихъ помощниковъ и объединить ихъ дѣйствія въ одну стройную систему, которой и придалъ общее направленіе, согласно своимъ взглядамъ.

Онъ придерживался всегда и во всемъ мудраго правила: „кто не съ нами, тотъ противъ насъ" и, будучи самъ всецѣло преданъ только однимъ интересамъ своего дѣла, требовалъ того же отъ другихъ, а всему вредному для этого дѣла объявлялъ открытую и безпощадную войну. Между прочимъ, изъ многихъ его приказовъ видно, какъ до глубины души возмущалъ его тотъ фактъ, что иные лѣнивые и шаловливые воспитанники за стѣнами корпуса въ отпуску находили себѣ подчасъ не только не порицаніе, а наоборотъ, даже содѣйствіе, выражавшееся, напримѣръ, присылкой медицинскихъ свидѣтельствъ въ оправданіе самовольной просрочки отпуска. Доходило дѣло, какъ ни мало вѣроятнымъ это можетъ показаться, даже до явнаго обмана ротныхъ командировъ и самого директора. Подтвержденій этому много въ приказахъ Григорія Павловича: онъ, не стѣсняясь, описывалъ въ нихъ всѣ подобные случаи, никогда не закрывая глаза на истину и не боясь высказать ее въ слухъ, какъ бы она ни была подчасъ щекотлива. Конечно, это создало ему много враговъ, но онъ не обращалъ на нихъ вниманія, думая только о пользѣ своихъ воспитанниковъ и объ исполненіи своего долга воспитателя, который ставилъ выше всего.

За первое полугодіе особенно выдающихся происшествій не было, хотя проступки, какъ единичные, такъ и цѣлыми группами кадетъ, подобно описанному выше, повторялись очень часто, несмотря на постоянныя разъясненія и строгія взысканія, доходившія по неволѣ до самыхъ крутыхъ мѣръ: — снятія погонъ, лишенія годового билета, разжалованія унтеръ-офицеровъ, и гардемаринъ и т. п., когда проступки повторялись съ особеннымъ упорствомъ, или отличались особенною дерзостью. Нѣсколько человѣкъ за очевидное вредное вліяніе на товарищей было и совсѣмъ уволено на попеченіе родителей, что значительно улучшило общій уровень поведенія въ ихъ классахъ.

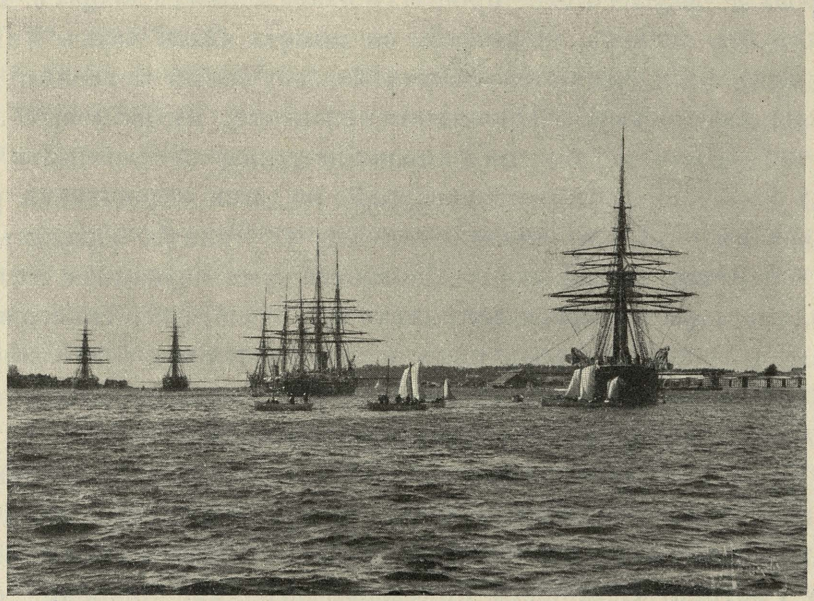
Въ концѣ сентября произошелъ очень характерный случай,

разбиравшійся болѣе мѣсяца, при личномъ самомъ непосредственномъ участіи директора. Дѣло было такъ: одна изъ ротъ была оставлена вся безъ отпуска, такъ какъ, при разборѣ произведеннаго ею безпорядка, виновные не сознались. Когда рота несла наказаніе, тѣ самые кадеты, изъ-за которыхъ она была наказана, тайкомъ ушли ночью изъ корпуса; но вліяніе ихъ на товарищей оказалось настолько велико, что никто ихъ не осудилъ, а наоборотъ, обвинили чуть-ли не въ предательствѣ дежурнаго кадета, не пожелавшаго оказать этимъ господамъ содѣйствія въ ихъ продѣлкѣ. Этотъ случай, повлекшій за собой длиннѣйшую исторію, въ которой всякій здравый смыслъ отсутствовалъ, а царилъ удивительный хаосъ и невообразимое смѣшеніе понятій, и которая окончилась уходомъ дежурнаго кадета изъ корпуса по настоянію товарищей, ясно показываетъ, до чего недоставало иногда, какъ отдѣльнымъ кадетамъ, такъ и цѣлымъ группамъ ихъ твердаго и одинаковаго у всѣхъ понятія о самыхъ—казалось-бы—простыхъ и обыденныхъ вещахъ, о которыхъ въ любомъ обществѣ не можетъ быть двухъ мнѣній, такъ какъ онѣ считаются такими же азбучными истинами, какъ дважды два—четыре. Очевидно при этомъ, иные ловкіе люди отлично умѣли играть на самолюбіи толпы и вовлекать всю массу въ очень крупные проступки, не давая хорошенько разобраться въ томъ, что хорошо, что дурно. Такимъ образомъ еще подтвердилась для Григорія Павловича уже сознанная имъ необходимость, во-первыхъ, поднимать всякими мѣрами самосознаніе всей массы кадетъ и разрушать ихъ условныя понятія о морали, а, во-вторыхъ, удалить изъ корпуса тѣхъ, вредное вліяніе которыхъ на товарищей было слишкомъ очевидно.

Съ начала марта, параллельно съ распоряженіями по закончанію учебнаго года въ корпусѣ, начались заботы о предстоящемъ лѣтнемъ практическомъ плаваніи воспитанниковъ, которому Григорій Павловичъ придавалъ огромное значеніе, справедливо полагая, что самая важная часть подготовки будущихъ моряковъ есть именно та, которая происходитъ въ морѣ, на кораблѣ.

Отрядъ корпуса съ 1902 по 1903 годъ состоялъ изъ крей-

сера I-го ранга „Князь Пожарскій“, крейсера 2-го ранга: „Рында“, и „Вѣстникъ“, учебныхъ судовъ: „Вѣрный“, „Воинъ“ и „Морякъ“ и крейсера 1-го ранга „Адмиралъ Корниловъ“, блокшива „Невка“, 2-хъ баржъ и миноносца „Пылкій“. Приказомъ по Морскому Вѣдомству Григорій Павловичъ былъ назначенъ командующимъ отрядомъ. Въ виду невозможности часто посѣщать отрядъ и слѣдить за его изготовленіемъ къ плаванію лично, Григорій Павловичъ, съ разрѣшенія Главнаго Командира Кронштадтскаго порта, предложилъ старшему изъ командировъ ближайшее наблюденіе за вооруженіемъ всѣхъ судовъ и сношеніе съ портомъ по общимъ дѣламъ по обсужденію таковыхъ совмѣстно съ другими командирами. Онъ слѣдилъ за вооруженіемъ и укомплектованіемъ судовъ и нѣсколько разъ посѣщалъ

Учебный отрядъ судовъ Морского корпуса.

отрядъ въ Кронштадтѣ. Въ то же время, въ корпусѣ была назначена коммиссія изъ преподавателей всѣхъ практическихъ предметовъ, пересматривавшая, согласно указаній директора, программы лѣтнихъ занятій по всѣмъ предметамъ.

Какъ неизмѣнно повторялось и въ прежніе годы, нѣкоторые изъ судовъ отряда, не смотря на принятыя заранѣе Григоріемъ Павловичемъ мѣры, оказались къ началу кампаніи не вполнѣ готовыми, настолько, что даже не могли выйти на рейдъ. Убѣдившись въ этомъ личнымъ осмотромъ судовъ въ самый день начала кампаніи, адмиралъ, однако, не остановилъ своего твердаго намѣренія избѣжать напрасной траты золотого времени на стоянку въ Кронштадтской гавани и повелъ дѣло такъ энергично, что съ полудня слѣдующаго дня отрядъ началъ вытягиваться на рейдъ и къ заходу солнца вышелъ весь, кромѣ одного судна, вышедшаго 12-го рано утромъ. Здѣсь повторилось то же, что и въ корпусѣ въ первое время управленія имъ Григоріемъ Павловичемъ: онъ сразу предъявилъ ко всѣмъ лицамъ и случаямъ требованіе такого строгаго порядка, къ которому самъ имѣлъ давнишнюю привычку. Но многіе оказались къ такимъ требованіямъ, наоборотъ, не достаточно привычными и даже не всегда умѣли ихъ предусмотрѣть, почему въ первое время и не обходилось безъ промаховъ, вызывавшихъ неудовольствіе адмирала.

Въ практическомъ ознакомленіи воспитанниковъ съ судномъ адмиралъ видѣлъ важную задачу, на серьезное выполненіе которой было въ распоряженіи лишь 92 дня въ годъ, за вычетомъ же праздниковъ и стоянокъ—всего 58. Нужно было экономить каждый день.

Это же краткое время плаванія заставило Григорія Павловича обратить особое вниманіе на то, чтобы оно прошло, какъ можно, продуктивнѣе для всего состава кадетъ; адмиралъ всѣми мѣрами стремился, по возможности, использовать каждый день и каждый часъ для главной цѣли отряда—практическаго обученія воспитанниковъ. Для этого особенное вниманіе было обращено на выборъ преподавателей, число которыхъ значительно увеличено, по мѣрѣ средствъ; на привлеченіе къ дѣлу обученія и

воспитанія кадетъ всего личнаго состава судовъ отряда; на программы занятій, по большей части пересмотрѣнныя еще до плаванія, въ корпусѣ, и, наконецъ, на систему занятій, совершенно измѣненную Григоріемъ Павловичемъ.

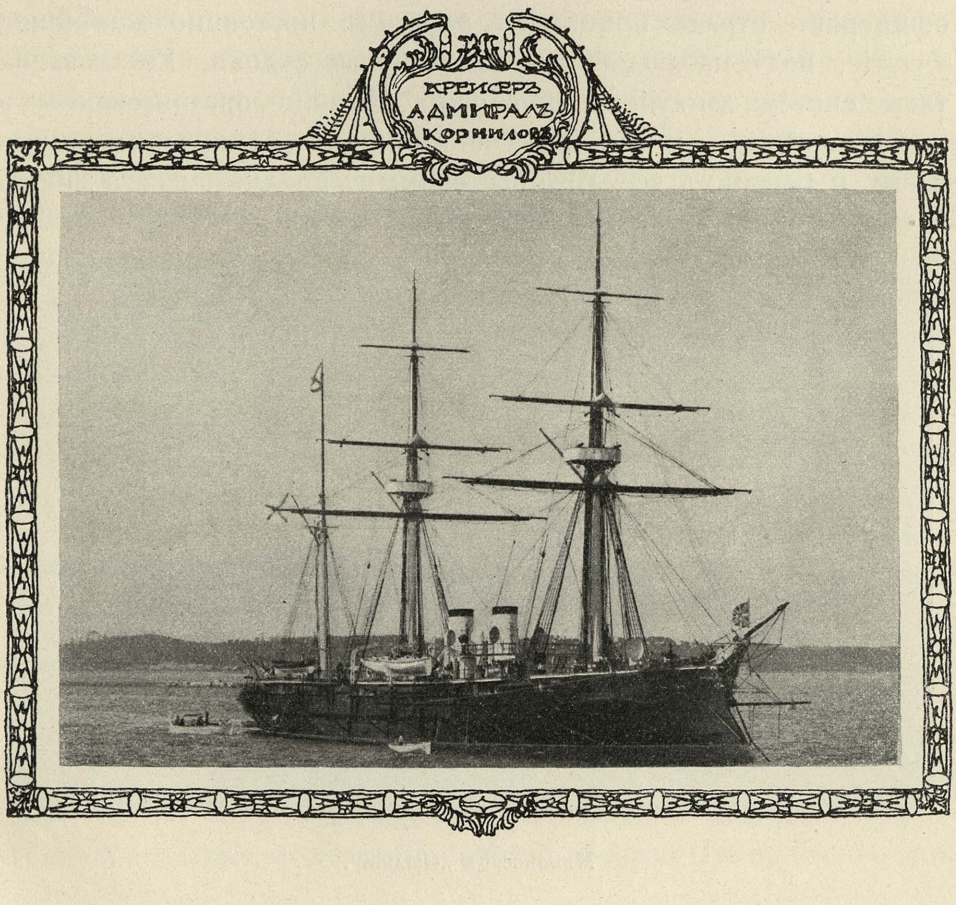
Дѣло въ томъ, что ознакомившись съ прежней системой преподаванія на отрядѣ, Григорій Павловичъ нашелъ ее неудовлетворительной, замѣтивъ, что на подготовку каждаго отдѣльнаго лица обращалось слишкомъ мало вниманія. Занятія велись, программы были составлены довольно удовлетворительно, но, кромѣ осеннихъ практическихъ экзаменовъ, не провѣрялось постоянно относительно каждаго отдѣльнаго кадета или гардемарина, продѣлывалъ ли онъ дѣйствительно лично каждую положенную программой работу, изучилъ ли каждый упомянутый программой вопросъ той или другой отрасли морскихъ знаній, или только присутствовалъ на урокахъ, и, въ результатѣ, постоянно приходилось слышать, что молодые офицеры не выносятъ изъ корпуса никакихъ практическихъ знаній, что есть мичманы, которые на кораблѣ ничего не знаютъ и не умѣютъ, точно никогда не бывали въ плаваніи. Для Григорія Павловича, постоянно сталкивавшагося во время своихъ плаваній съ фактомъ малой подготовленности офицеровъ, являлась теперь возможность обратить серьезное вниманіе на устраненіе причинъ этого недостатка и принять мѣры къ пресѣченію зла въ самомъ его зародышѣ.

Адмиралъ горячо принялся за это, измѣнивъ въ корнѣ систему преподаванія; онъ сталъ требовать именно того, чтобы о каждомъ кадетѣ велась постоянная запись занятій, чтобы при шлюпочныхъ ученіяхъ управлялись подъ парусами не одни любители этого дѣла, какъ прежде, а всѣ, по очереди, чтобы каждый побывалъ постепенно на всѣхъ обязанностяхъ у орудія, на марсѣ, на нокѣ, у машины, у котла, на паровомъ катерѣ, на различныхъ должностяхъ на вахтѣ и по завѣдыванію судномъ, — и чтобы все это было записано, зачерчено имъ въ свою тетрадь и оцѣнено преподавателемъ, съ провѣркой, не пропущено ли что-нибудь кѣмъ-либо изъ кадетъ. Конечно, такое преподаваніе требовало гораздо больше времени и труда, почему и пришлось еще больше дорожить временемъ.

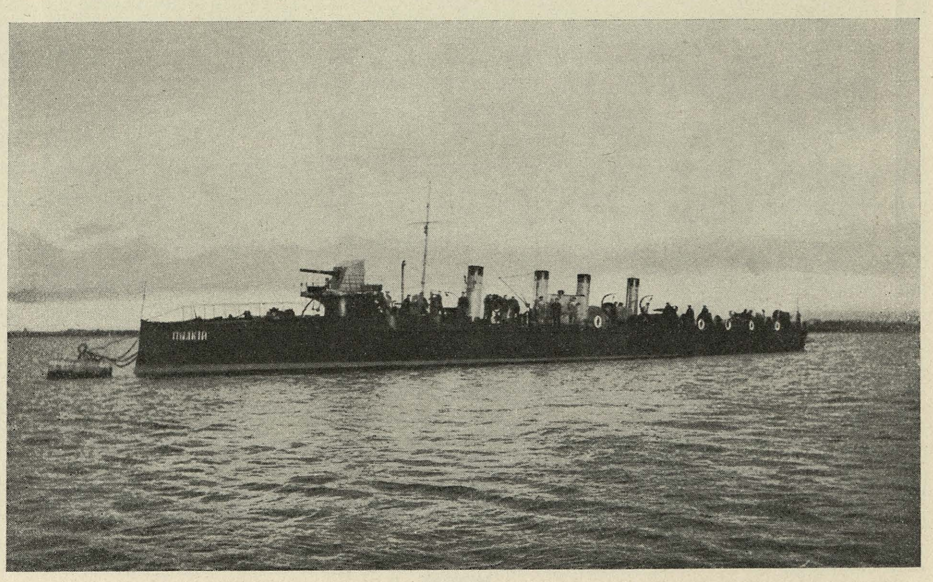
Дѣйствительно, время и не терялось напрасно въ это лѣто; работа шла быстрымъ темпомъ, жизнь кипѣла ключемъ на всѣхъ судахъ въ теченіе всего плаванія. Со 2-го дня кампаніи началась вахтенная и караульная служба гардемаринъ и кадетъ, къ которой требовалось самое серьезное отношеніе.

За три дня стоянки въ Кронштадтѣ произведены смотры, выходъ изъ гавани, проба машинъ, опредѣленіе девіаціи, перекличка всѣхъ расписаній и еще произведены артиллерійскія ученія передъ предстоявшей въ скоромъ времени стрѣльбой.

9-го мая воспитанники явились изъ отпуска, а 10-го утромъ, послѣ молебна въ корпусѣ были перевезены въ Кронштадтъ на суда отряда, начавшія въ этотъ день кампанію и Григорій

Павловичъ поднялъ свой вице-адмиральскій флагъ на крейсерѣ „Адмиралъ-Корниловъ". Четырнадцатаго мая отрядъ перешелъ изъ Кронштадта въ Біоркэ, а 15-го въ Транзундъ, 16-го же начались уже правильныя занятія съ воспитанниками по всѣмъ предметамъ по вновь пересмотрѣннымъ программамъ, изъ которыхъ многое лишнее, устарѣвшее было выкинуто съ замѣной болѣе обширными свѣдѣніями по артиллеріи и особенно по машинамъ и котламъ, — свѣдѣніями, столь необходимыми современному морскому офицеру. Въ этотъ же день приказомъ по отряду Григорій Павловичъ подробно изложилъ свой взглядъ на задачи практическаго обученія будущихъ офицеровъ, указавъ важность личнаго участія каждаго во всѣхъ судовыхъ работахъ, необходимость постоянно показывать и объяснять воспитанникамъ все, что дѣлается на кораблѣ, и обязанность для всѣхъ офицеровъ отряда принимать въ этомъ постоянно живѣйшее участіе, подъ наблюденіемъ командировъ судовъ. Установлена также система занятій на миноносцѣ „Пылкій", организованныхъ въ это лѣто впервые по составленному адмираломъ лично плану и бывшихъ все лѣто постояннымъ предметомъ его заботъ

Миноносецъ „Пылкій".

и напоминаній. Гардемарины были раздѣлены на мелкія группы и съ каждой группой предписано изучать устройство миноносца, его машинъ и котловъ на ходу и на якорѣ, производить стрѣльбу изъ орудій и миной Уайтхеда и составлять обо всемъ этомъ записки.

Такъ какъ изъ чисто морского дѣла, послѣ изъятія на военныхъ судахъ парусовъ, осталось только управленіе шлюпками подъ парусами, то на это адмиралъ обратилъ особенное вниманіе. Цѣлымъ рядомъ приказовъ и личныхъ распоряженій онъ требовалъ, чтобы въ обученіи этому дѣлу не было отсталыхъ, а всѣ достигали возможнаго совершенства и чтобы время не тратилось на безцѣльное катанье, мало-поучительное для кадетъ. Для этого сначала приказано было, чтобы шлюпки обязательно катались вокругъ своихъ кораблей, при чемъ за отступленіе отъ этого не разъ строго взыскивалось, не считая постоянныхъ напоминаній сигналами и приказами по отряду. Затѣмъ, съ начала іюня было приступлено къ новымъ, болѣе труднымъ упражненіямъ въ этомъ дѣлѣ, раньше никогда не примѣнявшимся на отрядѣ, — а именно: къ маневрированію всѣхъ шлюпокъ отряда совмѣстно, по сигналамъ адмирала, лично распоряжавшагося этими ученіями съ мостика флагманскаго корабля. Такія ученія производились очень часто, почти ежедневно и почти во всякую погоду слѣдующимъ образомъ: въ 8 час. утра, немедленно за подъемомъ флага, на всѣхъ судахъ спускались всѣ шлюпки и обходили отрядъ подъ веслами. На каждой шлюпкѣ находился завѣдывающій ею офицеръ; гардемарины и кадеты посылались на шлюпки всѣ, кромѣ только больныхъ, даже арестованныхъ приказано было выпускать на эти ученія. Обойдя отрядъ, шлюпки требовались сигналомъ къ адмиралу и выстроившись указаннымъ порядкомъ на траверзѣ „Корнилова", ставили рангоутъ, поднимали паруса и ложились на указанный сигналомъ галсъ.

Картина получалась чудная — число шлюпокъ доходило до 30 и болѣе, но управляться успѣшно въ такой кучѣ шлюпокъ было далеко не легкой задачей, доставлявшей молодежи великолѣпную практику, особенно въ свѣжій вѣтеръ. Нужно было очень

много вниманія и искусства, чтобы не отстать и не упасть подъ вѣтеръ при лавировкѣ, своевременно, вмѣстѣ со всѣми повернуть оверштагъ или черезъ фордевиндъ по сигналу, не навалить на ворочающаго передняго мателота и не подвернуться подъ носъ нагоняющаго задняго.

А за всѣми дѣйствіями бѣлой стаи крылатыхъ парусовъ наблюдалъ въ бинокль зоркій глазъ адмирала и ни одна ошибка не ускользала отъ него, а мигомъ указывалась сигналомъ, настойчиво требовавшимъ ея немедленнаго исправленія. Случалось, что и пушечные выстрѣлы сопровождали эти сигналы, отмѣчая особое неудовольствіе флагмана грубой ошибкой какой-нибудь растерявшейся шестерки, или другой шлюпки. Обыкновенно шлюпки, сдѣлавъ 4—5 галсовъ лавировки, спускались въ галфиндъ или бакштогъ, затѣмъ поворачивали черезъ фордевиндъ, возвращались къ „Корнилову“ и все ученіе заканчивалось общимъ катаніемъ вокругъ адмирала, послѣ чего шлюпки возвращались къ своимъ судамъ.

Кромѣ этихъ общихъ ученій, требовалось, чтобы каждый кадетъ возможно чаще имѣлъ случай практиковаться въ управленіи шлюпкой подъ парусами—и на частныхъ ученіяхъ подъ наблюденіемъ офицера и при всякихъ посылкахъ шлюпокъ—самостоятельно. Для этого было приказано, чтобы паровые катера никуда не посылались иначе, какъ съ особаго, каждый разъ, разрѣшенія адмирала, а гребные — всегда, когда позволяетъ погода, — ходили подъ парусами. Для практики же въ управленіи паровымъ катеромъ давалось особое время и, кромѣ того, служилъ дежурный катеръ, совершавшій срочные рейсы на берегъ и по всѣмъ судамъ отряда по 5 разъ въ день.

Недостатки и ошибки въ управленіи шлюпками подъ парусами не только указывались и разъяснялись адмираломъ въ приказахъ и сигналами, но бывало, что онъ и лично садился на катеръ и катался съ гардемаринами, показывая на практикѣ пріемы управленія. Въ то же время имъ поднятъ былъ и вопросъ объ улучшеніи самыхъ шлюпокъ и ихъ вооруженія, чтобы больше пріохотить молодыхъ людей къ этому дѣлу.

Невозможно перечислить здѣсь всю массу распоряженій и

указаній Григорія Павловича относительно вопросовъ практическаго обученія воспитанниковъ военно-морскому дѣлу.

Считая стрѣльбу однимъ изъ наиболѣе важныхъ упражненій военнаго моряка, — мнѣніе, такъ ярко подтвержденное черезъ годъ нашей несчастной войной, — онъ обратилъ на нее самое серьезное вниманіе и увеличилъ количество занятій стрѣльбой во много разъ противъ прежняго. Однако, за невозможностью расходовать снаряды, чего не позволяли средства, пришлось, главнымъ образомъ, практиковаться въ стрѣльбѣ изъ учебныхъ стволовъ, что и было сдѣлано въ самыхъ широкихъ размѣрахъ по особо выработанной для каждаго класса программѣ. Стрѣльба велась каждымъ кадетомъ сначала по неподвижной цѣли, а затѣмъ и по подвижному щиту, буксируемому паровымъ катеромъ, и продолжалась все лѣто, начиная съ первой стоянки отряда—Транзунда. Сверхъ того, на произведенныхъ въ это лѣто полностью морскихъ стрѣльбахъ для команды также давалась возможность и воспитанникамъ сдѣлать хоть небольшое количество выстрѣловъ, сколько позволялъ боевой запасъ, изъ большихъ и малыхъ орудій; стрѣльба изъ ружей и револьверовъ велась параллельно пушечной и также по новой расширенной программѣ. Молодежь занималась стрѣльбой съ увлеченіемъ и результаты были блестящіе. Можно только пожалѣть, что всѣ эти упражненія, и даже въ еще значительно большихъ размѣрахъ, не практиковались и за много лѣтъ раньше. Кто знаетъ, не былъ ли бы тогда нѣсколько инымъ и исходъ войны съ Японіей.

Большое вниманіе было приложено также къ обученію машинному дѣлу по значительно расширенной программѣ и къ десантнымъ ученіямъ. Къ участію въ десантѣ привлекались всѣ гардемарины и кадеты безъ исключенія; приказано назначать ихъ не только въ строй, но и къ десантнымъ пушкамъ, заведено обученіе разсыпному строю подъ личнымъ наблюденіемъ адмирала, — и дѣлались цѣлые маневры съ холостой пальбой и примѣрными атаками.

Въ отличіе отъ прежнихъ плаваній, Григорій Павловичъ, считая якорныя ученія и занятія болѣе существенными для

воспитанниковъ, избѣгалъ продолжительныхъ переходовъ, въ особенности подъ парусами. Но чтобы избѣжать монотонности, однообразія и скуки, необходимо было все же довольно часто мѣнять мѣсто стоянки отряда, да и оставить кадетъ безъ практики на ходу, стрѣльбы, пріученія ко всякимъ погодамъ и проч. тоже было нельзя. Время же было до крайности дорого изъ-за слишкомъ малой продолжительности плаванія, почему нерѣдко приходилось назначать переходъ изъ порта въ портъ на праздничный день. Паруса ставили только при благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ помощь машинамъ.

На ходу производили эволюціи, при чемъ всѣ воспитанники вызывались на мостики и преподаватели объясняли имъ по сигнальной книгѣ: какое именно дѣлается построеніе и какъ оно исполняется. На это полезное упражненіе Григорій Павловичъ обратилъ большее вниманіе, чѣмъ прежде. Кромѣ эволюцій и маневровъ съ парусами, дѣлали еще спускъ шлюпокъ для спасенія утопающаго, конечно,—примѣрно, по сигнальной пушкѣ адмирала; а также устраивали леерное сообщеніе между судами.

Желая вступить въ переговоры съ другими судами съ помощью длинныхъ и короткихъ звуковъ сирены, что уже раньше практиковалось въ Тихомъ Океанѣ, адмиралъ сдѣлалъ попытку сигналить такимъ образомъ. Однако, безъ предварительнаго предупрежденія это оказалось слишкомъ труднымъ, и пришлось установить эти правила приказомъ. Этотъ случай также показываетъ живость и нетерпѣніе адмирала во всемъ, что касалось дѣла. Упомянутый приказъ былъ объявленъ тоже экстренно и спѣшно, а именно: со всѣхъ судовъ вызвали по офицеру, которые и переписывали приказъ съ черновика подъ диктовку флагъ-офицера; а еще черезъ $^1/_2$ часа отрядъ уже снимался съ якоря. Такъ не терпѣлъ Григорій Павловичъ напрасной потери хотя бы минуты драгоцѣннаго времени.

Благодаря прекраснымъ теплымъ погодамъ, не только всякія работы наверху совершались безпрепятственно, но началось ежедневное купанье, въ которомъ по приказанію адмирала должны были участвовать всѣ, кромѣ больныхъ. Онъ

считалъ, что лучшее средство сохранить здоровье—это не бояться холода и не имѣть привычки кутаться, почему также запрещалъ носить фланелевыя рубашки или пальто, когда въ этомъ не было дѣйствительной надобности.

Придавая гонкамъ большое значеніе, какъ спорту, поднимающему въ молодежи морской духъ и охоту къ занятіямъ на шлюпкахъ, адмиралъ обращалъ на нихъ большое вниманіе, самъ подробно разбиралъ ихъ результаты, устанавливалъ ихъ условія, выбиралъ подходящую погоду и хорошій вѣтеръ. Во всемъ этомъ сказывалась, несмотря на его сдержанность, хладнокровіе и безстрастную внѣшность, его горячая любовь къ своей службѣ, способность юношески страстно увлекаться своимъ прекраснымъ, благороднымъ ремесломъ, въ которомъ за то онъ и былъ не только знатокомъ, но и истиннымъ художникомъ. Конечно, надо было его хорошо знать, чтобы видѣть эти черты, понимать эту настоящую причину его глубокаго возмущенія противъ равнодушія кадетъ, да порой и не однихъ кадетъ, къ своему дѣлу.

Наконецъ, провѣркѣ знаній воспитанниковъ по всѣмъ отраслямъ былъ приданъ возможно болѣе серьезный характеръ цѣлымъ рядомъ распоряженій по этому поводу. Прежде практическіе экзамены производились даже не всѣмъ кадетамъ:—выдержавшіе очень хорошо повѣрочное испытаніе въ серединѣ кампаніи освобождались отъ нихъ совсѣмъ. Оцѣнка дѣлалась безъ балловъ и полученныя отмѣтки не оказывали никакого вліянія на успѣшность дальнѣйшаго движенія кадетъ изъ класса въ классъ. Необходимо было не только связать лѣтнія занятія съ зимними, но и поставить ихъ на подобающее мѣсто, соотвѣтственно ихъ важному практическому значенію. Григорій Павловичъ началъ съ того, что предупредилъ объ этомъ воспитанниковъ особымъ приказомъ по отряду, указавъ, что намѣренъ измѣнить прежній порядокъ, и что отнынѣ слабые въ практическихъ предметахъ не будутъ уже безпрепятственно переходить въ высшіе классы. Затѣмъ приказано было подвергнуть практическому экзамену всѣхъ безъ исключенія и, какъ на этомъ экзаменѣ, такъ и на повѣрочныхъ испытаніяхъ въ серединѣ

кампаніи оцѣнивать отвѣты баллами по 12-балльной системѣ, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи принимать ихъ во вниманіе при переводѣ въ высшіе классы и при выпускѣ въ офицеры.

На экзаменахъ онъ постоянно присутствовалъ лично, особенно интересуясь слабыми, о каждомъ изъ которыхъ имѣлъ у себя подробныя замѣтки и характеристики; а кромѣ того, и въ другое время очень часто посѣщалъ суда отряда, нерѣдко внезапно, безъ предупрежденія обходилъ корабль и опрашивалъ гардемаринъ и кадетъ, провѣряя ихъ знанія по разнымъ предметамъ, знакомство съ своимъ судномъ и умѣніе выражаться правильнымъ морскимъ языкомъ, что непремѣнно требовалъ, замѣчая въ этомъ сильный недостатокъ.

Въ серединѣ плаванія были назначены повѣрочныя испытанія на всѣхъ судахъ, организованныя гораздо серьезнѣе прежняго, съ приказаніемъ переспрашивать вторично при всей коммиссіи получившихъ плохія отмѣтки. Временемъ повѣрочныхъ испытаній адмиралъ воспользовался, чтобы снова побывать на всѣхъ судахъ, причемъ не только присутствовалъ на экзаменахъ, лично удостовѣрялся въ знаніяхъ кадетъ, но и провѣрялъ успѣшность обученія, приказывая производить въ своемъ присутствіи различныя ученія.

Въ то же время продолжалась и чисто-воспитательская работа; та борьба съ грубостью нравовъ, съ условными кадетскими понятіями о дурномъ и хорошемъ и съ недостаткомъ чувства долга, которая стоила и зимой такого труда, и теперь велась съ той же настойчивостью. Выше было уже упомянуто, что и первая зима дала въ этомъ отношеніи крупные результаты; но, разумѣется, 8-ми мѣсяцевъ было еще слишкомъ мало, чтобы перевоспитать всю массу молодежи, и такимъ образомъ и въ плаваніи случались еще крупныя нарушенія дисциплины и безпорядки, дѣлаемые сообща, иногда цѣлыми ротами, въ видѣ протеста противъ строгостей воспитателей. Такія вещи, какъ и зимой, принимались адмираломъ особенно близко къ сердцу и вызывали съ его стороны всякій разъ и самый тщательный разборъ дѣла, и строгія взысканія, и подробныя поясненія, съ постояннымъ терпѣливымъ повтореніемъ основныхъ началъ

военной службы. Кромѣ того, адмиралу всегда хотѣлось въ такихъ случаяхъ лично видѣть виновныхъ, самому ихъ разспросить, посмотрѣть по ихъ отвѣтамъ и выраженіямъ лицъ, насколько они сознаютъ, что дѣлаютъ, и насколько есть надежда привести ихъ къ серьезному, надлежащему взгляду на вещи въ данномъ отношеніи. Конечно, вмѣстѣ съ этимъ дѣлались и личныя внушенія, поясненія и увѣщанія, такъ ясно выводившія на свѣжую воду некрасивые поступки юныхъ коноводовъ, что они теряли даже въ глазахъ своихъ же единомышленниковъ и сообщниковъ по произведенному безпорядку.

Если это заботливое, трудное дѣло требовало исключительной энергіи со стороны начальствующаго лица, то нравственное удовлетвореніе человѣка, преданнаго идеѣ и долгу, вознаграждало затрату силъ. А результаты труда обнаруживались съ каждымъ днемъ плаванія: жизнь кипѣла на каждомъ суднѣ, даря здоровыми плодами цѣлесообразной работы.

Отрядъ побывалъ въ Транзундѣ, Гельсингфорсѣ, Ганге, Либавѣ, Балтійскомъ порту и Ревелѣ.

Подходилъ августъ мѣсяцъ, занятія продолжались по-прежнему, подвигаясь уже къ концу.

Интересуясь результатами заканчивающагося плаванія въ смыслѣ удовлетворительности постановки учебнаго дѣла, адмиралъ приказалъ собрать на всѣхъ судахъ свѣдѣнія о желательныхъ измѣненіяхъ въ программахъ практическихъ занятій, пересмотрѣть книжку „Перечень морскихъ техническихъ терминовъ" и нѣкоторыя другія руководства и представить свѣдѣнія и отзывы по многимъ другимъ вопросамъ подобнаго рода. А самъ онъ внимательно изучалъ „Инструкцію учебному отряду", „Росписаніе вахтенныхъ обязанностей гардемаринъ и кадетъ" и другія, дѣйствовавшія на отрядѣ правила, собирая свѣдѣнія о всѣхъ ихъ недочетахъ на практикѣ личнымъ наблюденіемъ за тѣмъ, какъ они примѣняются на дѣлѣ. Въ его головѣ въ это время уже вполнѣ выяснилось сознаніе необходимости ихъ пересмотра, возможнаго, конечно, только зимой, и рѣшеніе исполнить это къ слѣдующему плаванію. Григорій Павловичъ не разъ говорилъ, что на 2-е плаваніе возлагаетъ гораздо

большія надежды, такъ какъ въ первое приходилось, съ одной стороны, считаться съ еще недостаточно усовершенствованной, согласно съ его взглядами, системой обученія, а съ другой — и съ остатками легкомысленнаго отношенія къ дѣлу, еще далеко не искорененнаго среди кадетъ. Тѣмъ болѣе приходится пожалѣть, что въ слѣдующую кампанію Григорію Павловичу уже не суждено было руководить плаваніемъ воспитанниковъ. Но тогда никто не могъ ожидать того, что случится черезъ 10 мѣсяцевъ, и въ томъ числѣ и самъ адмиралъ, а потому, усердно работая надъ текущими задачами, и онъ самъ и его помощники были полны мыслію о будущемъ, когда можно будетъ уже видѣть на дѣлѣ достигнутыя улучшенія и радоваться вызванному ими успѣху дѣла. Къ 1-му августа окончились всѣ занятія и съ этого числа въ теченіе 4-хъ дней производились экзамены по всѣмъ предметамъ. Экзамены должны были дать особенно богатый матеріалъ для выясненія всѣхъ тѣхъ вопросовъ, о которыхъ сказано выше, и адмиралъ слѣдилъ за ними съ напряженнымъ интересомъ и лично, и черезъ экзаменныя комиссіи, которымъ было предписано тщательно собирать и отмѣчать всѣ характерныя въ этомъ отношеніи явленія.

Въ общемъ эти экзамены, при всей ихъ тщательности, дали гораздо лучшій результатъ, чѣмъ произведенные въ серединѣ кампаніи. Очевидно, кадеты, убѣдившись на опытѣ, что отъ нихъ требуются дѣйствительныя серьезныя занятія, приложили на этотъ разъ гораздо больше усилій къ подготовкѣ.

5-го августа отрядъ вышелъ въ море и 6-го рано утромъ прибылъ въ Кронштадтъ, 7-го и 8-го разоружились, а 9-го адмиралъ спустилъ свой флагъ на „Пожарскомъ“. Отрядъ окончилъ кампанію, гардемарины и кадеты, по доставкѣ ихъ въ корпусъ отправились по домамъ отдыхать послѣ труднаго плаванія.

Здѣсь будетъ умѣстно привести приказъ адмирала, отданный имъ по случаю конца кампаніи:

„Кончая кампанію, необходимо каждому оглянуться и продумать, для чего мы плавали, чего желали достигнуть и какіе въ дѣйствительности получились результаты нашей работы, чтобы провѣрить свои дѣйствія. Конечно, всякій офицеръ

долженъ стремиться къ достиженію извѣстныхъ, поставленныхъ себѣ идеаловъ; безъ этого невозможно достигнуть никакихъ успѣховъ ни въ какомъ дѣлѣ, ни въ частномъ, ни въ общественномъ, ни служебномъ. То дѣло, которое мы дѣлали для флота, самое важное, важнѣе всей его матеріальной части, несмотря на громадную стоимость ея. Мы приготовляли новое поколѣніе, будущій личный составъ флота, его умъ, его душу, его нравственную силу. Въ нашихъ рукахъ находилось зарожденіе этихъ духовныхъ силъ, и на нашей отвѣтственности лежало то направленіе, какое мы придадимъ этимъ зачаткамъ будущей активной силы нашего флота. Оглянувшись на протекшіе 3 мѣсяца трудовъ, я думаю, что можемъ сказать увѣренно, что труды были потрачены не на вѣтеръ, и что они принесли довольно утѣшительные результаты, что свидѣтельствуютъ лица, экзаменовавшіе кадетъ въ этомъ году и производившіе экзамены въ предшествующее время. Въ особенности много подвинулись впередъ знанія по машинному дѣлу, можно сказать, эта отрасль морскихъ знаній только теперь становится на надлежащій путь къ будущему развитію. Всѣ остальныя отрасли практическихъ знаній то же сдѣлали большіе успѣхи. Нѣкоторый успѣхъ начинаетъ проявляться и въ морской терминологіи. Все это даетъ надежду, что при продолженіи трудовъ отряда въ данномъ направленіи можно будетъ достигнуть хорошихъ результатовъ, и морской корпусъ будетъ выпускать мичмановъ, вполнѣ подготовленныхъ и знакомыхъ съ практической стороной морского дѣла“.

По возвращеніи въ корпусъ, адмиралу пришлось опять сразу приниматься за дѣла, уже ждавшія его прибытія, по части ремонта зданій, а также по экзаменамъ, переэкзаменовкамъ и пріему вновь поступающихъ, однимъ словомъ—кругъ жизни корпуса, описанный въ началѣ этого очерка, начался вновь. Теперь, впрочемъ, было легче, благодаря тому, что все это уже было не такъ ново, какъ первый разъ.

Вслѣдствіе представленія Григорія Павловича, сдѣланнаго еще весной, о томъ, чтобы занятія начинались съ 10 сентября, отпускъ кадетъ на этотъ разъ увеличился настолько, что дошелъ до цѣлаго мѣсяца. Благодаря этому и они успѣли хорошо отдохнуть, и корпусъ имѣлъ больше времени на приготовленіе къ началу занятій, что было очень нужно. Адмиралъ еще съ весны сдѣлалъ крупныя перемѣны въ распредѣленіи денежныхъ средствъ корпуса и такъ использовалъ всѣ возможныя экономіи и сокращенія, достигнутыя имъ по разнымъ частямъ, что и сумма, идущая на расходы по плаванію, и сумма, тратящаяся на ремонтъ зданій, увеличились вдвое. На слѣдующій же годъ предполагались еще большія увеличенія этихъ суммъ. Такимъ образомъ, ремонтъ въ этомъ году сдѣланъ былъ двойной противъ обыкновеннаго, и закончился вполнѣ успѣшно къ сроку. Удалось достигнуть многихъ улучшеній по размѣщенію кадетъ въ классахъ и по удовлетворенію настоятельной нужды въ квартирахъ для служащихъ при корпусѣ офицеровъ, занятыхъ въ ротахъ съ утра до вечера.

Учебный годъ начался 10 сентября. Общій порядокъ занятій, конечно, былъ сохраненъ тотъ же, что и въ прошломъ году, если не считать нѣсколькихъ частичныхъ измѣненій въ распредѣленіи работы кадетъ. Здѣсь умѣстно упомянуть, что

полезная дѣятельность Григорія Павловича произвела крупный переворотъ въ общественномъ мнѣніи въ отношеніи корпуса, почему въ этомъ году былъ особенный наплывъ желающихъ поступить въ младшій классъ, много превышавшій число вакансій. Директору стоило большого труда разобрать со свойственнымъ ему полнымъ вниманіемъ и безпристрастіемъ шансы каждаго экзаменовавшагося и добиться пріема всѣхъ, этого заслуживавшихъ, не допуская никакого пристрастія въ чью бы то ни было пользу.

Въ то же время, разумѣется, продолжалась и воспитательная дѣятельность въ прежнемъ направленіи, съ тою разницей, что въ эту зиму массовые проступки были уже много рѣже, а совершаемыя нарушенія корпусныхъ правилъ дѣлались уже по большей части только отдѣльными, уже хорошо извѣстными начальству личностями, такъ сказать, за свой страхъ и рискъ, безъ особенной поддержки товарищей. Такіе проступки начались еще до прибытія воспитанниковъ изъ отпуска, среди проводившихъ этотъ мѣсяцъ въ корпусѣ и въ день возвращенія остальныхъ имъ было уже прочтено два приказа директора о наказаніяхъ за крупныя шалости, что сразу напомнило молодежи, что взгляды адмирала не измѣнились и что желающимъ, вмѣсто ученья, заниматься шалостями, по прежнему не будетъ поблажки.

Однако, иные воспитанники не унимались. Въ сентябрѣ одинъ изъ кадетъ, сидя въ карцерѣ, сдѣлалъ на стѣнѣ карандашомъ надпись, заключавшую въ себѣ дерзкую брань по адресу директора. Какимъ-то образомъ это открылось и дошло до его свѣдѣнія.

На ближайшемъ батальонномъ ученіи кадетъ былъ вызванъ впередъ, и адмиралъ, указывая на него всѣмъ воспитанникамъ, не только разъяснилъ его вину, повторивъ дословно написанную имъ брань, но, что менѣе всего ожидалось,— простилъ кадета, подвергнувъ его—вмѣсто исключенія изъ корпуса—только лишенію погонъ. О томъ же было объявлено въ тотъ же день и въ приказѣ, съ разъясненіемъ, что будь дерзость кадета направлена противъ кого-нибудь изъ воспитателей, онъ ни въ какомъ случаѣ не удержался бы въ корпусѣ.

Заслуживаетъ вниманія въ этой исторіи именно психологическое дѣйствіе на кадетъ поступка адмирала: пока содержаніе надписи передавалось только потихоньку изъ устъ въ уста, оно казалось полнымъ обиднаго смысла для директора, но стоило ему произнести его спокойно вслухъ при всемъ корпусѣ, съ разъясненіемъ: насколько оно не можетъ имѣть никакого значенія для человѣка, исполняющаго свой долгъ по указаніямъ своей совѣсти, — какъ все разсѣялось, какъ дымъ, и ничего не осталось, кромѣ глупаго и смѣшного положенія самого кадета.

Подъ однообразный шумъ повседневной жизни у адмирала уже зрѣлъ планъ широкаго преобразованія корпуснаго строя. Главной основой къ реорганизаціи служилъ обширный матеріалъ, добытый лѣтнимъ плаваніемъ отряда и прошедшимъ учебнымъ годомъ. Убѣдясь, что крупныя реформы необходимы, какъ въ корпусѣ, такъ и на отрядѣ, и что введеніе ихъ требуетъ измѣненіе устава корпуса и составленіе новой инструкціи учебному отряду, взамѣнъ уже совершенно устарѣвшей, адмиралъ вошелъ объ этомъ съ представленіемъ на имя Управляющаго Морскимъ Министерствомъ, прося назначить комиссію изъ представителей корпуса, чиновъ отряда, чиновъ главнаго морского штаба и нѣсколькихъ не причастныхъ корпусу строевыхъ офицеровъ, — для всесторонняго обсужденія возникшихъ вопросовъ и проведенія затѣмъ законодательнымъ порядкомъ тѣхъ нововведеній, которыя будутъ этой комиссіей одобрены.

Засѣданія комиссіи начались въ концѣ сентября и происходили всю зиму не менѣе раза въ недѣлю, а часто и по два и даже по три раза, по вечерамъ, въ конференцъ-залѣ корпуса. Ознакомившись по объясненіямъ Григорія Павловича съ предметомъ своихъ занятій, т. е. съ существующими недостатками дѣла воспитанія и практическаго обученія воспитанниковъ, особенно въ плаваніи, а также съ общимъ направленіемъ необходимыхъ реформъ въ этой области, комиссія не только вполнѣ согласилась со взглядами директора, но и убѣдилась, что реформы необходимы очень крупныя, во всемъ строѣ корпуса. Предстояла огромная работа, которая и начата была самымъ энергичнымъ образомъ, безъ потери времени. Пришлось не только пересмо-

трѣть и составить вновь инструкцію учебному отряду и программы лѣтнихъ занятій, но и выработать проекты совершенно новой редакціи Положенія о корпусѣ и Устава корпуса, а также составить проектъ „Положенія объ учебномъ отрядѣ", котораго раньше вовсе не существовало, такъ какъ отрядъ являлся просто случайнымъ собраніемъ нѣсколькихъ судовъ флота, назначаемыхъ на кампанію для плаванія съ воспитанниками. Между тѣмъ уже давно ощущалась настоятельная необходимость, указывавшаяся много разъ и предшественниками Григорія Павловича въ выдѣленіи этого отряда въ постоянную единицу, подобно минному и артиллерійскому отрядамъ, чтобы въ ней могъ сохраняться постоянный кадръ образцовыхъ командъ и офицеровъ, хорошо знакомыхъ съ требованіями этого рода плаванія. Проектъ такой организаціи и былъ выработанъ комиссіей въ видѣ „Положенія объ отрядѣ".

Относительно корпуса возникъ прежде всего также давно назрѣвшій вопросъ ненормальности смѣшенія въ одномъ учрежденіи высшаго спеціальнаго училища съ среднимъ, наполовину общеобразовательнымъ, т. е. вопросъ объ отдѣленіи училища отъ корпуса и приравненіи перваго по всему внутреннему порядку къ военнымъ училищамъ, а второго—къ кадетскимъ корпусамъ. Но оказалось, что рѣшеніе этого вопроса, къ сожалѣнію, не только не входитъ въ компетенцію комиссіи, но и вообще не можетъ быть проведено при существующихъ условіяхъ, почему пришлось отказаться отъ этой мысли и проектировать преобразованіе корпуса безъ измѣненія этого основного его недостатка. Вслѣдствіе этого было рѣшено, по возможности, только раздѣлить спеціальные классы отъ общихъ, наименовавъ первые гардемаринскими и введя въ нихъ требованія съ гардеманинъ вполнѣ отвѣтственной дѣйствительной службы, сообразно съ тѣмъ и измѣнить уставъ корпуса. Вообще, во всѣхъ проектировавшихся правилахъ и инструкціяхъ, Григорій Павловичъ старался проводить духъ истинной военной службы и часто горячо спорилъ, отстаивая свои убѣжденія. Работа велась не только живо, но и съ какой-то страстностью, передававшаяся отъ предсѣдателя всѣмъ участникамъ ея.

Свойство адмирала быстро все схватывать и немедленно же энергично и настойчиво приводить въ исполненіе, умѣніе во-одушевить этимъ и другихъ, отличало его въ проведеніи всѣхъ реформъ.

Только значеніе этой дѣятельности адмирала заставляетъ коснуться болѣе подробно сущности всѣхъ этихъ комиссій и подкомиссій. Неизбѣжная при этомъ сухость перечисленія всего этого искупается тѣми результатами, которые были достигнуты адмираломъ и которые обойти молчаніемъ нельзя.

Многочисленные матеріалы для работъ комиссіи подготовлялись заранѣе: большая часть ихъ отпечатывалась на гектографѣ и заранѣе раздавалась или разсылалась членамъ комиссіи для предварительнаго ознакомленія. Протоколы засѣданій, выработанные проекты, а также изрѣдка особыя мнѣнія прочитывались въ обработанномъ видѣ на слѣдующемъ же засѣданіи, причемъ вторично одобрялись или корректировались по мѣрѣ надобности. Отдѣльными членами комиссіи, или подкомиссіями изъ 2—3 лицъ составлялись отдѣльныя части проектовъ и отдѣлы программъ для ускоренія работъ, а затѣмъ уже разсматривались всей комиссіей. Только благодаря такому спѣшному ходу занятій удалось въ одну зиму справиться съ поставленной комиссіей задачей. Результатомъ явились слѣдующіе проекты: 1) Положенія о Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, 2) Устава Морского кадетскаго корпуса, 3) Штата Морского кадетскаго корпуса, 4) Положенія объ учебномъ отрядѣ судовъ Морского кадетскаго корпуса, 5) Инструкціи учебному отряду судовъ Морского кадетскаго корпуса, 6) Программы лѣтнихъ занятій на судахъ отряда по всѣмъ предметамъ и 7) Новой редакціи статей морского устава, относящихся до положенія воспитанниковъ на судахъ. Въ этотъ счетъ не вошли нѣкоторыя особыя ходатайства комиссіи, а также протоколы ея засѣданій. Часть выработанныхъ проектовъ, одобренныхъ въ принципѣ высшимъ морскимъ начальствомъ, была къ веснѣ 1904 г. отпечатана на средства корпуса, такъ что къ началу кампаніи явилась полная возможность пользоваться въ это плаваніе новыми программами и новой инструкціей, что и было главной цѣлью директора.

Разумѣется другіе, выработанные комиссіей проекты не могли быть утверждены даже для временнаго руководства въ такой короткій срокъ, тѣмъ болѣе, что и представить ихъ управляющему Морскимъ министерствомъ черезъ Главный морской штабъ, въ видѣ огромнаго толстаго фоліанта, при особомъ докладѣ директора, удалось только 3-го мая 1904 года. Здѣсь нѣтъ возможности перечислить всѣ предложенныя въ этихъ проектахъ мѣры, которыя могли бы несомнѣнно высоко поднять все дѣло воспитанія и обученія молодежи въ корпусѣ; не было пропущено ничего мало-мальски существеннаго, для установленія же въ корпусѣ надлежащаго воинскаго духа, улучшенія, сколько возможно, дѣла теоретическаго преподаванія и поднятія на должную высоту практическихъ лѣтнихъ занятій предлагались серьезныя мѣры, съ мотивированными объясненіями ихъ необходимости. Въ особенности указывалось на необходимость увеличенія состава преподавателей и воспитателей и улучшенія условій ихъ службы, равно какъ и офицеровъ отряда. Было бы въ высшей степени интересно, если бы эти труды были опубликованы, тѣмъ болѣе, что многія изъ предложенныхъ тогда мѣръ не осуществлены по разнымъ причинамъ и до настоящаго времени, особенно касающіяся отряда судовъ корпуса.

Увлекаясь работами комиссіи, Григорій Павловичъ въ то же время съ неослабнымъ вниманіемъ и энергіей продолжалъ слѣдить за жизнью корпуса, постоянно входя во всѣ дѣла лично, осматривая и опрашивая по субботамъ всѣхъ провинившихся за недѣлю кадетъ, продолжая свои разъясненія и поученія по всякому поводу и словесно и въ приказахъ, посѣщая постоянно классы, роты, лазаретъ, столовый залъ, присутствуя на репетиціяхъ, урокахъ, ученіяхъ и всякихъ занятіяхъ и подавая всѣмъ живой примѣръ своей удивительной энергіей, бодростью и выносливостью во всемъ.

Въ холодные осенніе дни, осматривая зданія и хозяйственныя помѣщенія корпуса, адмиралъ ходилъ по дворамъ въ бѣломъ кителѣ, когда слѣдовавшія за нимъ лица были подчасъ въ теплыхъ пальто. Однажды пришелъ онъ какъ-то вечеромъ въ столовый залъ во время гимнастики и увидѣлъ, что прыганье

черезъ лошадь для многихъ являлось камнемъ преткновенія, такъ какъ они не знаютъ пріема, дающаго возможность легко дѣлать это упражненіе. Не долго думая, адмиралъ, къ общему удивленію, самъ показалъ этотъ пріемъ, перепрыгнувъ черезъ лошадь нѣсколько разъ совершенно свободно, какъ будто бы и ему было 20 лѣтъ, какъ и зрителямъ, и тутъ же объяснилъ, какая требуется для этого сноровка.

Въ 1903 году отношенія наши съ Японіей значительно осложнились. На политическомъ горизонтѣ показались первыя облачка, быстро разроставшіяся въ грозовыя, зловѣщія тучи. Въ печати и обществѣ все чаще и чаще появлялись тревожные слухи. Каждый жадно набрасывался на новости телеграфа, ища отвѣта тревогамъ и сомнѣнію. Война чувствовалась, война была неизбѣжна и, наконецъ, разразилась нападеніемъ японскихъ миноносцевъ на Портъ-Артурскую эскадру.

Не поддается описанію ошеломляющее дѣйствіе этого извѣстія на всѣхъ въ корпусѣ, отъ генераловъ до младшихъ кадетъ и тотъ подъемъ духа, который ощущался всѣми въ эти памятные дни. То же самое происходило и не только во всемъ городѣ, но и во всей Россіи.

Конечно, Григорію Павловичу, такому знатоку военно-морского дѣла, болѣе чѣмъ кому-бы то ни было чувствительны были эти грозныя событія. Такъ близокъ и дорогъ былъ ему всегда флотъ, службѣ которому онъ посвятилъ всю жизнь, такъ еще памятенъ, знакомъ и близокъ Дальній Востокъ, гдѣ онъ только-что передъ тѣмъ служилъ, такъ хорошо извѣстны и наши и непріятельскія силы и мѣстныя условія; такъ твердо усвоены основные принципы морской войны, далеко не соблюденные въ виду грозившей опасности и въ моментъ ея перваго появленія, что онъ не могъ не волноваться, не скорбѣть и не возмущаться до глубины души, смутно предчувствуя по этому плохому началу плохой и конецъ того великаго экзамена, къ которому самъ такъ ревностно готовился съ ранней юности.

Тяжелѣе всего была необходимость быть постороннимъ свидѣтелемъ всего этого издали, не имѣть возможности сдѣлать ничего, никуда приложить свою опытность, знанія, энергію,

желѣзную волю, и даже незнать хорошенько, что тамъ происходитъ, такъ какъ извѣстія получались крайне отрывочныя, неясныя, сбивчивыя и неполныя. Надо было послушать какіе только разсказы, вѣсти и слухи не передавались изъ устъ въ уста въ многотысячной толпѣ офицеровъ всѣхъ родовъ оружія, собравшихся въ самый день объявленія войны 27-го января на Высочайшій выходъ въ Зимнемъ Дворцѣ. И что это было за всеобщее воодушевленіе! Такого громового „ура" должно быть, никогда не слышали старыя стѣны Дворца, какимъ былъ встрѣченъ выходъ Ихъ Величествъ. Разумѣется, и Григорій Павловичъ со всѣмъ наличнымъ офицерствомъ Корпуса присутствовалъ на этомъ выходѣ. Одному Богу извѣстно, что переживалъ онъ тогда; онъ, на котораго общественное мнѣніе сразу указало, какъ на одного изъ лучшихъ кандидатовъ для занятія поста Командующаго нашимъ дѣйствующимъ флотомъ, что не могло до него не дойти.

Между тѣмъ вѣсти съ Востока приходили одна за другой: ночная атака миноносцевъ, поврежденіе „Цесаревича", „Ретвизана" и „Паллады", начало эскадреннаго боя подъ Артуромъ, нападеніе японцевъ на „Варяга" и „Корейца", Высочайшій манифестъ объ объявленіи войны, первыя сухопутныя стычки за Ялу. Листки телеграммъ выходили черезъ каждые 3—4 часа днемъ и ночью и раскупались на улицахъ на расхватъ. Незнакомые люди дѣлились новостями на улицахъ, въ конкѣ, въ театрѣ. Казалось, точно какой-то электрическій токъ прошелъ каждому чрезъ сердце, разбудилъ общее чувство національной гордости и сдѣлалъ всѣхъ братьями, помнящими одинъ общій великій интересъ—честь родины. Особенно сильно было это, конечно, въ пылкой молодежи, у которой еще къ тому же тамъ, на Востокѣ, находились отцы, братья, друзья, знакомые, товарищи... Хотѣлось какого-нибудь чуда, которое вырвало бы ихъ изъ душныхъ и тѣсныхъ стѣнъ корпуса и дало какой-нибудь исходъ закипѣвшимъ молодымъ силамъ. И это чудо совершилось на слѣдующій же день, 28-го для всей старшей гардемаринской роты. Беремъ его описаніе изъ приказа по корпусу отъ 29-го января № 29-й. Вотъ этотъ приказъ:

Столовый залъ Морского корпуса.

,,Вчера 28-го сего января Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Θеодоровна изволили осчастливить Морской кадетскій корпусъ Своимъ посѣщеніемъ.

Прибывъ въ корпусъ въ 3¼ часа пополудни, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, въ сопровожденіи Августѣйшаго Шефа корпуса Великаго Князя Генералъ-Адмирала Алексѣя Александровича, дежурнаго флигель-адъютанта Великаго Князя Кирилла Владиміровича и Управляющаго Морскимъ министерствомъ, черезъ аванзалъ, гдѣ были собра́ны всѣ преподаватели академіи и корпуса, а также слушатели академіи и курса военно-морскихъ наукъ, прослѣдовали по корпусному музею въ столовый залъ, въ которомъ были построены всѣ гардемарины и кадеты поротно при своихъ воспитателяхъ. Обойдя съ Государыней Императрицей по всему фронту и поздоровавшись съ каждой ротой, Его Императорское

Величество изволилъ приказать вызвать впередъ старшихъ гардемаринъ и удостоилъ ихъ слѣдующими высокомилостивыми словами:

— „Вамъ извѣстно, господа, что третьяго дня дерзкій врагъ въ темную ночь осмѣлился напасть на нашу твердыню и флотъ безъ всякаго вызова съ нашей стороны. Въ настоящее время Отечество нуждается въ своихъ военныхъ силахъ, какъ флота, такъ и арміи, и Я самъ пріѣхалъ сюда къ вамъ нарочно, чтобы видѣть васъ и сказать вамъ, что я произвожу васъ сегодня въ мичманы, чтобы пополнить нашъ флотъ. Производя васъ теперь, на $3^1/_2$ мѣсяца ранѣе срока и безъ экзамена, Я увѣренъ, что вы приложите всю свою ревность и все свое усердіе для пополненія вашихъ знаній и будете служить, какъ служили наши прадѣды, дѣды и отцы, на славу нашего дорогого Отечества, по завѣтамъ Чичагова, Лазарева, Нахимова, Корнилова, Истомина. Я увѣренъ, что вы посвятите всѣ ваши силы нашему флоту, осѣненному флагомъ съ Андреевскимъ крестомъ. Ура!..“

Рѣчь Его Величества была встрѣчена съ энтузіазмомъ, восторженнымъ громовымъ „ура“ всѣхъ присутствовавшихъ и вслѣдъ затѣмъ безъ предупрежденія, по собственному почину, вновь произведенные мичманы и всѣ ихъ младшіе товарищи стройнымъ и единодушнымъ пѣніемъ народнаго гимна выразили свой восторгъ и свою безграничную преданность Государю.

Изъ столоваго зала, посѣтивъ лазаретъ и удостоивъ больныхъ милостивыми вопросами, Ихъ Величества прослѣдовали по классному корридору, помѣщенію 2-й роты и картинной галлереѣ на парадную лѣстницу, причемъ по всему этому пути стояли шпалерами гардемарины и кадеты, провожавшіе Ихъ Величества восторженнымъ „ура“. На площадкѣ у церковной лѣстницы Государь Императоръ изволилъ съ ними прощаться, а затѣмъ Ихъ Императорскія Величества отбыли изъ корпуса.

Знаменательныя слова Государя Императора, возвѣстившія корпусу безграничную Монаршую милость, безъ сомнѣнія, никогда не изгладятся изъ памяти всѣхъ, кто имѣлъ счастье быть при этомъ; и я глубоко вѣрю, что новые молодые офицеры

нашего флота, поддержавъ, какъ должно, славу его, сумѣютъ оправдать всей своей будущей службой Высочайшее довѣріе Его Императорскаго Величества; а всѣ гардемарины и кадеты докажутъ, что они понимаютъ значеніе оказанной корпусу Царской милости и будутъ стараться своимъ поведеніемъ и усердіемъ въ изученіи преподаваемыхъ имъ наукъ приготовиться къ тому, чтобы впослѣдствіи быть достойными послужить въ свое время на славу Родины на судахъ ея доблестнаго флота".

Предоставляемъ каждому самому представить себѣ восторгъ вновь произведенныхъ мичмановъ, совершенно не знавшихъ объ этомъ за минуту до своего производства, и общій восторгъ всѣхъ кадетъ... Тутъ уже ничто не могло ихъ сдержать. Полкорпуса выскочило на улицу въ однихъ мундирахъ безъ фуражекъ, облѣпило карету Государя, сани Великаго Князя; множество бѣжало пѣшкомъ, провожая Ихъ Величества до самаго Зимняго Дворца. Другая половина вновь произведенныхъ устроила шумную овацію директору. Среди бурныхъ словъ благодарности неслись пожеланія идти на войну со своимъ учителемъ:

— Съ вами, Григорій Павловичъ, съ вами вмѣстѣ... На Дальній Востокъ, въ Артуръ... Съ вами мы все сдѣлаемъ...

Такова была вѣра въ своего наставника.

Можетъ быть, современемъ историческія изслѣдованія этой войны и освѣтятъ когда-нибудь вопросъ, отчего ему не привелось принять въ ней участіе и приложить на дѣлѣ свои выдающіяся личныя качества, познанія и опытность.

Въ жизни корпуса это неожиданное производство, очевидно, явилось экстраординарнымъ событіемъ. Самый выпускъ гардемаринъ въ офицеры и всегда требуетъ многихъ распоряженій и хлопотъ, начинающихся всегда еще мѣсяца за 2—3. А, кромѣ того, сразу выбыли всѣ фельдфебеля и половина унтеръ-офицеровъ; потребовалось ихъ замѣнить другими, измѣнить дежурства и проч. Наконецъ, сдержать слишкомъ пылкіе порывы восторженной молодежи, чтобы не допустить ее до какихъ-нибудь крупныхъ ошибокъ въ первые же дни службы, а также успокоить всю массу кадетъ и заставить ее снова приняться за

ученье, т. е. вообще повернуть всю жизнь корпуса, какъ-то выбитую изъ колеи, на обычный ровный и спокойный ходъ, тоже стоило труда. Даже изъ офицеровъ признавались иные, что мысль о событіяхъ, происходящихъ на театрѣ войны, не даетъ сосредоточиться, спокойно заняться обычной работой, причиняетъ невольное безпокойство, отъ котораго не сидится на мѣстѣ, и только директоръ продолжалъ дѣйствовать съ тѣмъ же неослабнымъ вниманіемъ, хладнокровіемъ и спокойнымъ тономъ, который онъ умѣлъ сохранять всегда, благодаря своей изумительной выдержкѣ. Такимъ образомъ онъ очень скоро все наладилъ и жизнь корпуса пошла своимъ чередомъ. Словомъ, всколыхнувшееся море успокоилось и началась обычная, трудовая жизнь.

Учебный годъ подходилъ къ концу... Ласточками весны появились программы и росписанія наступающихъ экзаменовъ.

13-го апрѣля объявленъ составъ походнаго штаба-адмирала на предстоящую кампанію—тотъ же, что и въ прошломъ году. Велась дѣятельная переписка по приготовленію судовъ отряда къ плаванію, комплектованію ихъ офицерами и командой, что представляло особыя трудности, ввиду военнаго времени, и снабженію всѣмъ необходимымъ. Адмиралъ хотѣлъ такъ поставить дѣло, чтобы къ прибытію кадетъ суда стояли уже въ полной готовности къ выходу въ море и на слѣдующій день послѣ начала кампаніи можно было бы уже начинать всѣ занятія по росписаніямъ и программамъ.

Въ теченіе апрѣля директоръ почти ежедневно проводилъ въ классахъ по нѣсколько часовъ, присутствуя на экзаменахъ, шедшихъ въ этомъ году очень хорошо. Работы коммиссіи по преобразованію реформъ были уже приведены къ концу и производилась обработка ея трудовъ и печатаніе новой инструкціи учебному отряду и новыхъ программъ лѣтнихъ занятій, чтобы можно было руководствоваться ими уже въ это лѣто.

Адмиралъ былъ чрезвычайно доволенъ успѣхомъ работъ коммиссіи и представлялъ членовъ ея къ награжденію, а нѣкоторымъ изъ состава корпуса назначилъ въ награду значительныя денежныя пособія, чѣмъ лишній разъ доказалъ, какъ онъ

умѣетъ цѣнить дѣйствительно усердную и плодотворную работу, — драгоцѣнное качество, такъ сильно привлекающее подчиненныхъ къ начальнику и возбуждающее ихъ энергію и охоту къ труду.

6-го мая, по окончаніи пріемныхъ экзаменовъ и обсужденіи ихъ Уч. Восп. Совѣтомъ, закончилась дѣятельность Григорія Павловича въ корпусѣ. Высочайшимъ приказомъ адмиралъ былъ назначенъ Главнымъ Командиромъ Черноморскаго флота и портовъ Чернаго Моря.

Сдавъ корпусъ старшему по себѣ инспектору классовъ, адмиралъ распростился съ личнымъ его составомъ 8-го мая слѣдующими приказами:

,,Объявляю по ввѣреннымъ мнѣ академіи и корпусу Приказъ по Морскому Вѣдомству отъ 26-го апрѣля с. г. № 170.

,,Государь Императоръ объявляетъ Главному Командиру Черноморскаго флота и портовъ Чернаго Моря вице-адмиралу Чухнину Высочайшую благодарность за его высокополезную дѣятельность по должности начальника Николаевской морской академіи и директора Морского кадетскаго корпуса''.

,,Послѣ двухлѣтняго управленія Морскимъ корпусомъ я настолько свыкся съ своей обязанностью по воспитанію гардемаринъ и кадетъ, что въ данное время, получивъ значительно высшій и отвѣтственный постъ — командованіе Черноморскимъ флотомъ, я не могу сказать, чтобы съ радостью оставлялъ начатое мной дѣло, хотя и не составляющее моей спеціальности, но достаточно сроднившее меня съ сотнями юношей—представителей молодого поколѣнія Россіи. Первоначальная наша встрѣча не была очень дружелюбна: мы смотрѣли разными глазами, мѣрили вещи разными мѣрками. Гардемарины и кадеты думали, что видятъ во мнѣ своего врага, я же съ большимъ сомнѣніемъ думалъ: удастся ли мнѣ побороть духъ недовѣрія, духъ глухой вражды съ начальствомъ, ясно обозначившійся въ поступкахъ кадетъ. Мнѣ показалось, что между нами такая разница во взглядахъ и привычкахъ относиться къ извѣстнымъ житейскимъ фактамъ, что одна сторона никогда не пойметъ другую, а другая должна будетъ потерять надежду направить

первую на желаемую благородную и честную работу, на дорогу къ совершенствованію качествъ, необходимыхъ для жизни, какъ общества, такъ и государства. Но мало по малу это разъединеніе начало сглаживаться, явилось довѣріе, а, съ другой стороны, вѣра въ добрые результаты трудовъ. Явилось обоюдное пониманіе. Для правящихъ явился лучъ надежды на плодотворность работы, надежда на добрые плоды.

Къ концу второго года уже можно сказать въ корнѣ измѣнились отношенія, работа съ обѣихъ сторонъ облегчилась и результаты ея во много разъ улучшились. Замѣтно увеличилось благородство въ поступкахъ, сознаніе своихъ ошибокъ, благоразуміе взяло верхъ надъ глупою крикливостью. Это дало возможность воспитателямъ правильнѣе относиться къ поступкамъ кадетъ; явилась возможность большей справедливости, и такъ какъ всякая причина имѣетъ свое слѣдствіе, то эти сначала мало замѣтныя измѣненія, постепенно накопляясь, вызывали все новыя и новыя улучшенія отношеній между правящими и управляемыми, что и привело къ тому хорошему состоянію и нравственному оздоровленію корпуса, которое, конечно, всѣ сами наблюдаютъ и чувствуютъ.

Обращая на это вниманіе гардемаринъ и кадетъ, долженъ имъ указать, что какъ бы ни казались значительными эти улучшенія, до желаемаго совершенства еще далеко; надо имъ еще много работать, чтобы выработать такой духъ, такое благородное направленіе корпуса, которое сдѣлалось бы наслѣдственнымъ явленіемъ, передавалось бы вновь поступающимъ кадетамъ, чтобы они, входя въ среду корпуса, сразу чувствовали бы, что здѣсь не мѣсто розни, не мѣсто крикунамъ, не мѣсто шалопаямъ; что здѣсь надо работать, какъ въ смыслѣ ученія, такъ и въ смыслѣ совершенствованія своего благородства и правильнаго законнаго отношенія къ наставникамъ; что здѣсь уваженіе къ нимъ должно быть традиціонно, какъ къ людямъ, посвящающимъ всѣ свои силы, всѣ свои знанія на обученіе правиламъ жизни своихъ питомцевъ. Ежели только эти начала нашего дорогого корпуса укоренятся, то вся жизнь его приметъ такое направленіе, что, какъ наставникамъ, такъ и уче-

никамъ она будетъ казаться не только полезной, но и пріятной, пріятной сознаніемъ честно исполненнаго своего долга, пріятной сознаніемъ дѣлаемаго добра и обоюдной пользы.

Разставаясь съ дорогимъ для меня корпусомъ, дорогимъ потому, что я вижу обращенное ко мнѣ довѣріе питомцевъ этого корпуса; дорогимъ потому, что вкладывая душу въ дѣло облагораживанія стремленій гардемаринъ и кадетъ, я въ концѣ своей дѣятельности вижу, что недаромъ прошли эти два года, что сѣмя дало ростки и мнѣ остается только желать, чтобы ростки крѣпли и въ результатѣ явились бы здоровые плоды. Разставаясь, господа, съ вами, какъ съ своими близкими, желаю вамъ совершенствоваться и помнить руководящее начало всякой совмѣстной жизни: уважай другого, помни, что существуютъ не одни только твои интересы, но что таковые же есть и у другихъ, почему ихъ надо признавать и уважать, для урегулированія чего существуютъ законы и правила, которые надо всегда уважать и исполнять, безъ чего нѣтъ общества, нѣтъ обезпеченія личности. Это правило простое, но исполнить его трудно; для проведенія его въ жизнь надо умѣть развить въ себѣ сильную волю, которая и будетъ руководящей силой на всю жизнь,—другими словами, надо умѣть подчиняться и умѣть владѣть собой, остальное будетъ зависѣть отъ способности и обстоятельствъ. Желаю вамъ, гардемарины и кадеты, утвердиться въ этихъ правилахъ жизни: во всѣхъ дѣлахъ житейскихъ онѣ принесутъ вамъ большую пользу. До свиданія, господа...

Обращаясь съ прощальнымъ словомъ къ личному составу учащихъ и воспитателей, не могу не отдать должной справедливости ихъ усерднымъ трудамъ. Не легко имъ поддерживать авторитетъ свой среди такого большого количества молодежи, притомъ постоянно мѣняющейся и собирающейся изъ разныхъ концовъ обширнаго нашего отечества, совершенно различнаго воспитанія и взглядовъ. Отдѣльнымъ лицамъ нелегко это дѣлать, нелегко брать на себя отвѣтственность за то или другое рѣшеніе, но ежели всѣ работающіе дѣйствуютъ въ одномъ опредѣленномъ направленіи, эта тяжелая отвѣтственность облегчается и задача становится вполнѣ выполнимой.

Примѣръ этого налицо: что казалось немыслимымъ при разрозненности, то при совмѣстной дружной работѣ въ одномъ направленіи сдѣлалось не только возможнымъ, но даже какъ будто и не такъ труднымъ. Всѣ, какъ преподаватели, такъ и воспитанники стали чувствовать себя, какъ въ классахъ, такъ и внѣ ихъ, болѣе свободно. Преподаватели почувствовали, что полнѣе могутъ отдаваться преподаванію, не тратя времени на возстановленіе порядка въ классахъ. Гг. ротные командиры и, подъ ихъ руководствомъ гг. отдѣленные начальники тоже чувствовали себя лучше среди своихъ питомцевъ, такъ какъ порядокъ и уваженіе стали болѣе обезпеченными сознаніемъ самихъ гардемаринъ и кадетъ въ необходимости того и другого. Что это такъ—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Въ этомъ я убѣдился собственнымъ наблюденіемъ; это-же подтверждается и наблюденіемъ стороннихъ людей и въ особенности самихъ родителей гардемаринъ и кадетъ, многочисленныя свидѣтельства которыхъ въ этомъ смыслѣ мнѣ часто приходится слышать.

Стройная работа всѣхъ чиновъ корпуса вела его къ должному совершенствованію. Работа эта въ большинствѣ случаевъ была въ соотвѣтствіи съ тѣмъ направленіемъ, которое я находилъ правильнымъ. Считая для себя большимъ удовольствіемъ высказать это всѣмъ моимъ сотрудникамъ, я считаю долгомъ указать на мое сожалѣніе, что наша совмѣстная работа такъ внезапно прервалась. Прошу всѣхъ принять мою искреннюю благодарность за успѣшное сотрудничество".

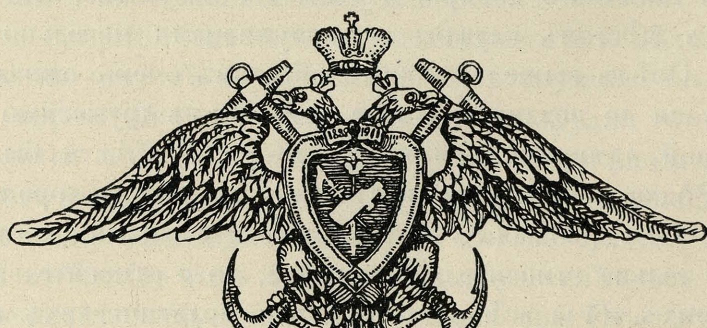
Этотъ приказъ такъ хорошо резюмируетъ всю дѣятельность адмирала въ корпусѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ такой прекрасной характеристикой его лично, что трудно что-нибудь сюда прибавить. Какую гордость и нравственное удовлетвореніе чувствовалъ онъ, когда писалъ эти простыя, глубоко продуманныя слова. Все написанное здѣсь не только фактъ, подтвержденный множество разъ и общественнымъ мнѣніемъ и офицерами корпуса, говорившими, что только при Григоріи Павловичѣ они почувствовали почву подъ ногами, и самими кадетами того времени. Мало этого, этотъ фактъ, изложенный слишкомъ кратко, недостаточно освѣщаетъ всю пользу, принесенную кор-

пусу его незабвеннымъ директоромъ. И какъ хорошо характеризуетъ этотъ приказъ самого Григорія Павловича. Безъ дѣланной лишней скромности, сохраняя за собой подобающее мѣсто, онъ отдаетъ полную справедливость всѣмъ своимъ помощникамъ и умалчиваетъ о своихъ личныхъ трудахъ. Не мудрено, что 2 года службы съ нимъ, давъ возможность его подчиненнымъ хорошо его узнать, заставили ихъ, и не только ихъ, а и тѣхъ самыхъ кадетъ, которымъ не всегда легко было терпѣть строгій Чухнинскій режимъ, — оцѣнить по достоинству этого незамѣнимаго человѣка и начальника. Это особенно ярко выразилось на прощальномъ обѣдѣ, данномъ Григорію Павловичу въ началѣ мая всѣмъ офицерскимъ составомъ и преподавателями корпуса,—обѣдъ, на которомъ каждое слово говорилось отъ искренняго сердца...

Отдана была адмиралу полная справедливость, какъ твердому и разумному начальнику. Онъ отвѣчалъ, что и раньше въ его службѣ бывало также: — сначала, при предъявленіи строгихъ требованій въ полной законной мѣрѣ, люди жаловались на это, но скоро, привыкнувъ, видѣли сами, что только въ этомъ и есть залогъ успѣха всякой службы и что для нихъ самихъ законность—лучшее обезпеченіе во всей ихъ службѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и взглядъ на начальника перемѣнялся, какъ только подчиненные проникались убѣжденіемъ, что онъ дѣйствуетъ по долгу совѣсти, и чрезъ нѣкоторое время отношенія дѣлались полными взаимнаго довѣрія и уваженія настолько, что разставаться съ мѣстомъ службы и сослуживцами невольно бывало грустно. Обѣдъ вышелъ, такимъ образомъ, очень оживленнымъ и затянулся до поздняго вечера, перейдя въ дружескую бесѣду, въ которой адмиралъ принималъ живое участіе и былъ центромъ. Рѣдко приходилось видѣть его въ такомъ хорошемъ настроеніи. Онъ дѣлился съ прежними сослуживцами своими взглядами не только относительно корпуса, но и относительно интересовавшихъ тогда всѣхъ военныхъ и политическихъ событій, высказывалъ, казалось, задушевные свои взгляды и ушелъ, провожаемый искренними лучшими пожеланіями всѣхъ и унося въ сердцѣ добрую память о корпусѣ.

Къ величайшему сожалѣнію, размѣры этого очерка не дали возможность съ достаточной полнотой изложить всѣ введенныя адмираломъ улучшенія въ обученіи и воспитаніи кадетъ и всѣ высказанные имъ при этомъ взгляды, какъ относящіеся до спеціальнаго дѣла, такъ и имѣющіе общежитейскій характеръ. Лучшимъ матеріаломъ для этого могли бы служить его приказы по корпусу и по отряду, доклады высшему морскому начальству, отчетъ о плаваніи за 1903 годъ и труды засѣдавшей подъ его предсѣдательствомъ въ послѣднюю зиму коммиссіи. Но всѣ эти документы, весьма цѣнные дли исторіи Морского корпуса и для исторіи всего флота, разбросаны теперь частью по учрежденіямъ Морского Вѣдомства, частью находятся въ корпусѣ и, во всякомъ случаѣ, недоступны не только публикѣ, но даже и офицерамъ флота, а частью, можетъ быть, даже и утеряны.

Будетъ очень и очень жаль, если они не будутъ собраны, систематизированы, разобраны и опубликованы, пока есть надежда собрать ихъ полностью. Это было бы прекраснымъ памятникомъ Григорію Павловичу—этому выдающемуся человѣку, память о которомъ должна свято сохраняться и Морскимъ корпусомъ, и флотомъ.

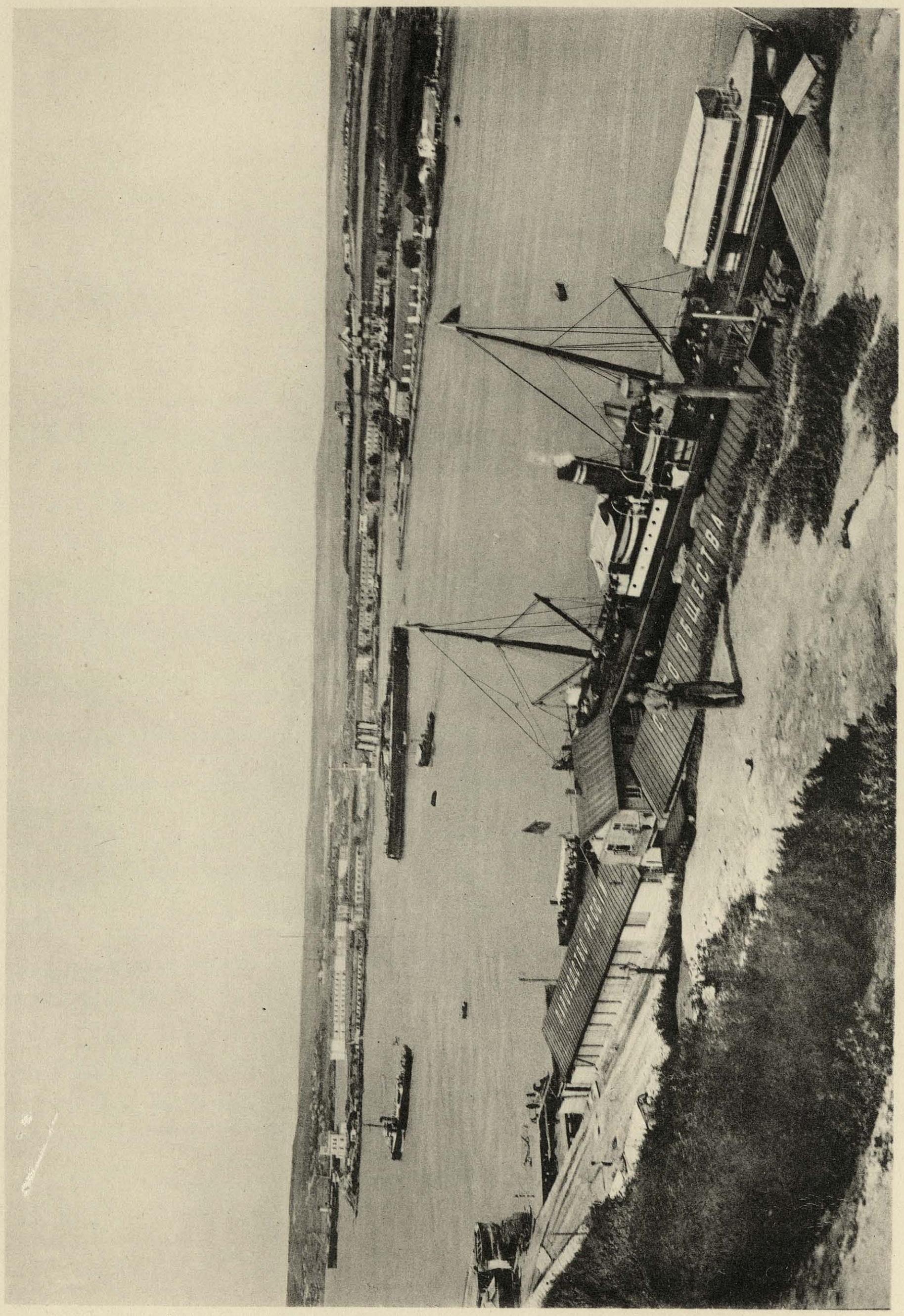

Гербъ Морского корпуса.

СЕВАСТОПОЛЬ

Видъ Севастополя.

Не говори: „забылъ онъ осторожность,
Онъ будетъ самъ своей судьбы виной“.
Не хуже насъ онъ видѣлъ невозможность
Служить добру,—не жертвуя собой.

Некрасовъ.

Мое знакомство съ адмираломъ Григоріемъ Павловичемъ Чухнинымъ относится ко времени его назначенія Главнымъ Командиромъ Черноморскаго флота и прибытія его въ г. Севастополь 19-го мая 1904 г.

Приступая къ воспоминаніямъ о дѣятельности адмирала, какъ начальника Черноморскаго флота, нельзя не набросать, хотя бы вкратцѣ, картину современнаго ему состоянія флота и обойти молчаніемъ тяжелую дѣйствительность.

Если вспомнить установленный во флотѣ порядокъ прохожденія службы, частыя перемѣны начальниковъ и постоянныя перемѣщенія офицеровъ во время плаванія съ одного корабля на другой, пребываніе Черноморской эскадры въ теченіи 4-хъ мѣсячной кампаніи на бочкѣ на Севастопольскомъ рейдѣ, 8-ми мѣсячную жизнь на берегу, въ казармахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ моремъ и морскимъ военнымъ дѣломъ, отсутствіе всякаго общенія съ нижними чинами часто смѣняемыхъ ротныхъ командировъ,—и картина современнаго состоянія Черноморскаго флота выступитъ съ реальной наглядностью.

Такая постановка дѣла не способствовала развитію живого духа въ личномъ составѣ флота. Отсюда создавалось мало-помалу рутинное ко всему отношеніе, даже къ своему долгу—и на первый планъ выдвигалась лишь показная сторона дѣла; это не пробуждало любовь къ флоту, стремленія къ единенію и силѣ

его, не вдохновляло примѣрами полезной и цѣлесообразной службы, что не могло не отражаться крайне гибельно на состояніи всего флота. Одни изъ офицеровъ, тяготясь дѣломъ, съ которымъ не умѣли сродниться, являлись совершенно неподготовленными къ прямой дѣятельности, другіе, не видя поддержки своимъ лучшимъ стремленіямъ, либо становились рутинными „цензовиками", сливаясь съ общимъ типомъ индиферентнаго исполнителя, либо съ первыхъ шаговъ мечтали навсегда оставить родъ избранной ими дѣятельности. Такимъ образомъ, душа флота—его личный составъ—не стоялъ на высотѣ своего призванія.

Съ назначеніемъ адмирала Чухнина и первыхъ его шаговъ, невольно повѣяло чѣмъ-то новымъ, бодрящимъ. Рѣчь его, обращенная къ представителямъ отдѣльныхъ частей флота, сказанная просто, тихо, но вмѣстѣ съ тѣмъ отчетливо и твердо, была настолько характерна, что давала сразу почувствовать въ широкомъ смыслѣ честную и благородную его натуру. Во внѣшнемъ обликѣ сказывалась недюжинная сила воли и ясность ума. Изъ этихъ немногихъ словъ простого, со всѣми равно-внимательнаго обращенія стало ясно, что не въ чинахъ и высокихъ должностяхъ видѣлъ адмиралъ личную заслугу и различіе людей,—но выше всего цѣнилъ работоспособность и знаніе дѣла. Въ его рѣчи, какъ-бы вкратцѣ начертанной программѣ, слышалось благородное и сильное требованіе бодрой и честной работы, чувствовалось, что эта основная идея его дѣятельности, что въ этомъ сказывается его глубокое убѣжденіе и вѣра въ силу труда, какъ оплотъ культуры и блага Родины. Еще сильнѣе и ярче эти требованія выразились при ближайшемъ ознакомленіи адмирала съ каждымъ изъ представляющихся въ отдѣльности, когда вопросы, предлагаемые имъ по спеціальностямъ, обнаружили широкое пониманіе адмираломъ, отлично освѣдомленнымъ даже въ мелочахъ, морской техники, всей сущности большого дѣла.

Въ своей послѣдующей дѣятельности адмиралъ не измѣнилъ себѣ, твердо проводя въ жизнь флота принципъ честнаго отношенія къ дѣлу.

Черноморцы въ большинствѣ были ему незнакомы, и потому адмиралъ строго придерживался послѣдовательнаго порядка въ назначеніяхъ. Не бывало случая, чтобы кто-нибудь пострадалъ отъ чужихъ навѣтовъ, такъ какъ адмиралъ давалъ каждому возможность доказать на дѣлѣ свои способности.

Простой въ обращеніи, адмиралъ неуклонно требовалъ строгаго выполненія воинской дисциплины, глубоко сознавая ея значеніе. Высоко держа авторитетъ власти, твердо и неуклонно охраняя ее, адмиралъ признавалъ вмѣстѣ съ тѣмъ за подчиненными право высказывать свои жалобы на возможныя несправедливости. Своимъ тонкимъ умомъ онъ быстро улавливалъ мотивы и сущность дѣла, умѣя въ то же время оправдывать искренніе, энергичные побужденія и порывы. Безусловная даровитость и чуткость ума способны были высоко поднять духъ флота, объединивъ его твердой властью закона и справедливости. Какъ сила можетъ уважать только силу,—адмиралъ глубоко цѣнилъ энергію дѣятельности; поощрялъ бодрое стремленіе къ болѣе широкой отвѣтственной работѣ. Сознавая несостоятельность и губительность для флота назначеній за выслугу лѣтъ — по цензу, а не за личныя качества и работоспособность, онъ признавалъ за каждымъ право на отличіе и повышеніе сообразно знанію, силамъ и энергіи отдѣльнаго человѣка. Въ такой оцѣнкѣ людей видѣлъ онъ движеніе впередъ, развитіе и привлеченіе силъ.

Строгій, справедливо требовательный въ области служебныхъ отношеній Григорій Павловичъ въ своей домашней жизни былъ простъ и привѣтливъ. Благодаря большому запасу энергіи, еще вполнѣ бодрому молодому избытку силъ, онъ любилъ беззаботное веселье и часто былъ участникомъ его среди молодежи, охотно посѣщавшей его домъ. Радушное гостепріимство, создавая атмосферу задушевности, располагало къ искренности, и тутъ-то Григорій Павловичъ присматривался къ людямъ, изучая ихъ. Пылкая, увлекающаяся молодежь въ своемъ стремленіи къ свѣтлому служенію родинѣ находила полное сочувствіе и, какъ опытный діагностъ, Григорій Павловичъ спѣшилъ познакомиться съ основными взглядами каждаго, стараясь освѣтить

для себя всю глубину высказанной мысли. Было что-то простое, доброе въ этой внимательности къ людямъ. Чувствовалось непоколебимое убѣжденіе адмирала, какъ результатъ глубоко продуманной жизни, и стойкость взглядовъ его невольно передавалась воспріимчивому молодому чувству, ищущему добра и истины. И въ этомъ было его воспитательное значеніе педагога.

Съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности адмиралъ обратилъ серьезное вниманіе на состояніе ввѣреннаго ему флота и энергично приступилъ къ активнымъ мѣрамъ его оздоровленія. Психологически вѣрно опредѣливъ, что одними приказами и распоряженіями нельзя измѣнить установившееся направленіе, нельзя по мановенію руки требовать отъ командъ выправки и пониманія всей важности строгой военной дисциплины, адмиралъ приступилъ къ неуклонной вдумчивой работѣ перевоспитанія массъ рядомъ послѣдовательныхъ мѣропріятій.

Онъ постепенно и настойчиво сталъ требовать отъ офицерскаго состава разумно, законно-строгаго отношенія къ нижнимъ чинамъ, неоднократно указывая на то печальное обстоятельство, что послѣдніе совершенно предоставлены самимъ себѣ, что ротные командиры мало входятъ въ ихъ интересы, ограничиваясь въ лучшихъ случаяхъ лишь формальнымъ сухимъ отношеніемъ къ дѣлу.

Адмиралъ преслѣдовалъ шатаніе нижнихъ чиновъ въ будніе дни по городу и настаивалъ на серьезныхъ занятіяхъ и порядкѣ ихъ распредѣленія въ казарменной жизни.

Онъ призывалъ офицерскую семью къ дружной и единой работѣ, поддержкѣ другъ друга въ тяжелой борьбѣ съ распущенностью. Въ лицѣ офицера адмиралъ стремился создать примѣръ достоинства и чести, могущій возбудить уваженіе и тѣмъ поднять довѣріе нижнихъ чиновъ къ офицерскому званію. Онъ обратилъ особое вниманіе на составленіе достойнаго унтеръ-офицерскаго кадра начальниковъ и широко поощрялъ съ этою цѣлью всякую личную инициативу, смѣлость и распорядительность, зорко слѣдя, чтобы унтеръ-офицерское званіе являлось бы дѣйствительнымъ авторитетомъ и своего рода наградою для нижнихъ чиновъ. Всякій недостойный поступокъ, нераспоряди-

тельность, неумѣлое обращеніе съ нижними чинами встрѣчало со стороны адмирала строгое и справедливое наказаніе и нерѣдко сопровождалось лишеніемъ виновнаго почетнаго званія.

Одновременно съ воспитаніемъ личнаго состава адмиралъ дѣятельно работалъ надъ приведеніемъ судовъ Черноморской эскадры въ боевую готовность.

Въ рядѣ его приказовъ высказывается вполнѣ продуманный взглядъ на эту работу. Рѣзко критикуя настоящее положеніе дѣла во флотѣ передъ высшимъ начальствомъ, адмиралъ въ то же время не имѣлъ обыкновенія обрушиваться на отдѣльныхъ личностей и взводить отвѣтственность цѣлой несовершенной организаціи на единичную, мелкую, хотя бы и причастную къ общей винѣ личность. Приказы его отличались корректностью безпристрастнаго начальства, разумно анализирующаго ошибки въ зависимости отъ общаго положенія дѣла. Онъ умѣлъ относиться съ уваженіемъ къ постороннему мнѣнію, спокойно и внимательно выслушивать его даже тогда, когда оно противорѣчило его личнымъ взглядамъ и убѣжденіямъ. Въ этомъ сказывались его вполнѣ молодыя силы, способныя воспринимать новое—жизненное; проявлялось безпристрастное и ясное сознаніе, разумно анализирующее и всегда готовое стремиться къ лучшему—высшему.

Желая ближе познакомиться съ результатами плаванія Черноморской практической эскадры, адмиралъ Чухнинъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1904 года, въ дни равноденствія, въ бурную погоду принимаетъ личное командованіе надъ Черноморскимъ флотомъ и выводитъ его въ море. Выборъ свѣжей погоды для подобнаго испытанія показываетъ, что адмиралъ желалъ познакомиться съ личнымъ составомъ флота и убѣдиться въ его умѣніи управлять судами въ неблагопріятныхъ условіяхъ и болѣе серьезныхъ, чѣмъ при обычномъ, безмятежномъ, мирномъ плаваніи въ тихіе лѣтніе мѣсяцы. Видя адмирала въ морѣ, среди любимой имъ обстановки, бодрымъ, энергичнымъ, нельзя было не убѣдиться въ томъ, что море было его родной сферой, любимой стихіей, возбуждающей въ немъ силы и готовность идти на смѣлые подвиги.

Если это плаваніе убѣдило флотъ, что во главѣ его сталъ энергичный начальникъ, сильный, опытный флотоводецъ, могущій твердой рукою высоко поднять нашъ Андреевскій флагъ и не запятнать его былую, незыблемую славу,—то совершенно иное впечатлѣніе оставилъ тотъ же походъ на самого адмирала.

Вернувшись съ маневровъ, адмиралъ обратилъ вниманіе чиновъ флота на тѣ недостатки, которые были имъ замѣчены, и имѣютъ большое значеніе въ боевомъ смыслѣ. Въ приказѣ отъ 21 сентября 1904 г. адмираломъ указывалось, что „тѣмъ, кого судьба опредѣлила быть въ числѣ военной силы для охраны государствъ, нельзя не подготовляться серьезно и всесторонне къ бою не только въ смыслѣ производства тѣхъ или иныхъ ученій, исполненія уставовъ или отбыванія воинской повинности по обязанности, но и по духу, главнымъ образомъ".

„Если мы, военные моряки,—пишетъ адмиралъ,—не будемъ вносить въ свое дѣло любовь и душу, то обратимся въ простую морскую милицію, которая, конечно, никоимъ образомъ не будетъ въ состояніи бороться съ врагомъ, одухотворившимъ свое обученіе духомъ боевой жажды и желаніемъ довести его до совершенства".

„Обученіе и подготовка только по формѣ, безъ духа живого,—по разъясненію адмирала,—есть милиціонное обученіе, которое основывается на обязательности изученія формъ и приведеніи наружнаго вида къ подобію военной мощи; дѣйствительная же мощь заключается не въ формѣ, а въ духѣ. Достичь того, чтобы дѣло не было мертво, возможно только при приложеніи къ нему любви и при постоянномъ сознаніи, что надо всѣ силы и помыслы направлять на это дѣло. Въ жизни каждый видитъ, что въ борьбѣ на жизненномъ пути берутъ верхъ тѣ лица или общества, которыя съ вѣрою въ успѣхъ и съ твердостью идутъ къ цѣли, работая не покладая рукъ и направляя всѣ духовныя силы на данное дѣло; всѣ же, относящіяся пассивно, соблюдающія только условныя или заученныя житейскія формы борьбы, бываютъ биты и даже совершенно исчезаютъ съ житейской арены. Это явленіе особенно рельефно проявляется въ военномъ дѣлѣ, а въ военно-морскомъ совер-

шается часто съ ошеломляющей быстротой. Люди становятся въ тупикъ: какъ могло случиться? Была сила, всѣ ее видѣли, видѣли все ея внѣшнее проявленіе, видѣли блескъ, великолѣпіе формъ и красоту, знали о громадности затраченныхъ матеріальныхъ средствъ и вдругъ—ничего нѣтъ. Между тѣмъ, если бы обращали вниманіе не на внѣшность, а на душу дѣла, то полученный результатъ никого не удивилъ бы, его можно было бы съ точностью предсказать, ибо у дѣла не было внутренней, одухотворяющей силы".

Этого главнаго признака могущественности флота и не нашелъ адмиралъ въ теченіи трехнедѣльнаго маневрированія въ морѣ. Неподготовленность нижнихъ чиновъ, невыработанность дисциплины на судахъ, недостаточность иниціативы и самостоятельности и поверхностное отношеніе офицерскаго состава къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей—вотъ что незамедлило обнаружиться съ полной наглядностью лишь только дѣйствія судовъ отошли отъ программы обыденныхъ занятій.

Флотъ, въ общей совокупности, не только не обнаружилъ стройности въ движеніяхъ, но большинство судовъ управлялось совершенно неудовлетворительно, требуя постоянныхъ инструкцій и указаній до мельчайшихъ подробностей, и забывая, „что на войнѣ не будетъ ни росписаній, ни заблаговременно составленныхъ диспозицій:—движеній непріятеля, его манеры дѣйствій никто не укажетъ, все надо будетъ лично угадывать, соображать и рѣшать и при томъ быстро и вѣрно". Замѣтно было и частое непониманіе смысла сдѣланнаго сигнала, тогда какъ усвоеніе правилъ сигналопроизводства и точное пониманіе ихъ имѣетъ громадное значеніе для боя. „Во время ночной тревоги по сигналу, личный составъ на флагманскомъ кораблѣ не выказалъ подготовленности, нижніе чины, видимо, были не въ духѣ, что ихъ безпокоили, были апатичны и даже не всѣ были на своихъ мѣстахъ; правда, была дурная погода, вѣтренно и мокро; видимо, они къ такимъ тревогамъ не пріучены". Словомъ, общее впечатлѣніе было таково, что въ эскадрѣ нѣтъ животворящаго духа, связывающаго всѣхъ и каждаго воедино ради общей цѣли.

Отсутствіе этого животворящаго начала адмиралъ ставилъ

въ тѣсную зависимость отъ отношенія всего личнаго состава къ своему дѣлу. Искренно и преданно любя его, адмиралъ былъ твердо увѣренъ, что „для того, чтобы не только командовать кораблемъ, но даже править вахту, надо положить много труда и любви; безъ любви—морское дѣло немыслимо".

Вотъ къ исправленію всѣхъ этихъ недочетовъ, къ возрожденію чисто военнаго морского духа въ Черноморскомъ флотѣ и приступилъ адмиралъ, бодро призывая офицеровъ къ работѣ, съ указаніемъ, что необходимо оглянуться на нашу дѣятельность, повысить энергію, какъ лично въ себѣ, такъ и въ подчиненныхъ, въ особенности въ нижнихъ чинахъ, и забыть разговоры о разнаго рода удобствахъ и облегченіяхъ службы, приводящихъ лишь къ выработкѣ милиціонеровъ, которыхъ не трудно бить, а не лихихъ моряковъ,—въ комъ залогъ побѣды надъ врагомъ...

Твердый характеръ и сильная воля адмирала въ распоряженіяхъ объ организаціи эскадры и воспитаніи командъ въ надлежащемъ духѣ обезпечивали умѣлому руководителю успѣшное выполненіе въ концѣ концовъ его трудной задачи. Къ сожалѣнію, не всѣ поняли адмирала и оцѣнили его призывъ къ новой, честной и плодотворной работѣ. Многіе продолжали исполнять свое дѣло такъ, какъ оно велось раньше, не замѣчая того, что наступило время, когда требовалось напрячь всѣ силы и способности, чтобы встрѣтить надвигавшуюся бурю...

А тучи уже надвигались, темнѣе становился небосклонъ и первый раскатъ грома тревожно прокатился по Россіи, неожиданно услышавшей о бунтѣ командъ Черноморской дивизіи...

На сколько повидимому везде раскинута густая сеть этой организации и Севастополь видимо избран центром для подрыва дисциплины во флоте, где легче пропагандировать среди массы полуобразованных нижних чинов, слабости надзора за командами и давнишней распущенности их

Для обеспечения флота от какой нибудь неожиданной катастрофы положение дел должно быть радикально изменено.

Изъ донесеній Г. П. Чухнина отъ 13-го и 15-го ноября 1904 г.

Появленіе адмирала Чухнина во главѣ Черноморскаго флота незамедлило обнаружить значительное воздѣйствіе на команды, которыя не могли не признать въ немъ сильнаго, справедливаго начальника и поняли, что онъ не отступитъ передъ трудностью проведенія своихъ строгихъ правилъ, порядка и дисциплины и—что распущенности ихъ пришелъ конецъ.

Не могли не отмѣтить адмирала Чухнина и тѣ подпольные агитаторы, которые уже давно трудились надъ разрушеніемъ нашей военной силы и за послѣднее время стали нагло выступать изъ своей тьмы и съ безумствомъ злобы посягать на жизнь, право и справедливость, обрекая на гибель тѣхъ, кто твердою рукою еще стремился объединить и поднять на должную высоту наши военныя силы. Даровитѣйшіе, вѣрные долгу и чести, лучшіе люди являлись для тайныхъ организацій грозной опасностью потерять всякую надежду на положительный результатъ своихъ долгихъ трудовъ. Къ числу такихъ нежела-

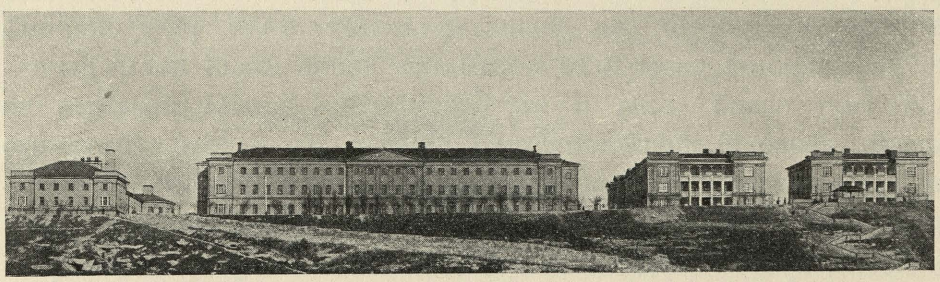
тельныхъ людей, твердой волею способныхъ всякое зло вырвать въ корнѣ, принадлежалъ, конечно, и адмиралъ.

Первое активное выступленіе севастопольскихъ революціонеровъ произошло 3-го ноября 1904 года...

Наканунѣ комендантъ крѣпости секретно извѣстилъ Главнаго Командира, что 3-го ноября, по распоряженію гражданскаго вѣдомства, предстоитъ сносъ балагановъ, расположенныхъ недалеко отъ казармъ флотской дивизіи, построенныхъ самоуправно на городской землѣ, при чемъ есть основаніе предполагать противодѣйствіе мастеровыхъ военнаго порта.

Зная, что команды черноморскихъ экипажей имѣютъ значительную органическую связь съ населеніемъ корабельной слободки, адмиралъ немедленно распорядился неувольнять въ этотъ день нижнихъ чиновъ за ворота и назначить патрули для возстановленія порядка въ случаѣ его нарушенія. Распоряженія эти не во всѣхъ экипажахъ дошли во время до командировъ и многимъ нижнимъ чинамъ выдали въ ротахъ отпускные билеты.

Въ четвергъ 3-го ноября нижніе чины, получившіе отпуски, стали собираться у воротъ казармъ, гдѣ дневальные никого не пропускали. Начался шумъ, на который быстро начали собираться нижніе чины экипажей 2-го двора дивизіи. Настроеніе замѣтно повышалось; послышались громкіе окрики съ требованіемъ пропуска, въ толпѣ засвистѣли. Какъ вскорѣ оказалось, непропускъ за ворота былъ только предлогомъ. Потому что, когда ворота открыли для пропуска телѣги, то эта же толпа не

Бывшія казармы,
нынѣ офицерскій флигель.

только не вышла за ворота, но, шумно двигаясь, еще болѣе увеличила безпорядокъ. На гамъ буянившей толпы подбѣгали все новые и новые матросы. Толпа выросла до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ; начавшійся безпорядокъ сразу вылился въ форму дикаго буйства ничѣмъ не сдерживаемой болѣе стихійной силы. По дворамъ бѣжали люди съ требованіемъ отпереть двери и дать возможность присоединиться къ бушующей толпѣ тѣмъ изъ нижнихъ чиновъ, которые распоряженіемъ о закрытіи дверей въ казармахъ еще сдерживались ближайшимъ начальствомъ. Послышался звонъ разбиваемыхъ оконъ, трескъ выламываемыхъ дверей, въ воздухѣ висѣли свистъ, ругань... Буйство переходило въ настоящій бунтъ.

Офицеры, жившіе во флигеляхъ при дивизіи, успѣли принять нѣкоторыя мѣры къ обузданію и задержанію нижнихъ чиновъ, произвели имъ повѣрки; но въ тѣхъ экипажахъ, гдѣ моментъ былъ упущенъ, пришлось на дворъ вызвать вооруженный отрядъ, который силой и угрозами оружіемъ оттѣснилъ бушевавшихъ и заставилъ часть войти въ казармы. Другая часть— болѣе значительная, начавшая разбивать окна офицерскихъ флигелей, не унималась. Слышался увеличивающійся съ каждой минутою звонъ разбиваемыхъ стеколъ, въ квартиры летѣли камни; и толпа бросилась въ разсыпную лишь тогда, когда прогремѣлъ залпъ, данный холостыми зарядами надъ головами бунтовщиковъ.

По мѣрѣ прибытія офицеровъ, въ экипажи вводились вооруженные взводы изъ другихъ экипажей для водворенія порядка; вызванные ружейные взводы другихъ экипажей оттѣснили бунтовавшихъ во внутренніе дворы, они заняли мало-по-малу всѣ входы, прибѣгая иногда къ залпамъ холостыми патронами, когда бунтовщики шумѣли, упорствовали и бросали каменьями. Къ 7-ми часамъ нижніе чины были водворены въ зданія, относительный порядокъ былъ возстановленъ и произведена перекличка, но отдѣльные крики и бросаніе камней изъ оконъ продолжались до 8-ми часовой переклички. Къ 10-ти часамъ наступило полное спокойствіе. Начавшійся бунтъ былъ подавленъ.

Изъ донесеній о безпорядкахъ выяснилось, что во главѣ всего этого затѣяннаго буйства несомнѣнно стояли хорошо организованные кружки, все время тщательно поддерживавшіе настроеніе толпы зажигающими окриками и вызывающими дѣйствіями противъ офицеровъ и вызванныхъ вооруженныхъ частей. Ясно было, что бунтъ былъ организованъ по извѣстному плану съ цѣлью поднять значительную массу людей, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи оружіе.

Несмотря на видимые признаки чисто политическаго бунта, многіе изъ начальствующихъ лицъ не хотѣли придавать ему особаго значенія. Съ перваго взгляда отсутствіе малѣйшаго повода къ бунту какъ бы подчеркивало безсмысленность дикой выходки. При начавшемся разслѣдованіи нельзя было даже выяснить и тѣни серьезныхъ поводовъ къ какому-либо недовольству: команды были довольны пищей и ни на что не жаловались. Являлись предположенія, что основою бунта были чисто случайныя причины, не имѣвшія никакой связи съ прочною или преднамѣренной организаціею. Одни указывали на сосредоточіе къ этому времени въ казармахъ значительнаго количества запасныхъ нижнихъ чиновъ, призванныхъ по случаю войны, которые, будучи обречены на бездѣйствіе, невольно направили избытокъ своихъ силъ на буйство и безобразіе; другіе приводили еще менѣе основательные доводы, объясняя безпорядокъ тѣмъ, что команды, узнавъ о сносѣ лавокъ на городской землѣ, большинство изъ которыхъ содержались матросскими женами, желали помѣшать распоряженіямъ полиціи.

Но, какъ бы ни были разнорѣчивы мнѣнія начальствующихъ лицъ, тѣмъ не менѣе всѣ они, за незначительнымъ исключеніемъ, въ корнѣ отрицали всякую политическую подкладку бунта.

На выясненіи событій 3-го ноября, конечно, не стоило бы останавливаться подробно, если бы разборъ этого дѣла не указалъ такъ ярко и наглядно на выдающуюся способность адмирала быстро оцѣнивать всѣ обстоятельства дѣла и находить дѣйствительную причину его возникновенія. Эту черту нельзя обойти молчаніемъ въ виду значительности ея для администра-

тора, каковымъ на своемъ посту являлся въ этотъ періодъ своей дѣятельности адмиралъ. Она обрисовываетъ особый даръ предвидѣнія, создающаго славу государственнымъ дѣятелямъ; въ немъ—ихъ сила и безсмертіе ихъ свѣтлыхъ именъ для потомства и исторіи.

Итакъ, никто не только не усматривалъ во вспыхнувшемъ безпорядкѣ политической подкладки, но даже и мысль объ этомъ находили нелѣпой. Никто,—кромѣ адмирала Чухнина.

Онъ сразу почувствовалъ раскаты грома первой разразившейся надъ Севастополемъ грозовой тучи и объявилъ командирамъ отдѣльныхъ частей, что все это дѣло рукъ революціонеровъ и, пока не поздно, надо дѣятельно готовиться къ худшему, начавъ безпощадную борьбу съ губительной для государства заразой.

Адмиралу мало кто повѣрилъ—и все пошло по старому.

Да и трудно было повѣрить, чтобы наканунѣ торжества полустолѣтней славы Севастопольской обороны священные холмы Севастополя, обильно политые кровью моряковъ-дѣдовъ, станутъ свидѣтелями измѣны и мятежа внуковъ.

Какъ-же можно было повѣрить въ этотъ ужасъ тогда, во время скорбной для насъ минувшей войны, когда теперь не вѣрится, что все это было въ дѣйствительности, и хочется думать, что позоръ прошлаго—только тяжелый кошмаръ.

Адмиралъ принялъ немедленно мѣры къ удаленію изъ экипажей такъ или иначе проявившаго себя вреднаго элемента. Съ этою цѣлью онъ приказалъ часть людей переселить на суда боевого резерва, что и было приведено въ исполненіе безъ особыхъ затрудненій. Нѣкоторое противодѣйствіе было встрѣчено только со стороны команды одного изъ броненосцевъ, гдѣ распоряженіе было встрѣчено отдѣльными криками: „не пойдемъ“, „не хотимъ“. Энергичное поведеніе дежурнаго по дивизіи, предупредившаго о послѣдствіяхъ неповиновенія и опредѣлившаго получасовой срокъ на то, чтобы одуматься,—побѣдило, однако, нерѣшительность экипажа, слабо реагировавшаго уже на призывъ отдѣльныхъ агитаторовъ „не подчиняться“ и команда была перебрана на корабли.

Этимъ инцидентомъ, казалось, оканчивалась позорная страница ноябрьскаго бунта... Кругомъ водворилась по прежнему тишина и въ ярко занявшемся кострѣ, повидимому, потухли послѣднія искры... Опасность миновала.

Такъ думали многіе, но адмиралъ понималъ, что это только временное затишье, что бунтъ, проявившійся въ ярко блеснувшей вспышкѣ, можетъ разгорѣться снова.

„Этими случаями, доносилъ онъ, безпорядки окончились, но не имѣю права сказать, что дѣйствительно все закончилось. Я увѣренъ, что неполная удача ихъ только заставитъ тайную организацію притихнуть на время до перваго удобнаго момента".

Будучи освѣдомленъ о существующей пропагандѣ среди командъ, адмиралъ, по вступленіи въ должность, лично разъяснялъ квартирмейстерамъ всѣ гибельныя послѣдствія этихъ ученій, приказывая имъ въ свою очередь выяснять это и предостерегать своихъ людей. Послѣ безпорядковъ, онъ отправился на суда говорить съ командами. Привожу его рѣчь отчасти.

„Взвѣсивъ обстоятельства дѣла, пришелъ къ заключенію, что это преступленіе не могло быть дѣломъ, задуманнымъ большимъ числомъ изъ васъ, такъ какъ для этого не было никакого повода, что это дѣло нѣкоторой шайки, воспользовавшейся вашей темнотой и малымъ воспитаніемъ въ правилахъ уваженія старшихъ и закона. Прійдя къ такому заключенію, я рѣшилъ объѣхать всѣ суда, находящіяся въ резервѣ, и посѣтилъ всѣ экипажи лично. Насколько позволило время, постарался объяснить вамъ, какъ зарождается государство, какъ оно ростетъ, какая необходима для охраны его существованія сила. Какъ въ зародышѣ общества сначала каждый человѣкъ себя и свой домъ защищаетъ самъ со своими близкими, съ увеличеніемъ племени, при образованіи государства, появляются наемные защитники, потомъ, при дальнѣйшемъ развитіи, защита государства и внутренняго порядка возлагается на нѣкоторыхъ избранныхъ изъ среды общества, обязанныхъ служить по жребію, и, наконецъ, въ наше время обратились къ общей воинской повинности, существующей въ главныхъ государствахъ міра. Разъяснилъ всю безсмысленность дѣйствій толпы, потерявшей разумъ. Указалъ всѣ послѣдствія такихъ дѣй-

ствій толпы и особенно въ данное тяжелое для нашего государства время. Указалъ, какой неисчислимый вредъ матеріальный и нравственный причинили вы своими безпорядками, какъ своимъ преступленіемъ сыграли въ руку нашимъ врагамъ, какъ послужили косвенной причиной, можетъ быть, лишней гибели многихъ бойцовъ нашей арміи, вашихъ же братьевъ, какъ унизили свою родину въ глазахъ всего свѣта, давъ возможность относиться презрительно ко всѣмъ русскимъ, которые, даже среди военной своей силы, потеряли любовь къ родинѣ и потеряли разумъ на столько, что во время войны играютъ въ руку своему врагу и поносятъ самихъ себя. Я счелъ долгомъ открыто говорить съ вами, результаты оправдали мою вѣру въ то, что громадное большинство совершившихъ преступленіе, сдѣлало его только по темнотѣ, по непониманію: по какому пути и кто на этотъ путь толкалъ васъ.

Смутьяны напрягаютъ всевозможныя усилія, чтобы толкнуть васъ на опасный путь потери разума и на преступленія. Эти, потерявшіе сами разумъ люди пользуются всякимъ случаемъ, чтобы сочинять безсмысленныя ругательства и поношенія, составляютъ возбудительныя воззванія къ вамъ, призывая на возстаніе, на непослушаніе и прочее. Одно безсмысленное повтореніе однѣхъ и тѣхъ же словъ показываетъ, насколько мало развиты тѣ, которые хотятъ руководить не только вами, но и цѣлымъ государствомъ. Разсчитывая на малую осмысленность толпы, въ воззваніяхъ безпрерывно указывается, какъ на притѣсненіе васъ, на то, что васъ мучаютъ усиленными караулами и патрулями, забывая, что чьи же дѣйствія вызвали усиленіе патрульной службы, кто этому виной, какъ не они же—доброжелатели. Кто мало цѣнитъ вашъ здравый смыслъ, надо думать, самъ имѣетъ его мало, думая безсмысленными, безосновательными ругательствами и ложью привлечь васъ на свою сторону.

Необходимо очистить себя отъ проказы такъ глубоко въѣвшейся въ наше тѣло. Необходимо воскресить въ себѣ духъ любви къ родинѣ, который такъ основательно стараются искоренить наши доброжелатели и наши потерявшіе Бога и разумъ соотечественники. Безъ вѣры въ Бога и Его заповѣди любви,

безъ любви къ родинѣ и самоотверженнаго служенія ей, нѣтъ спасенія отъ пожирающей насъ страшной болѣзни равнодушія къ бѣдствіямъ отечества".

Неудовлетворительность условій морской службы проявлялась, по мнѣнію адмирала, главнымъ образомъ, въ распущенности командъ и небрежности, проявленной офицерами по отношенію къ нижнимъ чинамъ. Отсутствіе постоянныхъ ротныхъ командировъ распустило начальниковъ изъ нижнихъ чиновъ; мало-помалу дѣло такъ обставилось, что не квартирмейстеры стали управлять нижними чинами, а, наоборотъ, нижніе чины властвовали надъ квартирмейстерами, пріучивъ фельдфебелей бояться и не видѣть ничего кругомъ себя недозволеннаго. Это ослабленіе надзора и игнорированіе престижа власти повели несомнѣнно къ быстрому развитію посторонней агитаціи среди командъ въ казармахъ.

Понятно, что постепенно вводимая адмираломъ дисциплина, ограничивая во многихъ отношеніяхъ привыкшіе къ потворству и послабленію экипажи, не могла не вызвать нѣкотораго раздраженія и протеста. Этимъ моментомъ и замѣченнымъ настроеніемъ личнаго состава флота не замедлила воспользоваться тайная, но очень сильная противоправительственная партія, результатомъ чего и явился бунтъ. Насколько эти теоретическія соображенія подтвердились впослѣдствіи, — показываютъ данныя дознанія и слѣдствія, обнаружившія значительно позднѣе нѣкоторыя подробности ноябрьскаго бунта.

Было дознано, что незадолго до 3-го ноября во всѣхъ экипажахъ были разбросаны прокламаціи, вліяніе которыхъ было видно даже въ крикахъ бунтовщиковъ, громко выкликавшихъ отдѣльныя фразы изъ печатныхъ и литографированныхъ листковъ; обнаружены уже послѣ подавленія безпорядковъ нѣсколько человѣкъ, энергично вербовавшихъ среди кадра матросовъ согласныхъ примкнуть къ новой организаціи; выяснены сношенія нижнихъ чиновъ съ арестованными за политическія преступленія и обнаружено жандармскою властью письмо, сообщающее о возникновеніи открытаго бунта командъ Черноморскаго флота, указывающее, что онъ вызванъ агитаціей среди чиновъ

флота спеціально посланными для того агентами. Здѣсь же обнаружилось впервые и отношеніе революціонныхъ партій къ дѣятельности адмирала, считавшихъ его настолько вреднымъ для успѣшнаго выполненія партійныхъ плановъ, что указывалось на необходимость всѣми мѣрами удалить его съ дороги...

„Я знаю, — пишетъ полный самообладанія адмиралъ въ своихъ воспоминаніяхъ при занесеніи письма на страницы дневника,—что я стою поперекъ ихъ дороги, своей силой воли противодѣйствую имъ и обнаруживаю то вліяніе на массу нижнихъ чиновъ, которое мѣшаетъ ихъ разсчетамъ. Указаніе въ письмѣ на то, что я остался живъ и даже по-прежнему въ милости, надо понимать въ томъ смыслѣ, что, несмотря на устроенные организаціей безпорядки, мой авторитетъ среди команды еще не поколебленъ и для освобожденія своего пути къ разрушенію дисциплины среди личнаго состава флота они приготовлялись устранить меня“...

Разбираясь въ поведеніи чиновъ флота во время бунта, адмиралъ отмѣчаетъ крайнюю растерянность начальствующихъ лицъ даже послѣ прекращенія безпорядковъ. Вмѣсто немедленнаго и энергичнаго разслѣдованія по горячимъ слѣдамъ—всѣ мѣры были направлены главнымъ образомъ лишь къ успокоенію массъ помощью поблажекъ и безъ объясненія всей преступности ихъ дѣйствій. Начальники въ большинствѣ случаевъ давали показанія, что ихъ части не принимали участія въ возмущеніи, а въ розыскѣ виновныхъ не только не было проявлено надлежащей инициативы, но дѣло велось такъ равнодушно, что пришлось взять руководство въ свои руки.

„Считаю, что такое явленіе есть не только слѣдствіе цензовой службы, но и результатъ апатіи и ослабленія воли всего нашего образованнаго класса. Идеалъ долга и гордость сознанія (писалъ въ своихъ донесеніяхъ адмиралъ) приносимой своей работой пользы исчезли изъ стимуловъ, руководящихъ служащими. Все зиждется на личной выгодѣ и покоѣ“.

Считая, что при наступившемъ положеніи дѣла необходимы рѣшительныя мѣры, которыя радикальнымъ образомъ могутъ показать командамъ твердую волю власти бороться до конца съ

вреднымъ ученіемъ, разлагающимъ основы долга и дисциплины, адмиралъ вошелъ съ докладомъ объ этомъ въ Морское Министерство, попутно обратившись къ другимъ средствамъ воздѣйствія на настроеніе взволнованныхъ умовъ.

Эти средства были обширные печатные приказы и обращенія къ нижнимъ чинамъ и къ мастеровымъ севастопольскаго адмиралтейства, среди которыхъ также замѣчалось начавшееся броженіе. Пропаганда, какъ видно, свила себѣ прочное гнѣздо и все болѣе и болѣе глубоко пускала корни среди темной, некультурной массы рабочаго люда. Новыя ученія, пестрѣвшія цвѣтистыми обѣщаніями небывалаго блага, горячія рѣчи, экзальтирующія толпу, все это не могло не дѣйствовать и не волновать воображеніе, но въ глубинѣ простой русской души бродило невольное сомнѣніе и при случайныхъ разговорахъ адмирала во время обхода мастерскихъ все чаще и чаще слышались настойчивыя просьбы сказать свое слово, объяснить то, чего не охватывалъ недоразвитый умъ, но инстинктивно угадывала душа.

Въ своихъ рѣчахъ и приказахъ, сказанныхъ и написанныхъ простымъ яснымъ слогомъ, адмиралъ пошелъ на встрѣчу запросамъ, съ откровенностью честнаго, убѣжденнаго человѣка раскрывая козни происходящей подпольной работы, направленной какъ-бы на улучшеніе условій труда, а въ дѣйствительности къ разрушенію и уничтоженію порядка въ обществѣ. Ярко и выпукло характеризуя современное состояніе массъ, какъ заразительную нравственную и умственную болѣзнь, онъ указывалъ на единственное лекарство—возстановленіе здраваго смысла:

,,Надо взять себя въ руки, вдуматься въ дѣло не на основаніи того, что говоритъ толпа или зажигательные листки, а обратить вниманіе главнымъ образомъ на то, что говоритъ человѣку его человѣческое достоинство, его нравственныя понятія о долгѣ человѣка передъ Богомъ и другими людьми. Рано или поздно, здравый смыслъ и житейскій опытъ покажутъ, что насиліемъ, безъ разума, жизни не улучшить. Жизнь такъ сложна, что удовлетворить всѣ желанія каждаго человѣка немыслимо. Выгода одного человѣка или общества всегда противорѣчитъ выгодамъ многихъ другихъ и только безконечными соглашеніями, уступ-

ками и признаніемъ чужихъ правъ можно кое-какъ урегулировать сносное теченіе жизни".

Вотъ вкратцѣ основа тѣхъ нравственныхъ сентенцій, которыя красной нитью проходятъ во всѣхъ рѣчахъ и обращеніяхъ адмирала.

Не ограничиваясь только чисто теоретическими соображеніями здравой логики, адмиралъ, какъ истинный патріотъ, стремился выяснить передъ рабочимъ человѣкомъ и всю непригодность для Россіи навязываемой свободы по западнымъ образцамъ при неподготовленности народа.

Сильно и ярко обрисовываетъ адмиралъ въ немногихъ словахъ сложившійся на Западѣ правовой порядокъ.

„О нарушеніи закона, — говоритъ онъ въ одной изъ своихъ бесѣдъ, — тамъ и думать нельзя; тамъ на улицѣ не заорешь и съ полицейскимъ въ драку не вступишь. Въ Англіи и Америкѣ, ежели полицейскій кому-нибудь скажетъ, что онъ его арестовываетъ и приказываетъ слѣдовать въ полицію, никто и не подумаетъ не исполнить его приказанія. Тамъ такъ въѣлась въ плоть и кровь привычка подчиняться установленнымъ правиламъ, что случаи неповиновенія очень рѣдки: тамъ дѣйствуетъ во всей силѣ неумолимый законъ и для нежелающихъ ему безпрекословно подчиняться употребляется сила. Для такой жизни надо совершенно перевоспитаться и прежде всего научиться уважать законъ и выучить своихъ дѣтей уважать родителей и старшихъ".

Не обходитъ молчаніемъ адмиралъ и вопросовъ соціальныхъ, спѣша разъяснить мастеровымъ: насколько требованіе восьмичасового рабочаго дня, распредѣленіе рабочими задѣльной платы и внутренней заводской жизни есть оружіе обоюдоострое, больно ранящее часто и ту и другую сторону; словомъ, всѣ рѣчи, бесѣды и приказы носятъ самый разносторонній характеръ съ руководящимъ принципомъ помочь сбившемуся съ правильнаго пути человѣку выйти изъ темноты и найти вѣрную дорогу, отказавшись разъ на всегда отъ системы насильственнаго измѣненія тысячелѣтіями сложившагося въ своемъ историческомъ развитіи строя Россіи.

„Какъ человѣкъ доброжелательный и человѣкъ опыта, совѣтую вамъ хорошенько вдуматься въ сказанное мною, разсудить своимъ собственнымъ здравымъ умомъ, безъ учителей, и придти къ добрымъ заключеніямъ, что только законными путями, только упорнымъ трудомъ можно обезпечить себѣ спокойную жизнь; что улучшенія въ вашемъ трудѣ и жизни возможны только въ соотвѣтствіи съ улучшеніемъ всей жизни государства и въ должномъ соотношеніи съ интересами всѣхъ другихъ членовъ нашего отечества. Искренно желаю вамъ спокойно идти по доброму пути уваженія законовъ, не поддаваясь совѣтамъ людей-разрушителей, помня, что устроеніе жизни вещь очень сложная и всякое насильственное измѣненіе въ ней отзывается очень больно"—говорилъ адмиралъ въ заключеніе.

Рѣчи адмирала произвели столь сильное впечатлѣніе на мастеровыхъ, что они просили его отпечатать ихъ для руководства.

Точное и подробное изложеніе всевозможныхъ вопросовъ, чтобы воздѣйствовать на людей и ихъ психику, доказываетъ, на сколько адмиралъ былъ и опытный воспитатель.

Такимъ образомъ, если адмиралъ съ одной стороны настаивалъ передъ Морскимъ Министерствомъ о принятіи мѣръ строжайшаго разслѣдованія и наказанія виновныхъ участниковъ бунта, то съ другой стороны,—какъ вдумчивый администраторъ,—онъ вѣрно опредѣлялъ, что однѣми мѣрами строгости возможно возстановить лишь порядокъ внѣшней дисциплины. Для предотвращенія на будущее время какихъ-либо безпорядковъ необходимо было возбудить въ командахъ сознаніе долга и поднять самодѣятельность мысли, порабощенной врагами государственности.

Къ выясненію своего плана въ этихъ двухъ взаимнодополняющихъ направленіяхъ, какъ видно, и приступилъ адмиралъ, не скрывая ни передъ собой, ни передъ другими трудности предстоящей задачи.

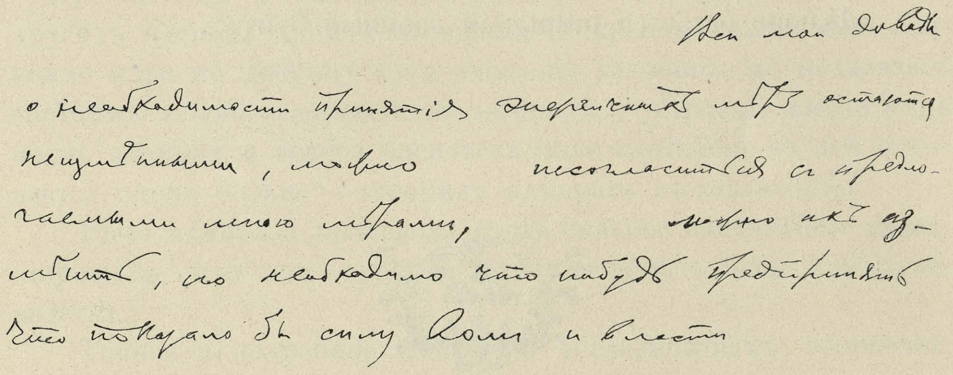
„Работаю, не покладая рукъ, писалъ адмиралъ, насколько хватаетъ времени; ясно сознаю, что борюсь почти съ непреоборимой стѣной, съ малой надеждой на успѣхъ".

Подстрекаемыя революціонными кружками команды нижнихъ чиновъ и мастеровые порта представляли собою дурную почву и трудные всходы полезныхъ сѣмянъ безслѣдно пропадали среди обширнаго посѣва дурной травы...

Будущее казалось тревожнымъ и мрачнымъ....

„Терроръ дошелъ до крайней степени", доносилъ адмиралъ высшему начальству. Указывая на необходимость принятія чрезвычайной власти и предсказывая слѣдующія событія, писалъ:

„Дальше остается открытый военный бунтъ".

Всѣ мои доклады о необходимости принятія энергичныхъ мѣръ остаются неисполненными, можно несогласиться съ предлагаемыми мною мѣрами, можно ихъ измѣнить, но необходимо что нибудь предпринять что показало бы силу воли и власти

Изъ рапорта Г. П. Чухнина отъ 29-го Декабря 1904 г.

И вотъ на Россію черной тучей надвигаются бѣды, одна за другой.

Начинается несчастная для насъ война съ Японіей. Одна за другою слѣдуютъ неудачи этой войны на отдаленной окраинѣ нашей великой обширной державы. Темнѣетъ слава непобѣдимыхъ знаменъ русскихъ и тяжелой, затаенной обидой застилается русское доброе сердце. Неудовольствіе народа, глубоко оскорбленнаго военными неудачами въ такое время, когда гордость народная, пріученная предшествовавшими войнами къ самоувѣренному спокойствію славы, ихъ меньше всего ожидала, разлилось по всей Россіи и сознавалось всѣми.

Въ началѣ войны еще жила слабая надежда на возможный, счастливый для насъ исходъ. Но, небывалая въ русской исторіи, позорная сдача крѣпости, гибель нашей морской силы въ Цусимскомъ проливѣ, спускъ славнаго Андреевскаго флага—это трусливое, гнусное дѣло—тяжкое оскорбленіе народнаго чувства,

нежданно, какъ грозный шквалъ, налетаютъ и подрываютъ всякую вѣру въ силу нашей власти и оружія.

Злорадные поборники революціоннаго движенія не упускаютъ случая использовать такое благопріятное ихъ цѣлямъ настроеніе и начинаютъ усиленно возбуждать неудовлетворенное чувство народа, направляя его къ возмущенію и насиліямъ. Вспыхиваютъ революціонные боевые огни въ безсознательной крестьянской средѣ; огни эти передаются арміи и еще съ большей силой появляются во флотѣ.

Волна революціоннаго возбужденія перекатывается съ береговъ Балтійскаго моря къ Черному, вспыхиваетъ здѣсь широкимъ заревомъ, властно охвативъ почти весь флотъ и поколебавъ наши морскія силы.

Послѣ безпорядковъ 3-го ноября, адмиралъ, донося высшему начальству, что здѣсь, среди распущенныхъ командъ и мастеровыхъ порта, да еще при столь тѣсномъ общеніи съ **еврейскимъ** населеніемъ города, пропаганда встрѣчаетъ лучшую, чѣмъ гдѣ-либо, почву, что въ средѣ офицерскаго состава онъ замѣтилъ особенное состояніе духа, какое-то предупредительно-уступчивое отношеніе къ нижнимъ чинамъ, вмѣсто строгой власти, писалъ:

„Всѣ дѣйствія начальниковъ были всегда, а въ данное время въ особенности, направлены не на воспитаніе воинскаго духа, а на погашеніе его всевозможными уступками, слабостью и даже закрываніемъ глазъ на проступки, на всякіе протесты, безпорядки и отступленія отъ дисциплины. Такимъ образомъ велось воспитаніе нижнихъ чиновъ въ обратномъ направленіи съ долгомъ и закономъ".

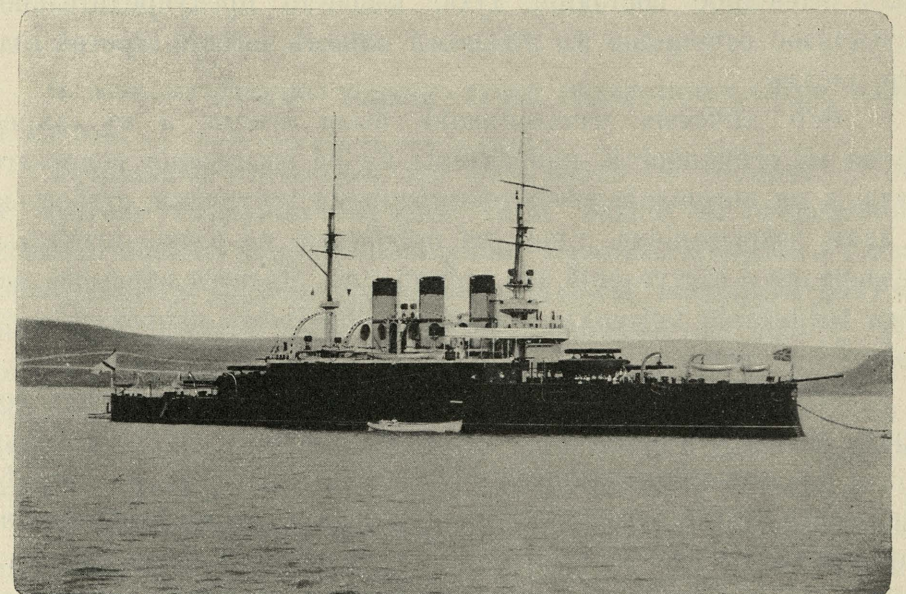
Тогда-же, послѣ безпорядковъ 3-го ноября, адмиралъ собралъ всѣхъ начальниковъ, указалъ на причины, по его мнѣнію, бунта, указалъ мѣры, которыя надлежало принять, но, къ сожалѣнію, опять многіе начальники не понимали и готовы были приписать причину бунта не политической пропагандѣ среди нижнихъ чиновъ, а скорѣе яко-бы строгому режиму, введенному въ экипажахъ.

Въ чемъ же состоялъ строгій режимъ? Онъ заключался

въ томъ, что адмиралъ требовалъ точнаго и неуклоннаго исполненія всѣхъ законныхъ правилъ внутренней службы во флотскихъ экипажахъ. Результатомъ требованій адмирала явилась наружная дисциплина, прекратилось пьянство; нижніе чины стали ходить по улицамъ прилично, исправно стали отдавать воинскую честь.

Но, добившись внѣшней дисциплины, адмиралъ на этомъ не успокоился, онъ сталъ требовать отъ командировъ, чтобы ему неотступно доносили и днемъ и ночью о всѣхъ проступкахъ нижнихъ чиновъ, связанныхъ съ нарушеніемъ дисциплины.

Многіе изъ начальниковъ, по неясному ли представленію о дисциплинѣ, а можетъ быть, по другимъ причинамъ, умалчивали о проступкахъ и доносили о благополучіи во ввѣренныхъ частяхъ. Пропаганда шла crescendo, и у адмирала не было средствъ остановить ее. И разразился бунтъ на броненосцѣ ,,Князь Потемкинъ-Таврическій", нѣчто небывалое, ужасное, совершенно неожиданное, доказавшее полную растерянность, какъ

Броненосецъ „Князь Потемкинъ-Таврическій",
нынѣ „Пантелеймонъ".

начальниковъ отдѣльныхъ частей, такъ отчасти и офицерскаго состава, и установившее, насколько былъ зараженъ весь организмъ, насколько расшатана была дисциплина.

Главный Командиръ въ это время находился въ Петербургѣ, куда былъ вызванъ на засѣданія Особаго Совѣщанія по выработкѣ программы новаго судостроенія.

15-го іюня 1905 года, въ половинѣ второго часа пополудни, въ Морскомъ Министерствѣ была получена отъ Командира коммерческаго порта города Одессы генералъ-маіора Перелешина телеграмма, что въ этотъ день въ шесть часовъ утра въ Одессу пришелъ броненосецъ „Князь Потемкинъ", съ котораго свезли на берегъ тѣло матроса съ запиской слѣдующаго содержанія:

„Матросъ Омельчукъ заявилъ претензію на дурную пищу. Офицеръ его убилъ. Предлагается тѣла матроса не трогать. Если осмѣлятся, то броненосецъ „Князь Потемкинъ-Таврическій" будетъ бомбардировать городъ". Изъ разспросовъ бѣжавшаго съ броненосца матроса выяснилось, что на „Потемкинѣ" бунтъ. Убитъ командиръ, старшій офицеръ и большинство другихъ офицеровъ, а на кораблѣ поднятъ красный флагъ".

Легко понять, какое настроеніе охватило всѣхъ при этомъ извѣстіи...

Адмирала немедленно вызвали къ Управляющему Морскимъ Министерствомъ. На экстренномъ совѣщаніи, въ виду того, что телеграмма была не отъ Начальника эскадры, остававшагося за Главнаго Командира въ Севастополѣ, а изъ Одессы, рѣшено было послать въ Севастополь телеграмму Начальнику эскадры съ вопросомъ: что съ „Потемкинымъ" и все-ли во флотѣ благополучно?—и такую же Коменданту Севастополя. Изъ Севастополя отвѣтили только: „Потемкина" на Тендрѣ не оказалось". Изъ этого адмиралъ заключилъ, что тамъ ничего и не знали, а изъ Одессы не дали знать туда, куда надо было сообщить раньше всего, т. е. въ Севастополь, гдѣ была сила, которая только и могла обуздать возставшихъ. Къ вечеру была получена телеграмма отъ Начальника эскадры, что имъ посылаются въ Одессу два броненосца и миноносцы подъ флагомъ Начальника отряда. Въ дополненіе телеграммы уже Начальникъ штаба те-

леграфировалъ, что въ добавокъ двумъ посылается и еще броненосецъ „12 Апостоловъ“.

Какое-то странное колебаніе, какая-то нерѣшительность...

Адмиралъ тогда настаиваетъ на самыхъ энергичныхъ и строгихъ мѣрахъ. Въ Севастополь посылается Начальнику эскадры приказаніе немедленно выйти въ Одессу со всѣми броненосцами и предложить „Потемкину“ покориться и, если онъ откажется, то потопить минами миноносцевъ, которые должны быть заблаговременно приготовлены. При попыткѣ же команды съ „Потемкина“ сопротивляться или спасаться бѣгствомъ—разстрѣливать.

Далѣе адмиралъ высказалъ, что надо имѣть на мѣстѣ власть и не ожидать, когда начнутся безпорядки: въ Николаевѣ въ порту уже забастовали мастеровые. Необходимо теперь же объявить Николаевъ и Севастополь на военномъ положеніи подъ личною его отвѣтственностью.

Для характеристики адмирала интересны соображенія, высказанныя имъ по поводу вспыхнувшаго бунта немедленно по полученіи тревожныхъ извѣстій изъ Одессы, когда подробности бунта не были извѣстны съ тою точностью, какъ это выяснилось значительно позже. По его мнѣнію, вполнѣ оправдавшемуся впослѣдствіи, на нижнихъ чиновъ броненосца воздѣйствовала небольшая кучка людей, подстроившая оскорбленіе офицеру; послѣдній убилъ оскорбителя и эта кучка, человѣкъ въ 30—40, воспользовалась минутнымъ возбужденіемъ, подняла бунтъ. Часть команды озвѣрѣла, пошли убійства; молодые и тихіе, вѣроятно, попрятались. Послѣ злодѣянія зачинщики легко овладѣли кораблемъ, заставивъ примкнуть къ себѣ и безголосую массу.

Послѣ совѣщанія и распоряженій адмиралъ въ ту же ночь на экстренномъ поѣздѣ собирался выѣхать въ Севастополь, но долженъ былъ остаться, такъ какъ **ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ** угодно было потребовать его и Министра къ Себѣ для доклада.

Слѣдующія телеграммы показали съ очевидностью, что событія въ Черномъ морѣ принимаютъ широкія размѣры, поддерживаемые общей растерянностью.

Изъ Одессы сообщали: „высадившіеся въ порту матросы „Потемкина“ произвели разгромъ складовъ, въ которомъ приняли участіе толпы рабочихъ и босяковъ, а потомъ подожгли портъ. Войска для подавленія безпорядковъ употребить было нельзя, такъ какъ съ „Потемкина“ объявили, что ежели пошлютъ ихъ, то броненосецъ начнетъ бомбардировать городъ“. Настолько были всѣ терроризованы этимъ бунтомъ...

Худшая телеграмма была изъ Севастополя. Начальникъ эскадры передавалъ депешу командира лоцмейстерскаго судна „Вѣха“, въ которой командиръ доносилъ, что, не зная о бунтѣ, онъ подошелъ къ Одессѣ, когда съ „Потемкина“ сдѣланъ былъ ему сигналъ стать за кормой броненосца. Прибывъ-же на „Потемкинъ“, рапортовалъ онъ, онъ былъ силою обезоруженъ, при чемъ бунтовщики сначала хотѣли его убить, но потомъ высадили на берегъ, а „Вѣху“ арестовали.

Пожаръ разгорался...

Адмиралъ рвался туда, куда призывалъ его долгъ. Послѣ аудіенціи у Государя Императора онъ въ тотъ же день, 16-го іюня, съ экстреннымъ поѣздомъ выѣхалъ въ Николаевъ, полагая оттуда скорѣе попасть на эскадру, чѣмъ черезъ Одессу, гдѣ безпорядки могли охватить и желѣзную дорогу. Въ Николаевѣ его долженъ былъ ждать „Эрикликъ“.

На пути адмиралъ получаетъ все время отъ Министра телеграммами извѣстія о событіяхъ: что въ Одессу прибыли съ опозданіемъ сначала отрядъ, а потомъ эскадра, что они окружили „Потемкина“, но никакихъ мѣръ противъ него не было принято, что „Потемкинъ“ вошелъ въ гавань, а эскадра и отрядъ ушли обратно, что къ „Потемкину“ присоединился „Георгій Побѣдоносецъ“...

Обстоятельства были самыя чрезвычайныя, а адмиралъ не привыкъ колебаться. Тутъ же, въ вагонѣ, онъ составляетъ инструкціи тѣхъ мѣръ, какія онъ находитъ необходимыми по эскадрѣ и крѣпости, и съ первой станціи передаетъ ихъ телеграммами по назначенію.

Всю ночь адмиралъ не смыкаетъ глазъ. Въ его представленіяхъ о беззавѣтномъ исполненіи долга передъ родиной нѣтъ

отступленій... Онъ не можетъ объяснить себѣ, какъ могла произойти столь непонятная неисполнительность? Эскадра не вышла тотчасъ, когда ей это было приказано... Если были ненадежны команды судовъ, то надо было призвать сухопутныя войска и всѣхъ ненадежныхъ арестовать. Только это могло задержать уходъ эскадры... Но тогда, отчего объ этомъ не телеграфировали? Упущенъ былъ и психологическій моментъ, когда начальникамъ слѣдовало смѣло выступить и внушить людямъ весь позоръ междоусобной войны, пробудить въ нихъ любовь къ родинѣ... Этого никто не смогъ сдѣлать. Упущенъ былъ и другой моментъ, когда эскадра окружила „Потемкина", вышедшаго на встрѣчу. А первый отрядъ—пять часовъ чуть не рядомъ стоитъ съ „Потемкинымъ" и... ничего не дѣлаетъ...

Адмиралъ прибылъ въ Николаевъ 18-го іюня, въ 11 час. утра. Къ этому времени указъ о военномъ положеніи въ Николаевѣ былъ уже объявленъ, и адмиралъ немедленно дополняетъ его объявленіемъ въ приказѣ по градоначальству изложеніемъ самаго закона въ главныхъ чертахъ, чтобы показать всему населенію значеніе явившагося положенія и принимаемыя противъ безпорядковъ мѣры.

Здѣсь адмиралъ впервые получаетъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о происшедшемъ бунтѣ на „Потемкинѣ" и присоединеніи къ нему броненосца „Георгій Побѣдоносецъ".

Новая полученная телеграмма сообщала, „что эскадра, высланная противъ мятежнаго броненосца, ничего не сдѣлала и ушла изъ Одессы, что „Георгій Побѣдоносецъ" вошелъ въ портъ и, повидимому, намѣренъ сдаться, а „Потемкинъ" ушелъ изъ Одессы".

Эта телеграмма вызываетъ снова рядъ распоряженій по телеграфу. Эскадра оказывается въ Севастополѣ, откуда сообщали о полученіи изъявленія покорности со стороны команды броненосца „Георгій Побѣдоносецъ".

Уходъ „Потемкина" изъ Одессы съ миноносцемъ осложнялъ дѣло. Возможность насилій и демонстрацій съ его стороны была очевидна для адмирала. Поэтому онъ немедленно телеграфировалъ предупрежденіе по всѣмъ портамъ объ этомъ.

Командиръ и офицеры „Георгія Побѣдоносца“ были посланы адмираломъ въ Одессу на „Эрикликѣ“ для принятія сдавшагося броненосца. Адмиралъ объявилъ командиру, что онъ можетъ принять броненосецъ только при условіи самаго полнаго раскаянія со стороны команды, что онъ долженъ возмущеніе команды назвать своимъ именемъ, т. е. военнымъ бунтомъ, предложить покориться всему, чему они подлежатъ за свое преступленіе. Напомнить, что продолженіе сопротивленія государственной власти поведетъ къ нежелательнымъ послѣдствіямъ, результатомъ чего будетъ то, что никто изъ бунтующихъ чиновъ не увидитъ болѣе своихъ близкихъ людей, селъ и деревень. Взять затѣмъ съ людей въ присутствіи священнослужителя клятву, что преступники раскаиваются и обѣщаютъ на будущее время служить вѣрою и правдою, безпрекословно исполняя свои обязанности включительно до дѣйствія оружіемъ противъ мятежниковъ. Для обезпеченія же себя отъ неожиданной измѣны командиру предписывалось предложить сдающейся командѣ броненосца исключить изъ своей среды всѣхъ неблагонадежныхъ лицъ и зачинщиковъ бунта, которыхъ немедля арестовать и передать военно-сухопутной власти. Если предложеніе это встрѣтитъ нежелательное отношеніе среди бунтовщиковъ и опасеніе новой вспышки,—отъ пріема отказаться, флага никоимъ образомъ не поднимать. Знамя сдать на берегъ, изъ Одессы не выходить, пока за броненосцемъ не придетъ эскадра. Успѣшное выполненіе задачи адмиралъ ставилъ въ зависимость отъ твердости командира, его такта и ясности изложенія требованій передъ мятежной командой.

Въ Петербургѣ возникла мысль о прекращеніи кампаніи плавающимъ судамъ. Но адмиралъ, чувствуя за собой всю нравственную отвѣтственность за крайнія мѣры и взвѣсивъ такія обстоятельства, какъ уходъ „Вѣхи“ и сдачу „Георгія Побѣдоносца“ съ заявленіемъ покорности и раскаянія, а также увѣренный, что среди команды дѣйствуетъ только небольшая кучка людей, призналъ важность психологическаго момента, который нельзя было упустить, и счелъ преждевременнымъ предложенную мѣру, какъ признакъ колебанія власти. Онъ

желалъ лично убѣдиться въ состояніи духа командъ, донеся въ Петербургъ свои соображенія.

Въ день пріѣзда въ Николаевъ адмиралъ посѣтилъ 37-й флотскій экипажъ, гдѣ обратился къ командѣ съ рѣчью, въ которой объяснилъ имъ нравственныя обязанности по отношенію къ Родинѣ, указавъ на позорные факты измѣны и глубокій ея вредъ благоденствію Россіи, а слѣдовательно и всѣмъ имъ. Рѣчь адмирала, сказанная съ тѣмъ чувствомъ, какимъ онъ былъ полонъ самъ, произвела сильное впечатлѣніе на людей. И они всѣ, подчиняясь охватившему чувству сознанія долга, поклялись, что исполнятъ его и не задумаются, если понадобится, дѣйствовать противъ бунтовщиковъ оружіемъ.

19-го іюня съ экстреннымъ поѣздомъ адмиралъ выѣхалъ въ Севастополь, куда прибылъ 20-го, въ 11 час. дня.

Здѣсь адмиралъ былъ встрѣченъ начальствующими лицами, отъ которыхъ принялъ докладъ о положеніи дѣлъ въ настоящій моментъ и объ общемъ состояніи флота. По словамъ ихъ, положеніе флота было безнадежно. Въ обрисовкѣ момента сказывалось крайне подавленное состояніе духа даже высшихъ начальниковъ флота и полная растерянность ихъ, чѣмъ адмиралъ и могъ теперь себѣ объяснить несостоятельность всѣхъ предшествующихъ распоряженій ихъ и нерѣшительность дѣйствій. Тутъ же адмиралу было доложено, что учебное судно „Прутъ" перешло на сторону „Потемкина", но теперь только что пришло въ Севастополь и сдалось. Адмиралу также доложили, что еще 18-го числа іюня по иниціативѣ офицеровъ былъ посланъ миноносецъ „Стремительный", на которомъ вызвались идти охотниками въ числѣ 20-ти человѣкъ офицеры флота, механикъ и прапорщикъ, а также одинъ вольный механикъ Русскаго Общества пароходства и торговли. Принявъ мины „Стремительный" направился отыскивать „Потемкина" и потопить его.

Когда адмиралъ рѣшилъ отправиться на суда и говорить съ командой, открыть ей глаза на преступленіе, совершенное мятежными судами, присутствующія лица высказали, что, по ихъ мнѣнію, это крайне опасно, въ виду особаго состоянія духа ниж-

нихъ чиновъ, и просили адмирала прежде выслушать доклады судовыхъ командировъ.

Совѣщаніе съ начальствующими лицами и командирами не измѣнило намѣренія адмирала. Общее впечатлѣніе его было то же самое. Оно рисовало ему ту же растерянность и безпомощность, полную подавленность воли и духа. Все это еще болѣе убѣдило адмирала ѣхать на суда эскадры, чтобы убѣдиться въ ея состояніи, несмотря на то, что одинъ изъ начальниковъ горячо убѣждалъ его отказаться отъ этого намѣренія, говоря:

— Команды васъ не любятъ, вы подвергаетесь величайшей опасности, отправляясь на суда.

— Я исполню свой долгъ и не отступлю отъ того, что считаю необходимымъ. Я долженъ лично убѣдиться въ состояніи флота, а ежели что случится со мной—сегодня или завтра,—все равно.

Въ 2 часа адмиралъ уже былъ на броненосцѣ „Ростиславъ".

Внушительно и строго звучала рѣчь адмирала, обращенная къ безмолвной массѣ нижнихъ чиновъ. Все горячѣе и горячѣе говорилъ онъ, указывая и разъясняя, къ чему приготовила себя команда „Потемкина" и что было бы, если бы весь флотъ началъ позорную междоусобную войну. Онъ указалъ на основную причину бунта, вызваннаго преступной пропагандой лишь небольшой группы заговорщиковъ, съумѣвшихъ обмануть всю огромную морскую семью и посѣять въ ней сѣмена раздора и смуты. Онъ предложилъ немедленно и безповоротно дать клятву подчиняться распоряженіямъ законной власти и требованіямъ долга.

Послѣ цѣлаго ряда слышанныхъ рѣчей противоправительственной пропаганды и молчанія со стороны начальствующихъ лицъ первое здравое слово, громко разнесшееся по кораблю, всколыхнуло подавленную терроромъ и цвѣтистыми обѣщаніями революціи команду. Съ необычайнымъ напряженіемъ выслушавъ Главнаго Командира и словно чувствуя передъ собой защиту, за которой не страшны были уже происки и угрозы революціоннаго трибунала, команда стройно двинулась ко Кресту и Евангелію.

Та же картина повторялась на броненосцахъ: „12 Апостоловъ", „3 Святителя" и „Синопъ".

Послѣ объѣзда эскадры адмиралъ былъ занятъ текущими дѣлами по городу, принимая являвшихся къ нему съ докладами лицъ. Къ вечеру стало извѣстно, что прибывшихъ въ Одессу командира и офицеровъ „Георгія Побѣдоносца" команда встрѣтила въ строю и, выдавъ 77 человѣкъ, принимавшихъ участіе въ бунтѣ, приступила къ присягѣ.

На другой день, 21-го, адмиралъ продолжалъ объѣздъ судовъ, начавъ съ учебнаго отряда: „Чесма", „Казарскій", „Днѣстръ", „Бугъ" и „Прутъ".

Насколько мощное, властное слово адмирала и его обаяніе на массы было велико, можно судить по тому впечатлѣнію, которое произвело появленіе адмирала на палубѣ транспортнаго судна „Прутъ", гдѣ команда запятнала себя покорнымъ присоединеніемъ къ мятежному „Потемкину".

Уже въ серединѣ прочувствованной рѣчи адмирала были видны смущенныя лица матросовъ, по грубымъ щекамъ которыхъ текли искреннія, чистыя слезы раскаянія. Но самый видный моментъ побѣды сильной воли разыгрался подъ конецъ, когда командиръ судна, не вынеся напряженнаго состоянія нервовъ, покрылъ слова адмирала потрясающимъ призывомъ къ покаянію.

— Братцы, бросимся на колѣни и будемъ молить представителя Государя, Главнаго Командира, чтобы онъ ходатайствовалъ о смягченіи нашей участи...

Дрогнула толпа и, какъ одинъ человѣкъ, 400 нижнихъ чиновъ опустились на колѣни съ громкимъ истерическимъ воплемъ истерзавшагося сердца... Плакали офицеры и командиръ... Слезы были на глазахъ и у адмирала.

Потрясающая картина торжества великаго духа...

И вспомнились адмиралу слова: „Команды васъ не любятъ"...

Адмиралъ до вечера продолжалъ объѣздъ кораблей, вездѣ команда относилась съ тѣмъ же сознаніемъ и вниманіемъ. Объѣхавъ потомъ и береговыя команды, адмиралъ увидѣлъ одинъ

и тотъ же результатъ, что вездѣ его разъясненія производили надлежащее дѣйствіе, и онъ понялъ, что кошмаръ разсѣивается и острый моментъ прошелъ. Терроръ, который приводилъ нижнихъ чиновъ почти къ полному параличу мысли и воли, потерялъ силу,—и тамъ, гдѣ нѣсколько часовъ назадъ казалась полная, безвозвратная гибель всего, явилась не только надежда на спасеніе, но и надежда на обновленіе духа. Большинство поняло это и стало прочно на ноги.

Эскадра съ броненосцемъ „Георгій Побѣдоносецъ", сознательно готовая къ бою съ мятежнымъ „Потемкинымъ", была послана адмираломъ по портамъ Чернаго моря для захвата его.

Тщетны были попытки поскорѣе уничтожить это послѣднее напоминаніе о позорѣ Россіи. Броненосецъ, какъ призракъ, уплывалъ отъ преслѣдовавшаго его миноносца „Стремительный".

Вслѣдствіе телеграммы, что большое судно видѣли идущимъ вдоль кавказскаго побережья, эскадра направляется туда, но въ это время получается извѣстіе, что „Потемкинъ" пришелъ въ Констанцу. Адмиралъ немедленно отправляетъ туда дополнительный отрядъ въ два броненосца—„Чесма" и „Синопъ" въ сопровожденіи 4-хъ миноносцевъ для захвата мятежника.

26-го числа получается извѣстіе, что „Потемкинъ" сдался румынскимъ властямъ, а миноносецъ № 267 уходитъ въ Севастополь. Миноносецъ № 267 пришелъ въ Севастополь самъ подъ командой своего квартирмейстера. Всей команды было 16 человѣкъ. Румыны уговаривали сдаться имъ и поднять румынскій флагъ; команда не согласилась. Тогда ихъ начали стращать, что ни угля, ни воды не дадутъ. Для питья дали только одинъ анкерокъ солоноватой воды. Команда просила видѣться съ консуломъ, но имъ сказали, что такого нѣтъ; просила видѣть командира стаціонера, сказали, что нельзя. Тогда команда рѣшила идти сама въ Севастополь и, придя туда, сдалась.

Эскадра была отозвана адмираломъ съ береговъ Кавказа и возвратилась на севастопольскій рейдъ.

Видимые признаки результатовъ твердой власти произвели успокоеніе въ массахъ, внесли оздоровленіе и избавленіе отъ гнета и кошмара. Адмиралъ видѣлъ это и, пользуясь момен-

томъ, отдалъ распоряженіе объ очищеніи судовъ и береговыхъ командъ отъ неблагонадежнаго элемента.

На одномъ изъ броненосцевъ подлежало списыванію девять человѣкъ подозрительныхъ. Нѣкоторые изъ команды пытались оказать сопротивленіе, говорили, что все равно не пустятъ и грозили отомстить фельдфебелю. Адмиралъ велѣлъ объявить нижнимъ чинамъ, что, считаетъ ихъ, бунтовщиками вопреки его объясненій нарушившими клятву. На броненосецъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ приведенъ сухопутный баталіонъ, который окружилъ команду, и послѣдней было приказано выдать всѣхъ политически неблагонадежныхъ, всѣхъ возбуждавшихъ къ неповиновенію, всѣхъ распространявшихъ прокламаціи и всѣхъ производившихъ противодѣйствіе власти. Въ случаѣ отказа въ таковой выдачѣ, адмиралъ объявилъ, что прибѣгнетъ къ крайнимъ мѣрамъ и въ силу предоставленной ему власти не задумается подвергнуть разстрѣлу каждаго изъ десяти человѣкъ. Командѣ было предложено обсудить этотъ вопросъ.

Мѣра эта оказала свое воздѣйствіе и всѣ виновники были выданы; въ казармы дивизіи были приведены 2 батальона пѣхоты. Тамъ, въ присутствіи экипажныхъ командировъ и офицеровъ, безъ всякаго протеста или сопротивленія со стороны команды, былъ выданъ весь неблагонадежный элементъ.

Значеніе этихъ мѣръ сказалось громаднымъ подъемомъ духа въ командахъ; онѣ стали выглядѣть бодро и весело, освободившись отъ гнета своихъ преступныхъ товарищей.

Къ дѣятельности адмирала прибавляются еще новыя обязанности временнаго Генералъ-Губернатора мѣстности, объявленной на военномъ положеніи. Съ этой должностью на него возлагается еще новая огромная работа, дѣятельность чрезвычайной важности и отвѣтственности. Несмотря на такой исключительно напряженный трудъ, энергія адмирала съ увеличеніемъ трудностей положенія еще болѣе возрастаетъ, и онъ еще горячѣе принимается за дѣло.

Занося событія на страницы своего дневника, адмиралъ высказываетъ свой взглядъ по поводу всего случившагося:

„Конечно, не надо закрывать глазъ, что отсутствіе военной

дисциплины одно не разстроило бы такъ военный духъ. Къ этому вело общее состоянiе Россiи, безостановочная пропаганда революцiонныхъ идей, какъ по всей Россiи, такъ спецiально и въ Севастополѣ; революцiонная партiя вѣрно опредѣлила, гдѣ она пожнетъ болѣе всего, гдѣ она можетъ получить наибольшiй успѣхъ въ военномъ отношенiи. Всѣ ея усилiя на это и были направлены. Громадное большинство изъ команды просто потеряло почву подъ собой, не получивъ въ семьѣ никакихъ нравственныхъ устоевъ, ни въ смыслѣ христiанскомъ, ни семейномъ, ни государственномъ. Нижнiе чины и на службѣ были оставлены совершенно безъ призора, никто ихъ не воспитывалъ; поэтому понятно, почему дѣятельная революцiонная партiя могла имѣть громадное влiянiе на умы наиболѣе развитыхъ и обученныхъ нижнихъ чиновъ, а черезъ нихъ и на многихъ другихъ.

Какъ только команды нѣсколько пришли въ себя, немедленно наступила реакцiя и громадное большинство, понявъ весь ужасъ положенiя, опомнилось и совершенно свободно взяло верхъ. Во время же бунта оно относилось совершенно пассивно или шло, какъ стадо, туда, куда его вели вожаки революцiонной партiи. Опомнившись, это же большинство просило прислать офицеровъ управлять ими. Могло ли это быть, ежели бы въ дѣйствительности преступнаго элемента было бы больше?

Это—проявленiе заразной психической болѣзни, основанной на безпочвенности религiозной, житейской, военной. Въ данное время просто въ воздухѣ носится зараза убѣжденiя, что можно все дѣлать, что нѣтъ никакихъ преградъ своеволiю, что никто ни за какое дѣянiе не подлежитъ отвѣтственности и никто не имѣетъ права примѣнить власть закона, и кто ее примѣняетъ, тотъ—беззаконникъ и преступникъ. Это общее психическое состоянiе и есть главная причина всему движенiю Черноморскаго флота. Онъ, какъ ладья безъ кормчаго, носился по морю по произволу случайныхъ вѣтровъ, пока не подхватилъ его вихрь, понесшiй его къ опасному мѣсту, гдѣ возможно было крушенiе... Оставшiяся команды, ежели не составляютъ образецъ доблести, то все-таки озарены нѣкоторымъ сознанiемъ необходимости порядка. Надо всѣми силами стараться пробу-

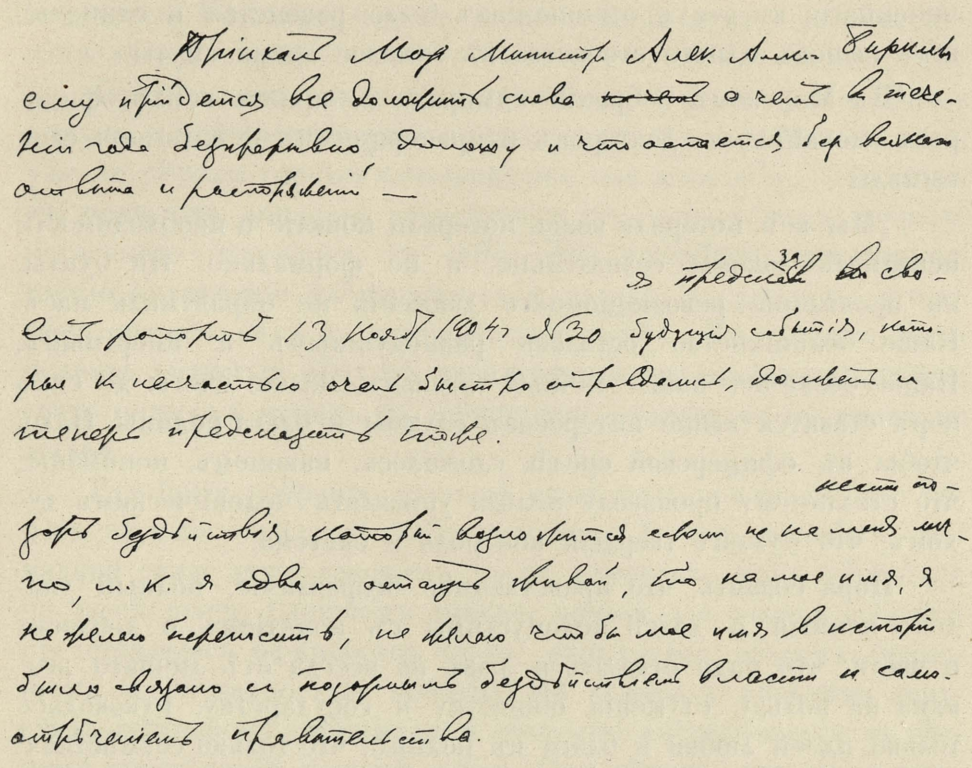
дить въ офицерствѣ сознаніе долга и любви къ дѣлу и поощрить всякое начинаніе въ этомъ направленіи".

Послѣ бунта броненосца „Князь Потемкинъ-Таврическій", переименованнаго въ „Пантелеймонъ", наступило временное, кажущееся затишье.

Успокоеніе въ командахъ, конфирмація приговоровъ — все это было зачтено революціонерами. Все вниманіе ихъ было сосредоточено на адмиралѣ. Получались извѣстія о готовящихся на него покушеніяхъ; получались письма съ угрозами, что дни его сочтены. Однако, все это ни на одну самую малую черточку не заставило адмирала измѣнить своему образу дѣйствій, поступать не такъ, какъ, по его мнѣнію, повелѣвалъ ему долгъ. Честь и цѣлость флота, а вмѣстѣ съ нимъ всей Россіи и Престола для него были выше и дороже всего, дороже собственной жизни. Онъ видѣлъ съ какой головокружительной быстротой разростается революціонная зараза и понималъ, что промедленіе и полумѣры не только ни къ чему не приведутъ, а напротивъ, еще сильнѣе раздуютъ охватившій Россію пожаръ.

Какъ человѣку вѣрующему и гуманному, не легко было ему прилагать репрессивныя мѣры и подписывать смертные приговоры, но онъ видѣлъ, что надо вырвать изъ среды флота зараженный элементъ, чтобы спасти цѣлое государственное учрежденіе.

Это убѣжденіе поддерживало его твердость въ борьбѣ съ врагами, избравшими своимъ оружіемъ Черноморскій флотъ и свившими себѣ гнѣздо въ Севастополѣ.

Приказал Мор. Министр Алек. Алек. Бирилеву, ему придется все доложить снова о чем в течение года безпрерывно доложу и что остается без всякого ответа и распоряжений —

Я предсказал в своем рапорте 13 Нояб. 1904 г. № 30 будущих событий, которые к несчастью очень быстро оправдались, должен и теперь предсказать тоже.

Позор бездействия который возлагается всем не на меня много, т. к. я едва ли останусь живой, то на мое имя, я не желаю переносить, не желаю чтобы мое имя в истории было связано с позорным бездействием власти и самоотречением правительства.

Изъ дневника Г. П. Чухнина отъ 8-го октября 1905 г.

Признавая всю важность переживаемаго времени, своимъ проницательнымъ умомъ сознавая необходимость коренныхъ реформъ, адмиралъ видѣлъ, что нужно поднять силу и значенiе флота прежде всего во главѣ его офицерскаго состава.

„Безъ возстановленiя самой строгой дисциплины, соединенной съ обязательнымъ близкимъ и постояннымъ общенiемъ офицеровъ съ нижними чинами, безъ поднятiя нравственнаго воспитанiя офицерской среды опасность разложенiя военнаго духа возобновится съ неменьшей силой“, — писалъ въ своихъ донесенiяхъ адмиралъ.

Онъ началъ съ того, что вошелъ въ близкое личное общенiе съ офицерской средой. Это былъ серьезный, важный шагъ, это былъ искреннiй порывъ благороднаго единенiя во имя любви къ родинѣ. Здѣсь отсутствовала рознь начальника и под-

чиненнаго; въ этихъ отношеніяхъ было равенство и единеніе, какъ сыновъ одного отечества въ тяжелое время смуты.

Въ Морскомъ Собраніи адмиралъ собираетъ всѣхъ офицеровъ, механиковъ, докторовъ и прапорщиковъ и излагаетъ свои взгляды.

„Мы всѣ потеряли волю, потеряли понятіе о необходимости исполнять законы сознательно, а не формально. Ни бунты, ни проявленіе революціоннаго движенія не образумили насъ. Наше большинство осталось равнодушнымъ и инертнымъ. Наше безличіе, нашъ личный эгоизмъ, мелкіе счеты до сихъ поръ ставятся выше интересовъ службы и блага родины. Надо, чтобы въ офицерской средѣ, сложилось, наконецъ, пониманіе, что стихійному произволу нельзя управлять человѣческимъ духомъ, что нуженъ твердый контроль и система.

Пора сознать, что нравственное безразличіе, полный упадокъ понятія о долгѣ недопустимы съ понятіемъ о доблести и чести, что надо отказаться разъ на всегда отъ личнаго эгоизма на пользу служенія обществу и государству, руководясь только идеей любви и блага къ родинѣ; что только совмѣстная, дружная работа способна поднять упавшій духъ и пробудить живыя силы отстоять нашъ флотъ отъ разложенія.

Необходимо самое полное общеніе съ командой, самое тѣсное сближеніе съ ней. Необходимы руководители, необходимо возрожденіе идей любви къ ближнему и къ государству.

Пусть тѣ, которые не чувствуютъ за собой силъ выполнить это, пусть выходятъ въ отставку: — это будетъ честнѣе“.

Горячо откликнулись на этотъ призывъ молодые офицеры Черноморскаго флота.

Они стали собираться въ свободное отъ службы время въ залѣ Морского Собранія. Началось на дѣлѣ единеніе офицерской среды, вдохновленной искреннимъ желаніемъ идти на встрѣчу всѣмъ нуждамъ, устраняя недочеты жизни флота. Среди личнаго состава почувствовалось пониманіе трудности своего настоящаго положенія, энергія и бодрость духа значительно

поднялись. Казалось, настала минута, когда духъ человѣка можетъ творить чудеса...

Офицеры ясно сознавали губительную рознь съ нижними чинами и возникавшія отсюда вредныя послѣдствія. Нижніе чины уже не вѣрили своимъ начальникамъ, они враждебно относились къ нимъ, не допуская возможности со стороны ихъ добраго, искренняго отношенія къ себѣ. Это недовѣріе, естественно, влекло неуваженіе къ начальству и паденіе дисциплины, что въ свою очередь вело къ возмущенію и бунту. Необходимо было поднять упавшую вѣру въ начальниковъ, возстановить добрую связь нижнихъ чиновъ съ офицерами,—задача въ то время не легкая...

Разрѣшая собранія, главный командиръ понималъ, что беретъ на себя большую отвѣтственность. Только человѣкъ громадной силы духа, каковымъ былъ адмиралъ, могъ рѣшиться на такой шагъ. Слишкомъ зыбкою почвой для такихъ собраній представлялась офицерская среда, окруженная общимъ броженіемъ и спутанностью понятій. Но адмиралъ спокойно допустилъ офицеровъ собираться и свободно высказываться въ тѣсномъ кругу своей морской семьи. Онъ вѣрилъ, что среди нихъ живы примѣры высокихъ подвиговъ чести, долга и самопожертвованія, о чемъ, безъ сомнѣнія, свидѣтельствовали случаи доблести и мужества въ минувшую войну и въ дни еще болѣе тяжелые—смуты и бунтовъ, которыя особенно ярко выразились въ поступкахъ погибшихъ лейтенантовъ Тона, Григоркова, капитана 2 ранга Гиляровскаго и др.

Эти идеалы воинской чести адмиралъ, проникнутый рыцарскимъ духомъ, ставилъ высоко и умѣлъ цѣнить. На немъ основывалъ онъ силу твердаго, сознательнаго сліянія всего личнаго состава флота. Онъ былъ убѣжденъ, что обществу офицеровъ не достаетъ только опытнаго, стойкаго руководителя и смѣло взялъ на себя эту роль. Онъ съумѣлъ дать этимъ впервые организованнымъ офицерскимъ собраніямъ высоко-благородное направленіе, ставъ какъ-бы душою того энергичнаго проявленія сильнаго духа, который вдохновлялъ всю молодежь.

Всѣ добрыя побужденія находили въ адмиралѣ твердую

опору. Съ живымъ интересомъ выслушивая мнѣнія и взгляды каждаго изъ собесѣдниковъ, онъ умѣлъ расположить ихъ высказываться откровенно и въ своемъ обмѣнѣ мыслями проявлялъ такое благородство души, такую стойкость во взглядахъ, что нельзя было не видѣть, что адмиралъ останется до конца вѣренъ долгу и чести; нельзя было и не чувствовать глубины его скорби по поводу печальныхъ событій минувшей войны и позорнаго оскорбленія, нанесеннаго Андреевскому флагу.

Предсѣдателю офицерскихъ собраній адмираломъ было разрѣшено являться съ докладомъ непосредственно, при первой необходимости, не соблюдая установленной очереди. Все это показываетъ, насколько адмиралъ придавалъ значеніе этимъ собраніямъ, которыя имѣли для него, какъ вдумчиваго наблюдателя, большой, серьезный интересъ.

Среди горячихъ споровъ, откровенно высказывавшихся взглядовъ, онъ могъ близко ознакомиться со всѣмъ офицерскимъ составомъ Черноморскаго флота и составить о каждомъ отдѣльно свое, всегда строго обдуманное мнѣніе.

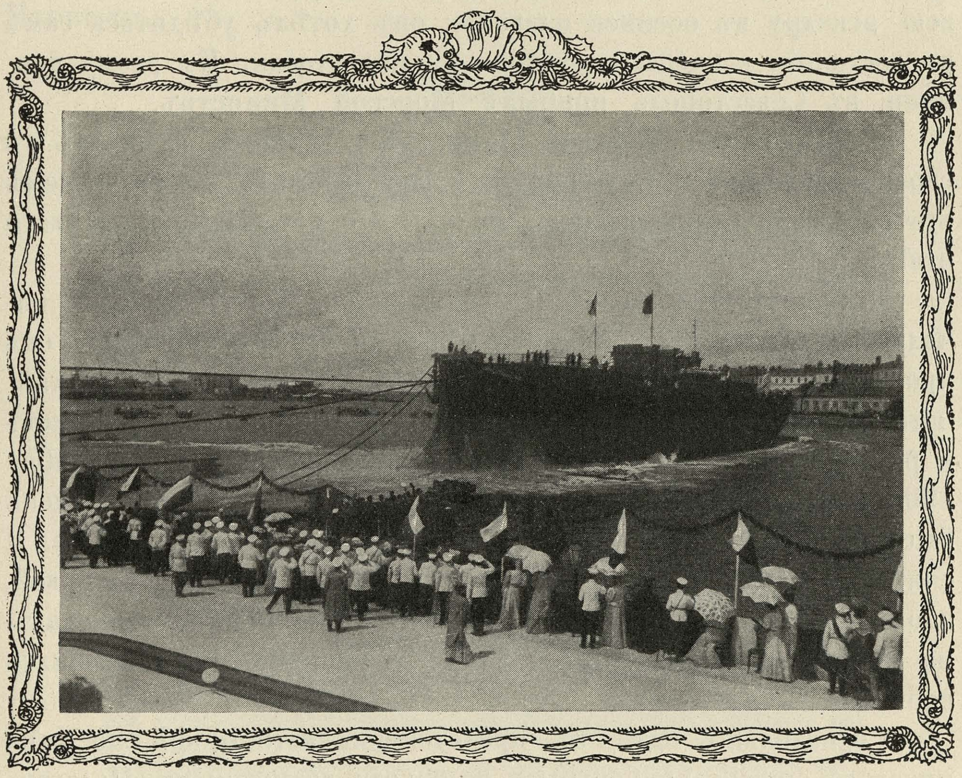
Дѣятельность организованныхъ собраній выразилась, главнымъ образомъ, въ учрежденіи лекціоннаго комитета *). Идея послѣдняго была выработана группой энергичной молодежи, которая горячо принялась осуществлять ее на дѣлѣ. Начались объяснительныя чтенія образовательнаго характера, знакомящія съ родной исторіей и поднимающія патріотизмъ, и разумныя и правдивыя толкованія современныхъ событій. Лекторы дѣлали предварительные доклады своихъ лекцій общему собранію, которое ихъ обсуждало, и, такимъ образомъ, дѣло развитія нижнихъ чиновъ, знакомство и сближеніе съ ними офицерскаго состава стало общимъ для всѣхъ воодушевляющимъ стремленіемъ.

Среди всей этой разносторонней дѣятельности по умиротворенію края, по поддержанію закона и власти, адмиралъ не упускалъ изъ виду и своихъ заботъ по порту. При всякомъ

.

*) Протоколы офицерскихъ собраній хранятся и по-нынѣ въ Севастопольскомъ Морскомъ Собраніи и для желающихъ ознакомиться точнѣе и подробнѣе съ ихъ содержаніемъ представляютъ полную возможность.

случаѣ посѣщая порта Чернаго моря, обращалъ вниманіе на ихъ нужды. Имѣя опытъ по Владивостоку, онъ замѣтилъ, что нѣкоторыя постройки не имѣютъ опредѣленнаго систематическаго плана и заставилъ подробно разобраться во всемъ этомъ, опредѣливъ, что должно быть сдѣлано въ первую очередь, что можетъ быть отнесено на послѣдующіе годы. Какъ на весьма важную мѣру, которую адмиралу хотѣлось провести, надо указать на устройство въ Киленбухтѣ угольной пристани, къ которой бы могли подходить броненосцы и грузиться углемъ, что было-бы крайне важно для болѣе быстрой погрузки угля. Желая обезпечить Черноморскій флотъ хорошимъ топливомъ русскаго производства, адмиралъ приказалъ произвести испытанія угля и брикетовъ на одномъ миноносцѣ, результатомъ чего и было введеніе брикетовъ русскаго производства.

Спускъ броненосца „Іоаннъ Златоустъ“ 30-го апрѣля 1906 г.

Для удешевленія доставки угля изъ Маріуполя были куплены два парохода, которые въ навигаціонное время должны были доставлять въ портъ уголь, а также и на суда эскадры въ бытность ея внѣ Севастополя.

Вполнѣ сознавая необходимость обученія личнаго состава, адмиралъ настивалъ, чтобы суда эскадры плавали, какъ можно, болѣе, а не только 4 мѣсяца въ году. Признавая необходимость имѣть линейный флотъ въ Черномъ морѣ и озабочиваясь имѣть для этого флота надежную базу, адмиралъ считалъ необходимымъ перенести военный портъ изъ Южной бухты въ Инкерманъ и для этой цѣли предложилъ главному инженеру представить проектъ оборудованія порта. Адмиралъ уже лелѣялъ мечту объ осуществленіи этого плана,—но Богъ судилъ иначе...

Отстоявъ продолженіе кампаніи судовъ въ самое тяжелое время, адмиралъ нашелъ настоятельно необходимымъ послать всю эскадру въ осеннее плаваніе; онъ хотѣлъ убѣдиться самъ въ состояніи эскадры и степени ея подготовки. Къ этому времени въ Севастополь прибылъ Морской Министръ.

...„Пріѣхалъ Морской Министръ",—пишетъ адмиралъ въ своемъ дневникѣ — ему придется все доложить снова, о чемъ втеченіе года безпрерывно доношу и что остается безъ всякаго отвѣта и распоряженій.

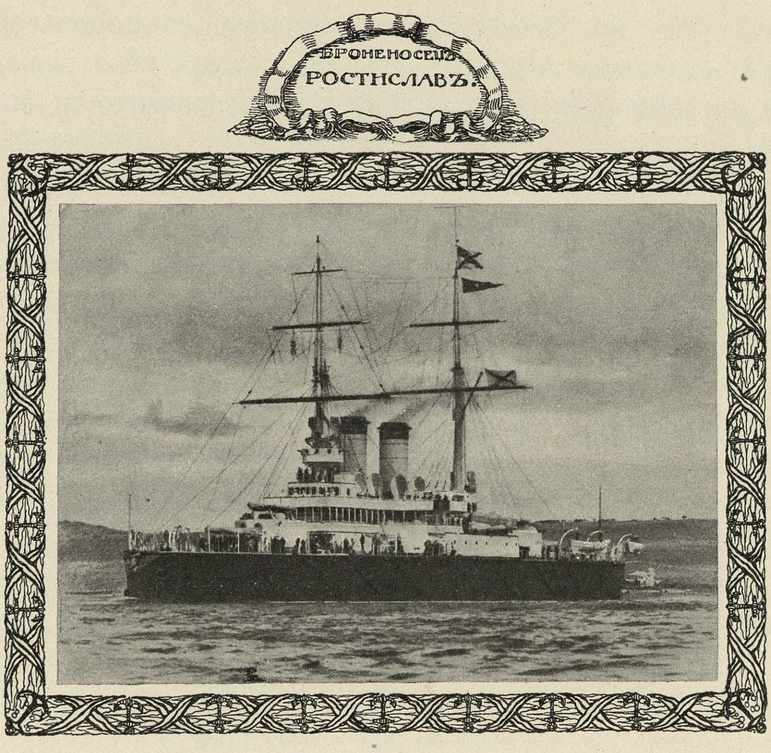
Революціонное движеніе усиливается. Ежели высшее начальство не желаетъ принять мѣръ къ огражденію флота отъ пропаганды и своевременнаго раскрытія руководителей, то отвѣчать за то, что можетъ случиться черезъ полгода, а можетъ и ранѣе, нельзя. Я предсказалъ въ своемъ рапортѣ 13-го ноября 1904 г. № 30 будущія событія, которыя, къ несчастью, очень быстро оправдались, долженъ и теперь предсказать то же. Я считаю долгомъ предупредить и указать, чтобы вина въ новой, яко-бы неожиданной, катастрофѣ, не легла на мое имя, какъ, на непринимавшаго мѣръ къ предотвращенію надвигавшихся событій.

Сознательно идти къ предстоящей катострофѣ, не имѣя никакого оружія для борьбы,—не нахожу возможнымъ. Полагаю, что это должно будетъ меня подвинуть къ удаленію съ зани-

маемаго поста не для какой иной цѣли, какъ для показанія твердаго убѣжденія въ правильности взглядовъ на положеніе дѣла. Нести позоръ бездѣйствія, который возложится, если не на меня лично, такъ какъ я едва-ли останусь живъ, то на мое имя, я не желаю переносить, не желаю, чтобы мое имя въ исторіи было связано съ позорнымъ бездѣйствіемъ власти.

Ежели здѣсь не будетъ уничтожено **революціонное гнѣздо и выселены евреи**, такъ какъ фактически вѣрно, что подготовки морскихъ командъ къ возстаніямъ производятся **евреями**, всѣ противоправительственныя сходки устраиваются ими, для каковой цѣли они имѣютъ постоянный пріѣздъ изъ Одессы, то надо приготовиться къ жалкому влаченію существованія флота"...

10-го октября адмиралъ поднялъ флагъ Командующаго флотомъ на броненосцѣ „Ростиславъ", куда и прибылъ Морской Министръ.

11-го октября, въ 8 час. утра, эскадра въ составѣ броненосцевъ: „Ростиславъ“, „3 Святителя“, „12 Апостоловъ“, „Императрица Екатерина II“, „Синопъ“ и „Чесма“, миннаго крейсера „Капитанъ Сакенъ“, эскадренныхъ миноносцевъ: „Завидный“, „Строгій“, „Стремительный“, „Завѣтный“, „Свирѣпый“ и „Смѣтливый“, миннаго транспорта „Дунай“ и парохода „Эриклікъ“—вышла въ море.

Русскихъ людей невидимо для нихъ евреи ведутъ къ междуусобной войнѣ къ самоуничтоженію на чемъ они хотятъ устроить свою силу.

Изъ донесенія Г. П. Чухнина отъ 17-го ноября 1905 г.

Революціонное движеніе, отозвавшееся по всей Россіи и проявившее себя яркими вспышками среди военныхъ командъ, не могло не отразиться на состояніи умовъ большинства. Ослабшіе нравственные устои, съ одной стороны, моральное воздѣйствіе террора, съ другой—дѣйствовали и на представителей власти, изъ которыхъ многіе положительно терялись и не опредѣляли положенія, готовые идти на уступки. Еще болѣе неустойчивые принципы нравственности мало-культурной сѣрой массы людей, у которыхъ экономическіе вопросы невольно ставились жизнью на первый планъ, тѣмъ менѣе способны были оградить ее отъ заманчивыхъ обѣщаній, сулившихъ имъ рай земной. Наконецъ, люди совершенно безпринципные, удерживаемые въ предѣлахъ законности только сознаніемъ существованія надъ собой сильной и твердой власти, готовы были всегда встать на ту сторону, гдѣ будетъ сила. И революціонеры отлично знали подобное положеніе среды, въ которой имъ приходилось дѣйствовать.

Высочайшій манифестъ 17-го октября, возвѣщавшій о дарованіи свободъ и народнаго представительства, подлежавшихъ

еще пройти въ жизнь закономѣрнымъ путемъ, всколыхнулъ всю Россію отъ края до края, наполнивъ сердца сыновъ ея, только что пережившихъ тяжелую войну и испытавшихъ революціонное движеніе, самой глубокой признательностью къ обожаемому Монарху. Громадный подъемъ духа, неудержимый восторгъ были послѣдствіями этого акта Высочайшей милости. Естественно, что весь народъ стремился выразить какимъ бы то ни было образомъ нахлынувшія на него чувства. Народную массу въ такомъ приподнятомъ состояніи духа легко было двинуть, какъ на великія дѣла, такъ и на самыя низменныя. Среди массы темныхъ людей явились толкователи свободъ, объяснявшіе, что актъ 17-го октября—уже законъ и имъ все предыдущее упразднено и допускается немедленное заявленіе какихъ угодно требованій. Они пользовались тѣмъ, что охватившія народъ чувства затемняли его разумъ,—и направляли толпу, куда было желательно **анархистамъ** и **жидамъ**.

Съ другой стороны неожиданность акта была полная. Онъ засталъ неподготовленными и тѣхъ лицъ, которымъ надобно было установить немедленно всю планомѣрность вводимаго закона, управлять, командовать и примѣнять самый законъ въ повседневной жизни. Безъ этого, ясно, толкованіе закона могло быть самое произвольное и широкое, что и оказалось на дѣлѣ...

Адмиралъ во время объявленія манифеста былъ еще въ морѣ съ эскадрой и прибылъ на рейдъ только 19-го октября въ 4 часа дня.

Только вступивъ, по спускѣ флага Командующаго флотомъ, снова въ управленіе дѣлами военнаго генералъ-губернатора, адмиралъ узналъ, какъ о самомъ манифестѣ, такъ и о происшедшемъ наканунѣ у тюрьмы насиліи толпы, требовавшей освобожденія политическихъ заключенныхъ, при усмиреніи которой было убито изъ толпы двое, умерло отъ ранъ четверо, тяжело раненыхъ было четырнадцать и нѣсколько легко раненыхъ. При этомъ адмиралу доложили, что все въ городѣ тихо и что на сегодня назначенъ митингъ.

Такимъ образомъ, мѣстныя власти находили, что ни насилія у тюрьмы, ни назначеніе кѣмъ-то митинга ничего особаго

яко-бы не составляетъ и все обстоитъ благополучно..., потому что въ городѣ тихо. Изъ доклада о происшедшемъ у тюрьмы выяснилось, что по объявленіи манифеста народъ сталъ собираться на улицахъ громадными толпами, потомъ всѣ сошлись на приморскомъ бульварѣ, гдѣ игралъ оркестръ 28-го экипажа, который заставляли сначала играть гимнъ, а потомъ окружили и принудили идти за толпой. На улицахъ заставляли оркестръ уже исполнять марсельезу, при чемъ настроеніе толпы поднималось все болѣе и болѣе. Къ вечеру толпа достигала уже нѣсколькихъ тысячъ: среди нея слышались крики, пѣлись революціонныя пѣсни. Затѣмъ эта толпа по Херсонской улицѣ направилась къ зданію тюрьмы, гдѣ говорились зажигательныя рѣчи, потомъ стала требовать освобожденія политическихъ заключенныхъ. Пришлось вызвать войска. Толпа, напиравшая на ворота, ворвалась во дворъ, гдѣ была встрѣчена ружейнымъ огнемъ, послѣ чего тотчасъ же разбѣжалась, оставивъ убитыхъ и раненыхъ.

Участіе революціонеровъ въ этомъ дѣлѣ не оставляло ни малѣйшаго сомнѣнія.

Но каково же было удивленіе адмирала, когда на другой день онъ получилъ письмо отъ городского головы, въ которомъ послѣдній просилъ отпустить нижнихъ чиновъ, сочувствующихъ демонстративнымъ похоронамъ убитыхъ у тюрьмы! Городской голова выражалъ желаніе, чтобы матросы на похоронахъ были безъ оружія.

Такое же письмо было написано городскимъ головою и капитану надъ портомъ съ просьбою освободить мастеровыхъ.

Оказалось, что хоронить предполагалось убитыхъ: матроса, стоявшаго во главѣ бунтовавшей толпы, и двухъ солдатъ брестскаго полка, и что похороны устраивали соціалъ-революціонеры при благосклонномъ участіи городского управленія.

Адмиралу вмѣстѣ съ тѣмъ доложили, что городъ гарантируетъ порядокъ, который будетъ поддерживаться выборными, а потому просятъ войскъ не назначать. Далѣе адмиралу сообщалось, что на основаніи свободъ городъ находится во власти революціонеровъ, что полиція устранена, замѣнена городской милиціей,

участки заперты, полиціймейстеръ выѣхалъ изъ города, такъ какъ наканунѣ ему угрожали смертью, что, наконецъ, дума взяла на себя роль революціоннаго трибунала. Адмиралу представленъ былъ и журналъ засѣданія думы отъ 19-го октября, подписанный городскимъ головою и другими лицами.

Ввиду существующей анархіи адмиралъ собираетъ 21 числа въ 9 часовъ утра военный совѣтъ всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей арміи и флота, на которомъ, на основаніи постановленій засѣданія думы 19-го октября, объявляетъ дѣйствія ея незаконными, возстановляетъ законную полицію и законные порядки. Адмиралъ объявляетъ, что, если не удастся возстановить прежнюю власть, онъ введетъ военное управленіе, раздѣливъ городъ на 7 участковъ, гдѣ назначитъ особыхъ военныхъ начальниковъ, которые будутъ дѣйствовать согласно законамъ по охранѣ города и порядка и возьмутъ на себя обязанности гражданской власти, если таковая откажется управлять. Затѣмъ адмиралъ требуетъ къ себѣ городского голову и членовъ управы, повторяетъ вышесказанное, объявляетъ, что возстановляетъ законные порядки. Городскому головѣ объявляетъ, что имѣетъ въ своихъ рукахъ такую власть, которая немедленно положитъ конецъ всякой его вредной дѣятельности, если онъ только будетъ продолжать ее.

Къ адмиралу являлись и лица, прямо заявлявшія себя депутатами революціонеровъ; съ полной увѣренностью, что теперь все возможно, они требовали права митинговъ, предлагали свою милицію. Адмиралъ разрѣшилъ имъ митинги только на основаніи объявленія 14-го октября, а милицію приказалъ упразднить.

Несомнѣнно, что революціонеры имѣли основаніе видѣть въ адмиралѣ сильнаго и опаснаго для себя врага и оцѣнили вполнѣ его разрушающую ихъ дерзкіе планы дѣятельность.

Революція ускорила свои шаги и разразилась безумнымъ и грознымъ ноябрьскимъ возмущеніемъ.

Въ тотъ же день адмиралъ объявилъ „Воззваніе къ гражданамъ Севастополя", гдѣ, призывая вспомнить свой долгъ передъ родиной и помочь прекращенію смуты, высказывалъ убѣж-

деніе, что Высочайшій манифестъ 17-го октября, какъ слово любящаго Монарха, найдетъ живой откликъ въ ихъ сердцахъ, что они радостно и единодушно приступятъ къ занятіямъ и труду, что онъ, какъ представитель мѣстной государственной власти, считаетъ долгомъ напомнить имъ, что никакое нарушеніе существующаго закона не можетъ быть допустимо впредь до измѣненія его въ законодательномъ порядкѣ, ибо только уваженіе къ закону обезпечиваетъ свободную и спокойную дѣятельность каждаго члена благоустроеннаго общества. Далѣе адмиралъ подтверждалъ, что охрана свободы и имущества гражданъ отъ всякаго насилія по-прежнему лежитъ на обязанности государственной полиціи, которая при осуществленіи этой охраны располагаетъ во всякое время военной силой. Допуская по Высочайше утвержденнымъ правиламъ 12-го октября собранія, адмиралъ напоминалъ, что закономъ запрещается публичное произнесеніе рѣчей, возбуждающихъ къ бунту или учиненію преступленій, къ неповиновенію или противодѣйствію закону, обязательному постановленію, либо законному распоряженію власти, къ возбужденію одной части населенія противъ другой.

Такимъ твердымъ языкомъ могъ говорить только тотъ, кто признавалъ, что не сдѣлаетъ шага назадъ.

Нельзя не привести по этому поводу отзыва на это простыхъ русскихъ людей. Крестьяне Геническа и сосѣднихъ съ нимъ селъ и деревень прислали адмиралу письмо 28-го октября, въ которомъ благодарили его за воззваніе къ гражданамъ Севастополя, приведшаго ихъ въ восторгъ твердостью непреклонной воли и ясно выраженной силой власти. Съ трогательною простотой своей души они писали: „еслибы было побольше такихъ какъ Вы, то никакихъ бы безпорядковъ не было“... Далѣе они рисовали свое ужасное **положеніе отъ еврейскаго засилья и вообще евреевъ**, которые оскорбляютъ ихъ народное чувство издѣваясь, что теперь, они, крестьяне, должны будутъ служить имъ; также, что всѣ ихъ русскія дѣвушки будутъ къ услугамъ евреевъ, которымъ они, крестьяне, должны будутъ цѣловать руки. Всѣ евреи постоянно ходили съ красными флагами, сво-

ими издѣвательствами вызвали погромъ, поэтому крестьяне просили защиты отъ **произвола евреевъ и еврействующихъ**.

Патріотическая манифестація горожанъ, назначавшаяся на 22-ое октября, по совѣту адмирала, во избѣжаніе новыхъ безпорядковъ революціонеровъ, была отмѣнена и вмѣсто нея, по просьбѣ горожанъ, была послана адмираломъ Государю Императору, послѣ торжественнаго молебствія, всеподданнѣйшая телеграмма, въ которой выражалась безпредѣльная благодарность за дарованныя Высочайшія милости, высказывалось все чувство любви къ Государю Императору и дорогой каждому родинѣ, любви, въ которой есть та сила, которую никто не въ состояніи преодолѣть. Телеграмма заканчивалась изъявленіемъ готовности пожертвовать за Государя и родину всѣмъ, что имѣютъ, жизнью и всѣмъ достояніемъ.

Въ этотъ же день адмиралъ проѣзжаетъ по городу, чтобы убѣдиться въ его настроеніи, посѣщаетъ приморскій бульваръ, гдѣ происходилъ митингъ, и, ввиду общаго спокойствія въ городѣ, убираетъ съ улицъ войска. Появленіе адмирала на улицахъ и его распоряженіе удалиться войскамъ вноситъ успокоеніе, и первые за этимъ дни, видимо, проходятъ покойно.

Какъ мало, однако, можно было надѣяться на это успокоеніе, зналъ, конечно, болѣе всего адмиралъ...

24-го октября, казалось, безъ всякаго повода начались въ порту незаконныя требованія объ удаленіи изъ порта одного мастера. Ему грозили смертью, говорили дерзости, вообще вели себя вызывающе, видимо, хотѣли дать поводъ, чтобы была примѣнена сила. Ясно, что это шло по указаніямъ откуда-то, было исполненіемъ общаго революціоннаго плана. Необходимо припомнить, что еще наканунѣ начались въ Кронштадтѣ также первыя попытки къ возстанію съ убійствомъ офицеровъ, о чемъ не знали здѣсь въ то время и не могли знать оффиціально.

Въ это время, въ еще наружно спокойномъ Севастополѣ, какъ отзвуки отдаленныхъ раскатовъ надвигающейся грозы, проносились вѣсти и слухи о погромахъ, убійствахъ и бомбахъ по всей Россіи... Чувствовалось напряженное состояніе атмосферы,

доходившей у многихъ до галлюцинацій... Стоустая молва передавала изъ конца въ конецъ самые чудовищные слухи. Адмиралъ, конечно, хорошо понялъ причины волненій въ порту и захотѣлъ лично ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, приказалъ собрать мастеровыхъ шумѣвшей мастерской, явился къ нимъ и объявилъ, что не допуститъ въ порту политики и немедленно закроетъ портъ, если они будутъ производить какіе-либо безпорядки. Адмиралу отвѣчали очень дерзко, вызывающе, криками „долой мастера"!—и стереотипными фразами революціонной стряпни. Какъ всегда, адмиралъ твердо сказалъ, что мастера не удалитъ, не допуститъ его удалить имъ самимъ, а при попыткѣ къ этому закроетъ портъ.

Слово адмирала не осталось безъ воздѣйствія: волненіе улеглось и болѣе вопроса объ этомъ не поднималось.

Необходимость отпустить на берегъ команду съ эскадры заставляетъ адмирала рѣшиться уволить ее въ городъ на 26, 27, 28 и 30-ое октября, тѣмъ болѣе, что она съ 11-го октября все время оставалась на судахъ. Адмиралъ хотѣлъ видѣть, какъ она будетъ вести себя на берегу.

Эта проба гармонировала съ принятымъ рѣшеніемъ адмирала никакимъ образомъ не проявлять колебаній, что само по себѣ должно служить моральнымъ ободряющимъ воздѣйствіемъ на состояніе умовъ обывателей, такъ и самымъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ для революціонной партіи, что власть не колеблется и располагаетъ всегда духовной и матеріальной силой.

Вмѣстѣ съ тѣмъ адмиралъ въ приказѣ объявляетъ запрещеніе нижнимъ чинамъ посѣщать сходки, дѣлаетъ распоряженіе, чтобы при разрѣшеніи сходокъ частнымъ лицамъ высылались къ мѣсту собраній воинскія части въ составѣ полуротъ отъ морскихъ и сухопутныхъ частей при офицерахъ, для наблюденій за исполненіемъ его приказа со стороны нижнихъ чиновъ. Одновременно съ этимъ адмиралъ предлагаетъ г.г. офицерамъ разъяснить нижнимъ чинамъ, что они не имѣютъ права участвовать ни въ какихъ политическихъ партіяхъ, что не допускается даже въ республикахъ. Предложивъ офицерамъ обсу-

дить этотъ вопросъ всесторонне на общемъ собраніи ихъ, чтобы выработать одинъ общій планъ, на одномъ собраніи присутствовалъ лично, чтобы дать директивы. По поводу полученныхъ тогда свѣдѣній о бунтѣ въ Кронштадтѣ адмиралъ находитъ необходимымъ, чтобы офицеры разъяснили все, не закрывая глазъ, командамъ, что произошло въ Кронштадтѣ, куда приводитъ толпу темныхъ людей толкованіе свободъ столь великаго акта, какъ Высочайшій манифестъ, революціонерами, что живое слово офицеровъ, основанное на истинномъ значеніи ихъ, дѣйствуя на чувства долга и національной гордости, пробудитъ истинное самосознаніе русскихъ людей и послужитъ противовѣсомъ всѣмъ злонамѣреннымъ толкованіямъ.

Съ объявленіемъ кронштадтскихъ событій въ телеграммахъ и газетахъ, быстро распространявшихся въ населеніи, общее настроеніе командующаго элемента все болѣе падало духомъ и адмиралу требовалось много нравственныхъ силъ, чтобы сдерживать самыя удручающія предположенія и волненія въ умахъ даже своихъ ближайшихъ помощниковъ...

Ободренные тѣмъ же революціонеры начинаютъ позволять себѣ на митингахъ самыя противоправительственныя рѣчи, что еще болѣе волновало населеніе, и адмиралъ приказомъ отъ 1-го ноября напоминаетъ объ отвѣтственности за произнесеніе рѣчей, направленныхъ къ низверженію государственнаго строя, и сходки разрѣшаетъ только въ закрытыхъ помѣщеніяхъ. Это вызываетъ цѣлую бурю въ революціонной партіи. Къ адмиралу являются депутаты съ протестомъ и чуть не съ угрозами о томъ, что н а р о д ъ будетъ этого добиваться силою. Адмиралъ спокойно отвѣтилъ, что проситъ не угрожать, такъ какъ противъ силы съумѣетъ противопоставить силу. Тогда ему начинаютъ говорить, что адмиралъ не такъ понялъ, но что, молъ, народъ ищетъ обмѣна мыслей, желаетъ объясненій и отказать въ этомъ нельзя. Адмиралъ предлагаетъ имъ воспользоваться закрытымъ помѣщеніемъ, а именно Народнымъ Домомъ, но депутаты высказываютъ опасенія къ собраніямъ тамъ, вспоминая случаи въ Томскѣ и Ѳеодосіи, и снова ссылаются на необходимость обмѣна мыслей, на что адмиралъ указалъ,

что если бы ораторы въ дѣйствительности оспаривали и опровергали возраженія другихъ, онъ видѣлъ бы въ этомъ борьбу и противодѣйствіе, на самомъ дѣлѣ происходитъ не то, дѣлается и ведется проповѣдь о разрушеніи государственности, чего онъ никогда не допуститъ.

Не желая разжигать страсти и опираясь на необходимость, указываемую депутатами, обмѣна мыслей, адмиралъ разрѣшаетъ имъ только подъ этимъ условіемъ снова сходки подъ открытымъ небомъ, подъ законной отвѣтственностью, какъ ораторовъ, такъ и устроителей сходокъ, зная, что обмѣнъ мнѣній вызоветъ и возраженія, которыя всегда ослабятъ впечатлѣніе и не допустятъ односторонности проповѣдей крайнихъ партій. Адмиралъ оказался и здѣсь глубоко правъ. Сходки получили характеръ преній, являлись пререканія, переходившія въ перебранку, и собственно никогда не приводили ни къ чему, такъ какъ изъ пререканій нельзя было вывести ничего опредѣленнаго.

Неудачи въ этомъ отношеніи вызываютъ въ партіи новое противодѣйствіе общему порядку. Массы еврейской молодежи занялись организаціей забастовокъ среди различныхъ ремесленниковъ, мастеровыхъ цѣховъ, работниковъ, приказчиковъ и, наконецъ, прислуги. Они ходили по домамъ и требовали прекращенія работъ, какъ выраженія протеста. Когда забастовка начала грозить серьезными послѣдствіями, адмиралъ выпускаетъ „обращеніе къ гражданамъ города Севастополя", въ которомъ говоритъ, что устраивающіе забастовку не признаютъ свободы личности и законъ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ ихъ дѣйствіямъ. Предлагая гражданамъ самимъ указывать на тѣхъ лицъ, которыя посягаютъ на ихъ свободу, адмиралъ объявляетъ и степень взысканія, полагающуюся по закону. Все мало-помалу приходитъ въ порядокъ и отношенія между спросомъ и предложеніемъ труда налаживаются.

Другимъ воздѣйствіемъ со стороны тѣхъ же партій была организація среди босяковъ и тому подобнаго люда цѣлой группы лицъ, стремившихся всѣми мѣрами вызвать военныхъ чиновъ на дѣйствія противъ нихъ, позволяя себѣ оскорбительныя замѣчанія или обращенія къ нимъ. Адмиралъ отвѣтилъ

другимъ воззваніемъ къ гражданамъ, также объясняя значеніе свободы слова и опредѣляя взысканіе за оскорбленіе военныхъ.

Положеніе становилось все труднѣе.

Получены были свѣдѣнія, что несмотря на мѣры, принятыя адмираломъ, устраиваются сходки съ нижними чинами и что таковыя собираютъ иногда значительное число ихъ. Начальство, которому поручалось слѣдить за этимъ, терялось и считало себя безсильнымъ противодѣйствовать и даже опаснымъ: такъ это и докладывалось ими адмиралу. Организаторами сходокъ всегда были **евреи**, часто изъ лицъ свободныхъ профессій, пользовавшихся въ городѣ извѣстнымъ положеніемъ, но ускользавшими отъ преслѣдованія вслѣдствіе растерянности, нерѣшительности начальниковъ и боязни за себя со стороны евреевъ и крайнихъ партій.

Послѣдняя сходка, гдѣ было особенно много замѣчено нижнихъ чиновъ, точно не опредѣлено какихъ частей, заставляетъ адмирала въ тотъ же день 10-го ноября собрать у себя на совѣщаніе начальниковъ всѣхъ военныхъ частей и адмираловъ. На немъ было рѣшительно высказано, что пѣхотныя части ненадежны, ввиду большого числа запасныхъ: до 400 человѣкъ въ Брестскомъ полку и до 1.000 человѣкъ въ крѣпостной артиллеріи, которые деморализуютъ остальныхъ,—и на случай дѣйствія оружіемъ съ ихъ стороны разсчитывать нельзя.

Такимъ образомъ, ускользала изъ рукъ надежда на сухопутную силу...

А время шло своимъ чередомъ, и утро 11-го числа рѣзко поставило границу между прошлымъ и наступающимъ.

Утромъ одиннадцатаго числа было получено свѣдѣніе, что запасные крѣпостной артиллеріи вызвали коменданта и начальника артиллеріи и потребовали немедленнаго увольненія ихъ въ запасъ, объявивъ, что не будутъ употреблять оружія и не пойдутъ въ караулъ. Увѣщанія начальства не привели ни къ чему.

Полиціймейстеръ доложилъ, что въ 5 часовъ назначена у казармъ Брестскаго полка сходка.

Адмиралъ назначаетъ къ мѣсту сходки двѣ боевыхъ роты

отъ нижнихъ чиновъ флотской дивизіи, поручая общее наблюденіе контръ-адмиралу Писаревскому, которому даетъ инструкцію примѣнять оружіе только въ случаѣ безпорядковъ, а по возможности дѣйствовать холоднымъ оружіемъ. Контръ-адмиралъ Писаревскій отправляется въ дивизію для распоряженій. Къ нему является штабсъ-капитанъ Брестскаго полка Штейнъ и въ тотъ моментъ, когда послѣдній докладывалъ, что привелъ свою роту, матросъ Петровъ изъ патруля ранитъ выстрѣломъ изъ ружья контръ-адмирала Писаревскаго въ плечо и тяжело ранитъ штабсъ-капитана Штейна, умершаго на другой день. Тогда толпа матросовъ человѣкъ въ 200 съ криками двинулась къ дивизіи, потребовала освобожденія арестованнаго Петрова. Несмотря на увѣщанія бывшихъ тамъ экипажныхъ командировъ, толпа неистовствовала, угрожала разгромомъ зданія дивизіи и обѣщала успокоиться, если Петровъ будетъ отпущенъ. Въ то время входила въ дивизію рота Брестскаго полка. Толпа бросилась на нее, отобрала ружья и, вооружившись ими, разбѣжалась выгонять на дворъ нижнихъ чиновъ, не желавшихъ до этого принимать участія въ безпорядкахъ. Часть команды убѣжала изъ дивизіи, остальную принудили остаться силой. Не помогли увѣщанія только что прибывшаго туда, по приказанію адмирала, Начальника штаба.

Рота учебной команды, бывшая при адмиралѣ Писаревскомъ, послѣ случая съ нимъ, отказалась зарядить ружья и ее увели обратно. Ничего не сдѣлали и не помогли и сухопутныя роты, также отведенныя въ свои части.

Тогда, оставшись хозяевами положенія, мятежники повели себя уже открыто. Несмотря на несочувствіе многихъ, они заняли своими часовыми всѣ выходы, захватили въ свои руки телефоны. Между тѣмъ, ими безпрепятственно впускались во дворъ постороннія лица, изъ которыхъ многія были переодѣты въ матроское платье, появлялись **евреи** и **еврейки** и начались рѣчи. Въ то же время началась сходка между Корниловскими и Брестскими казармами, на которую уже безпрепятственно приходили нижніе чины.

Приказаніе адмирала Брестскому полку выставить заслонъ

изъ двухъ ротъ для прекращенія сообщеній казармъ съ городомъ, не было исполнено.

Въ этотъ день, 11-го ноября, на военномъ совѣтѣ у адмирала начальники подтвердили, какъ и на первомъ совѣщаніи, что не надѣятся на свои части, которыя заявили, что оружія противъ матросовъ употреблять не будутъ; кромѣ того, выяснилось, что днемъ артиллерійскій батальонъ отказался идти въ патруль для воспрепятствованія проникнуть нижнимъ чинамъ на сходку. Слѣдовательно, власть становилась не въ силахъ предпринять какія-либо рѣшительныя мѣры...

Возвратившіеся изъ дивизіи экипажные командиры доложили, что въ общемъ команды пока держали себя вѣжливо, увѣряли, что порядковъ нарушать не будутъ, не будутъ дѣлать насилій, но желаютъ только предъявить свои требованія.

Такимъ образомъ, волненіе командъ охватывало все большія части, но характеръ его былъ всегда однороденъ. Адмиралъ понималъ, что эта однородность характера указываетъ на одинъ и тотъ же источникъ, а именно на ту же дѣятельность революціонной партіи, о чемъ онъ столько разъ писалъ ранѣе; только теперь, вылившись въ извѣстную систему, оно принимаетъ уже характеръ наступленія. Адмиралъ видѣлъ, что революціонная партія не считаетъ возможнымъ прямо вскрыть свои карты, такъ какъ не надѣется, что нижніе чины могутъ подняться противъ своего Царя, почему всю свою агитацію направляетъ на матеріальныя нужды нижнихъ чиновъ и на то, что они имѣютъ право собираться, обсуждать нужды и предъявлять требованія. Изъ самаго способа этихъ заявленій адмиралу было ясно видно, что командамъ было внушено, что если онѣ будутъ это дѣлать безъ насилій, то начальство должно будетъ уступить, какъ законному будто бы съ ихъ стороны требованію, а оружія употреблять противъ пассивнаго сопротивленія не посмѣетъ. Внушено также было, что при всемъ этомъ они—вѣрноподданные Царя.

Такой характеръ выступленій революціонной партіи, угрожавшій деморализаціей мѣстнаго гарнизона и морскихъ командъ, заставляетъ адмирала немедленно телеграфировать, чтобы, не

медля ни одного дня, были присланы большія военныя силы для подавленія движенія, производимаго военными силами, руководимыми соціальной партіей.

Въ 2 часа ночи 11-го числа вернулись послѣдніе офицеры изъ дивизіи съ тѣми же свѣдѣніями. Ночью же адмиралъ требуетъ къ себѣ начальника практической эскадры и лично передаетъ ему приказаніе послать полуроты съ судовъ для занятія пристаней, чтобы тѣмъ не допустить съ этой стороны сообщенія дивизіи съ городомъ. Желая немедленно выяснить:—какія же команды остаются вѣрными долгу и присягѣ, адмиралъ тутъ же отдаетъ приказаніе начальнику эскадры, чтобы командиры сами опросили свои команды, будутъ ли онѣ вѣрными долгу и будутъ ли дѣйствовать оружіемъ противъ мятежниковъ.

Команды судовъ заявляли, что остаются въ полномъ подчиненіи властямъ и обѣщались исполнить долгъ присяги. На броненосцѣ „Пантелеймонъ" заявили, что будутъ оказывать сопротивленіе мятежникамъ, но безъ употребленія противъ нихъ оружія, а на крейсерѣ „Очаковъ" сказали, что будутъ дѣйствовать оружіемъ только противъ хулигановъ, но не матросовъ. При этомъ команда этихъ судовъ заявляла себя вѣрноподданной.

Для воздѣйствія на состояніе умовъ команды въ дивизіи адмиралъ приказываетъ выбрать съ каждаго корабля по два лучшихъ человѣка, которые должны попытаться уговорить товарищей покориться, напомнивъ имъ о долгѣ.

Утромъ 12-го ноября мастеровые и рабочіе порта старались воспрепятствовать отправкѣ баржъ на сѣверную сторону за войсками, крѣпостнымъ батальономъ и полевой артиллеріей, которые должны были быть доставлены въ городъ. Затѣмъ, мастеровые прекратили работы и отправили депутатовъ въ дивизію.

По приказанію адмирала, въ дивизію отправляется офицеръ, чтобы уговорить команду подчиниться и внушить ей, что никакихъ требованій съ ея стороны адмиралъ не допускаетъ. На это офицеру отвѣтили, что они особыхъ требованій не предъявляютъ, не нарушаютъ порядка и только будутъ сопротивляться, пока не исполнятъ ихъ требованій, но не хотятъ кровопролитія и спросили, почему привезли въ городъ артиллерію?

Никакіе уговоры офицеровъ не привели ни къ чему: мятежники упорствовали.

Изъ дивизіи между тѣмъ пытались вести переговоры съ судами, но послѣднія не отвѣчали, чѣмъ подтверждали свое подчиненіе, оставаясь послушными.

Около полудня мятежники съ красными флагами направляются изъ дивизіи къ казармамъ Брестскаго полка, который выходитъ на встрѣчу и присоединяется къ нимъ. Въ полку въ это время находились комендантъ крѣпости и начальникъ 13 пѣхотной дивизіи, явившіеся туда, чтобы уговорить полкъ, но это имъ не удалось. Мятежники окружили ихъ и требовали, чтобы комендантъ убралъ пулеметы съ Историческаго бульвара. На отказъ въ этомъ, мятежники задержали генераловъ въ дивизіи до вечера. Соединившись съ Брестскимъ полкомъ, мятежники, сопровождаемые громадной толпой народа и военнымъ оркестромъ, двинулись къ казармамъ Бѣлостокскаго полка, гдѣ окружили стоявшій на площади Новосильцева Бѣлостокскій полкъ. Оркестръ мятежниковъ заигралъ гимнъ, полкъ взялъ на караулъ, послѣ чего командиръ полка скомандовалъ „на плечо“ и выведя его изъ толпы, отвелъ къ лагерю, гдѣ онъ, по приказанію адмирала, и остался. Сохраняя его, какъ послѣднюю силу, адмиралъ приказалъ ему не употреблять оружія до послѣдней крайности.

Выходъ мятежниковъ изъ дивизіи съ красными флагами производитъ свое впечатлѣніе на „Пантелеймонъ“. Неблагонадежный элементъ этого броненосца пользуется этимъ и поднимаетъ на броненосцѣ красный флагъ. Никакія увѣщанія командира и офицеровъ не дѣйствуютъ на команду и всѣ офицеры оставляютъ броненосецъ, согласно приказанію адмирала. Посланный адмираломъ флагъ-офицеръ объявилъ командѣ, что адмиралъ, съ поднятіемъ краснаго флага, причисляетъ команду къ мятежникамъ, считаетъ ихъ измѣнниками и клятвопреступниками, съ которыми не могутъ оставаться болѣе офицеры. Тогда разумная партія беретъ верхъ, красный флагъ спускается, его разрываютъ и выбрасываютъ за бортъ. Команда умоляетъ вернуть ей офицеровъ, обѣщаетъ быть вѣрной Государю, кля-

нется исполнять всѣ требованія начальства. Поэтому адмиралъ приказываетъ офицерамъ вернуться на броненосецъ.

Несмотря на то, что революціонеры знали состояніе гарнизона, все же главари ихъ, играя передъ горожанами роль идейныхъ борцовъ за свободу, намѣренно вели дѣло такъ, чтобы въ случаѣ столкновенія съ вѣрными долгу войсками, вина кровопролитія, въ глазахъ общества, падала на послѣднихъ. Такъ, напримѣръ, музыка мятежниковъ играла гимнъ, они сами несли военные и національные флаги, а за ними слѣдовали красные флаги съ дерзкими надписями и музыка играла марсельезу. Непосвященнымъ трудно было разобраться въ этомъ хитромъ планѣ главарей и понять въ чемъ дѣло. И такъ, зная колеблющееся состояніе гарнизона, вожди революціи все же считались съ адмираломъ, чувствуя за нимъ огромную нравственную силу. Имъ нужно было обмануть его и, по возможности, захватить въ свои руки, ибо они сознавали, что адмиралъ былъ дѣйствительнымъ представителемъ государственной власти и что онъ не остановится ни передъ чѣмъ.

Тогда руководители революціи и придумали слѣдующій планъ: уговорить адмирала разрѣшить мятежникамъ или, какъ они называли, взволнованнымъ жителямъ и рабочимъ пройтись съ музыкой по городу, неся національные флаги и этимъ какъ бы выразить свою приверженность Государю и родинѣ. На самомъ же дѣлѣ подъ этой маской скрывался планъ прорыва въ городъ, въ случаѣ же вооруженнаго столкновенія вина падала бы на адмирала, такъ какъ мятежники должны были идти безъ оружія. Для переговоровъ былъ командированъ нѣкій учитель Мельниковъ, который явился въ домъ Главнаго Командира передъ тѣмъ, какъ толпа манифестантовъ тысячъ въ 5 — 6 отъ Брестскихъ казармъ собиралась пойти въ городъ. Адмиралъ принялъ его спокойно и спросилъ, что желаетъ отъ него учитель? Послѣдній, краснѣя и путаясь, началъ объяснять, что для предупрежденія кровопролитія и возможности столкновеній онъ проситъ адмирала пропустить въ городъ мирную, какъ онъ называлъ, манифестацію рабочихъ.

— Если это будетъ „мирная“ манифестація, то я ее, конечно, разрѣшу—отвѣтилъ адмиралъ.

— Ваше Превосходительство, манифестація будетъ совершенно мирная, только будутъ флаги съ немного вызывающими надписями—возразилъ учитель.

— Въ мирной манифестаціи вызывающихъ надписей на флагахъ не можетъ быть; это уже не мирная манифестація и я ее не допущу—произнесъ адмиралъ твердымъ и спокойнымъ голосомъ.

— Неужели Вы, Ваше Превосходительство, прикажете стрѣлять?

— Да, былъ отвѣтъ. Впрочемъ вы, сказалъ адмиралъ, пристально глядя на учителя, знаете даже лучше меня силы оставшихся вѣрныхъ долгу солдатъ, но помните, что въ случаѣ малѣйшей попытки мятежниковъ перейти въ наступательное дѣйствіе, я и съ имѣющимися силами съумѣю исполнить свой долгъ. Мнѣ больше нечего съ вами говорить.

Конечно, этого было достаточно, чтобы временно задержать наступательныя дѣйствія мятежниковъ. Они знали, что адмиралъ сказалъ имъ правду и вѣрили въ его силу и непоколебимое мужество.

Поразительно, какъ спокойно, не теряясь въ самыя тяжелыя минуты, переживалъ адмиралъ это ужасное время волненій. Все такъ же ясно было его сознаніе, все такъ же смѣло и прямо шелъ онъ навстрѣчу опасностямъ. Только его огромная энергія была еще сильнѣе возбуждена той отвѣтственностью, которая подавляющей тяжестью лежала на немъ. Надо было защищать городъ и отклонить выступленіе мятежниковъ до прибытія войскъ. Не имѣя почти никакой совершенно надежной части войска, адмиралъ принужденъ былъ только дѣлать видъ, что владѣетъ силой. Въ сущности же, послѣ перехода Брестскаго полка на сторону мятежниковъ, а также ненадежности крѣпостной артиллеріи и другихъ частей, силы у него не было. Въ виду такого положенія, пришлось не только не подавлять движеніе, но даже совершенно отказаться отъ какихъ-либо мѣръ противъ мятежниковъ, пока тѣ воображали, что они—вѣрные слуги цар-

скіе, и пока они несли очень исправно службу въ дивизіи. Нельзя было даже намекомъ на насиліе нарушить это видимое спокойствіе безъ того, чтобы не погубить всего дѣла. Сколько надо было адмиралу имѣть выдержки и такта скрывать свое безсиліе и терпѣливо ожидать прибытія войскъ.

Между тѣмъ ожидавшійся въ Севастополѣ къ вечеру батальонъ Литовскаго полка изъ Симферополя не могъ прибыть въ городъ, такъ какъ революціонеры подъ угрозой перебить женъ и дѣтей служащихъ желѣзной дороги заставили всѣхъ служащихъ уйти съ городской станціи, вслѣдствіе чего батальонъ доѣхалъ только до Маккензіевыхъ горъ, откуда пѣшкомъ пришелъ на Сѣверную сторону и лишь утромъ былъ перевезенъ на Южный берегъ.

Терроръ, вызываемый цѣлымъ рядомъ насилій революціонеровъ, не могъ не оказать своего воздѣйствія на умы командъ на судахъ. Команды, хотя и оставались послушными, начали приходить въ волненіе, боялись и недовѣряли другъ другу. Понимая это колеблющееся состояніе духа командъ и желая выяснить, кто изъ нихъ сознательно вѣренъ Царю и родинѣ, адмиралъ посылаетъ флагъ-капитана съ приказаніемъ объявить командамъ, что желающіе остаться вѣрными Царю и отечеству должны остаться на судахъ, остальные могутъ съѣхать на берегъ; если же меньшее число будетъ желающихъ быть вѣрными Царю и отечеству, то такимъ перейти вмѣстѣ со всѣми офицерами на „Ростиславъ“.

На всѣхъ судахъ это, видимо, поддержало команды. На „Очаковѣ“ же настроеніе все поднималось и неповиновеніе росло. Офицерамъ стоило большого труда сдерживать команду. Несмотря на всѣ усилія и запрещенія офицеровъ не имѣть сношенія съ мятежниками, команда допустила депутатовъ изъ дивизіи на крейсеръ и обсуждала съ ними требованія мятежниковъ.

13-го въ Севастополь прибылъ генералъ-лейтенантъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, командиръ 7-го корпуса, назначенный по Высочайшему повелѣнію для усмиренія мятежныхъ морскихъ командъ. Адмиралъ изложилъ ему свой планъ дѣйствій, который состоялъ въ томъ, чтобы съ прибытіемъ войскъ окру-

жить казармы дивизій, такъ какъ примѣнить силу теперь, не имѣя войскъ, да еще при ненадежномъ состояніи гарнизона, не представлялось возможнымъ.

Положеніе въ настроеніи командъ оставалось неопредѣленнымъ и продолжало зависѣть отъ случайныхъ на нихъ воздѣйствій.

Такъ, утромъ 13-го ноября Брестскій полкъ изъявилъ покорность, а саперная рота въ полномъ составѣ, съ фельдфебелемъ во главѣ, при оружіи и съ пѣніемъ марсельезы, переправилась съ Сѣверной стороны на Южную и присоединилась къ мятежникамъ.

На ,,Пантелеймонѣ" команда, видимо, стала надежнѣе. Она не допустила на броненосецъ того кочегарнаго квартирмейстера, депутата отъ мятежниковъ, который былъ раньше на немъ и при которомъ поднятъ былъ красный флагъ, не допустила также и депутатовъ съ ,,Очакова".

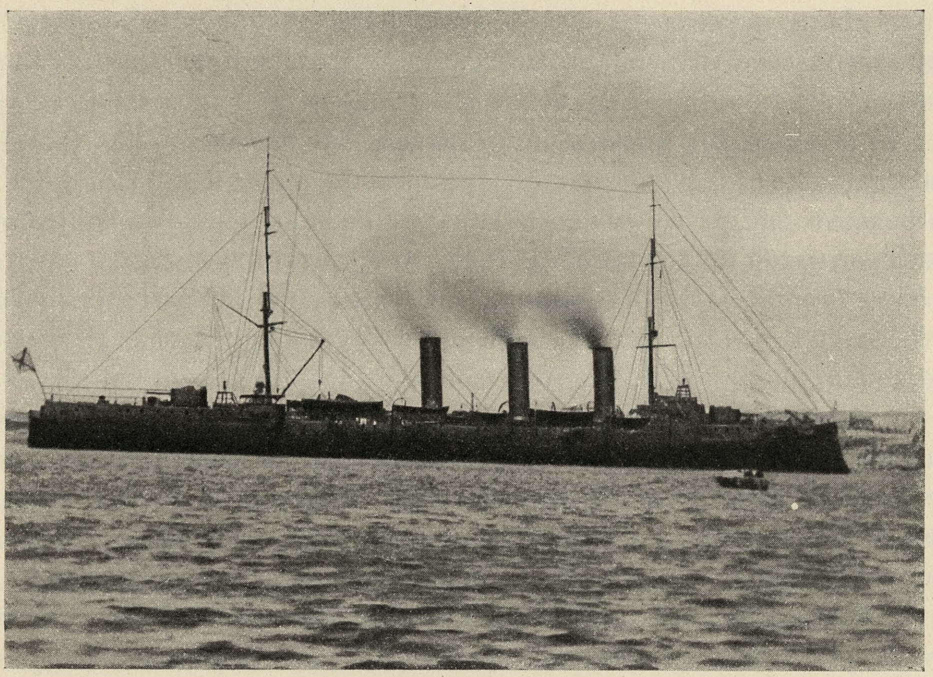
Команда ,,Очакова" продолжала упорствовать въ неповиновеніи. Адмиралъ требовалъ полнаго повиновенія, сдачи оружія, патроновъ, ударниковъ, на что команда отвѣчала отказомъ. Тогда, по приказанію адмирала, офицеры оставили крейсеръ и съѣхали на ,,Ростиславъ".

Чтобы образумить команду адмиралъ послалъ флагъ-капитана объявить ей, чтобы она подчинилась, что въ противномъ случаѣ съ ними будутъ поступать какъ съ мятежниками; адмиралъ приказалъ прочесть ей телеграмму Государя Императора.

,,Помощь будетъ прислана. Не теряйте бодрости духа. Употребите все, чтобы вразумить мятежниковъ, напомнивъ имъ отъ Моего имени, что возставая противъ власти, они нарушаютъ долгъ присяги и позорятъ честь Россіи. Объявите имъ, что если они не образумятся немедленно, то Я съ ними поступлю какъ съ клятвопреступниками и измѣнниками".

НИКОЛАЙ.

Но телеграмма Государя не образумила мятежнаго ,,Очакова".

Крейсеръ „Очаковъ", нынѣ „Кагуль".

Этотъ крейсеръ, оставшійся въ рукахъ революціонеровъ, представлялъ изъ себя крайне опасный очагъ со своими снарядами и орудіями.

Адмиралъ видѣлъ, что единственнымъ средствомъ воздѣйствія на него могла быть только сила крѣпостныхъ орудій, и въ письмѣ къ Командиру 7-го корпуса, отъ 13 ноября 1905 года, требовавшему ухода эскадры изъ Севастополя, ея разоруженія и потопленія „Очакова", минами, писалъ:

...„Ваше Превосходительство указываете, что неблагонадежность команды крейсера „Очаковъ", о которой я говорилъ сегодня утромъ, подтвердилась; но изъ этого нельзя вывести заключенія, что мое подтвержденіе о благонадежности остальныхъ ложно. Совершенно также вчера мнѣ докладывали о благонадежности крѣпостной севастопольской саперной роты, о чемъ мною было донесено Государю Императору, тогда какъ сегодня утромъ она взбунтовалась и въ полномъ составѣ, съ ружьями,

при пѣніи марсельезы, переправилась въ дивизію, гдѣ присоединилась къ бунтующимъ командамъ. Это ясно указываетъ, что какъ я, такъ и Ваше Превосходительство и всѣ начальники частей не можемъ вполнѣ поручиться за благонадежность командъ. Ежели бы начальникъ крѣпостной артиллеріи или Ваше Превосходительство были увѣрены въ нижнихъ чинахъ крѣпостной артиллеріи, то, вмѣсто того, чтобы топить минами крейсеръ, стоющій 6 милліоновъ, слѣдовало бы по немъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ изъ береговыхъ баттарей, послѣ чего команда, навѣрно бы, разбѣжалась и крейсеръ остался бы цѣлъ".

Въ то же время адмиралъ отдаетъ приказаніе приготовить къ аттакѣ „Очакова" одинъ изъ миноносцевъ. Изготовленіе послѣдняго приходило къ концу, когда команда его, подчинившись уговорамъ неблагонадежнаго элемента, не выказала рѣшительности и выполненіе аттаки представилось невозможнымъ.

Революціонеры продолжали употреблять всѣ мѣры, чтобы обмануть нижнихъ чиновъ, будто они самые преданные слуги Царя и родины; они поддерживали самый нормальный порядокъ въ дивизіи, продолжая въ ней служебные порядки.

Такъ, 14-го ноября, когда въ день рожденія Ея Императорскаго Величества Императрицы Маріи Ѳеодоровны всѣ суда расцвѣтились флагами, то же сдѣлано было на „Очаковѣ" и на мачтѣ дивизіи. На дворѣ ея мятежники устроили молебенъ и послѣ него парадъ. Дѣлалось это революціонерами, конечно, съ тѣмъ, чтобы не показать всѣхъ картъ сразу, привлечь къ себѣ команды понемногу и опереться на нихъ впослѣдствіи для своихъ цѣлей.

Все это ясно было адмиралу. При неустойчивости психическаго состоянія массъ, всякій рѣшительный шагъ революціонеровъ страшно импонировалъ на всѣхъ. Надо было пробудить команду отъ этого гипноза, приподнять ея патріотическое чувство.

И адмиралъ предпринимаетъ объѣздъ эскадры, чтобы поднять упавшій духъ, чтобы горячимъ призывомъ поднять чувство любви къ родинѣ. Адмиралъ посѣщаетъ по очереди всѣ суда эскадры, читаетъ телеграмму Государя Императора и обращается къ командамъ съ рѣчью, въ которой говоритъ, что:

,,наступаетъ моментъ, когда необходимо всѣмъ сплотиться, проявить свои настоящія чувства любви къ родинѣ, потому что мы стоимъ на границѣ междоусобной войны со всѣми ея ужасами. Мятежники наступаютъ со всѣхъ сторонъ, увѣряютъ, что не желаютъ кровопролитія,—но это обманъ. Они ведутъ команды къ такимъ требованіямъ, которыя недопустимы, и, когда ни одной сторонѣ нельзя будетъ отступить, начнется междоусобная война. Ее только и желаютъ революціонеры... Имъ надо возвѣстить всѣмъ о безсердечности и жестокости правительства и тѣмъ еще болѣе усилить смуту и толкнуть весь русскій народъ въ эту братоубійственную войну. Мы же поддались этому внушенію. Мы не слушаемся голоса совѣсти, мы дошли до позорнаго подчиненія этимъ врагамъ отечества, забывъ великій и святой свой долгъ къ родинѣ... И вотъ: намъ недовѣряетъ армія... Высшее береговое начальство требуетъ теперь не только сдачи частей орудій и оружія, но настаиваетъ на уходѣ изъ Севастополя. И это недовѣріе мы заслужили"...

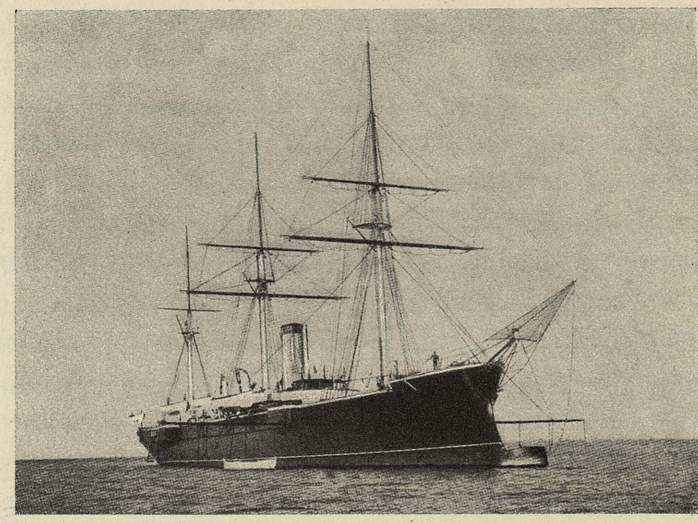
Эта глубоко-патріотическая рѣчь адмирала воздѣйствовала на команды и убѣдила въ необходимости дѣйствовать оружіемъ, но объявленіе о разоруженіи произвело самое угнетающее впечатлѣніе.

Послѣ отъѣзда адмирала команды колебались—отдавать ли оружіе? Ѣздили справляться на другія суда, что тамъ сдѣлано. Потомъ усиленно стали просить о возвращеніи имъ, хотя бы только ружей, такъ какъ иначе имъ нечѣмъ будетъ даже защищаться, если на нихъ будутъ нападать.

Адмиралу, знавшему человѣческое сердце, понимавшему прямоту и чистоту русской души этихъ людей, было самому тяжело за нихъ. Зная съ этой стороны адмирала, надо было думать: съ какой скорбью объявлялъ онъ командамъ о разоруженіи судовъ. Онъ понималъ, что самолюбіе ихъ при этомъ страшно страдало; зналъ онъ, что выраженіе недовѣрія меньше всего способно было поднять духъ людей.

Объѣзжая эскадру, адмиралъ прибылъ на крейсеръ ,,Память Меркурія".

Считая разоруженіе позоромъ, крейсеръ ,,Память Меркурія"

Крейсеръ „Память Меркурія“.

не только отказался исполнить это приказаніе, но, наоборотъ, привелъ въ боевую готовность всѣ свои силы для вооруженнаго отпора мятежникамъ, если бы они осмѣлились напасть на крейсеръ.

Повторивъ все, что онъ говорилъ на другихъ судахъ о требованіи высшаго военнаго начальства о разоруженіи, адмиралъ прибавилъ:

— Вы уже показали, какъ дорогъ вамъ вашъ флагъ, и мы съ вами поняли другъ друга: это разоруженіе пощечина прежде всего для меня. Но теперь—что дѣлать—надо повиноваться, и вы должны разоружиться.

Команда встрепенулась:

— Никакъ нѣтъ, Ваше Превосходительство. Мы не хотимъ разоружаться, мы не желаемъ позора, Мы не хотимъ, чтобы мятежники забрали насъ съ голыми руками и вмѣсто нашего флага подняли грязную тряпку. Ваше Превосходительство, мы вѣдь присягали...

Какъ ни убѣждалъ адмиралъ, команда стояла на своемъ.

Тогда адмиралъ продолжалъ:

— Но вы подумайте, что съ вами будетъ? Эскадра разо-

ружилась и сейчасъ должна уйти, а вы не можете, вы — безъ винта. И вы останетесь въ одиночествѣ на рейдѣ противъ „Очакова". Что же вы сдѣлаете противъ него со своимъ оружіемъ? Вѣдь онъ мигомъ разобьетъ васъ, безъ всякаго вреда для себя. Но я не хочу этого; я хочу сохранить вашу жизнь. Поэтому, пока не поздно, переправляйтесь на эскадру: вы уйдете на корабляхъ эскадры и останетесь живы.

— Никакъ нѣтъ, Ваше Превосходительство. Кто же будетъ защищать крейсеръ, когда мы покинемъ его? На кого мы оставимъ „Меркурія"? Мы не для того сохранили оружіе, чтобы бросать крейсеръ. Смерти мы не боимся; мы на это идемъ. Останемся одни. И если будетъ бой, то всѣ вмѣстѣ погибнемъ на „Меркуріи" и подъ своимъ флагомъ.

Что могъ сказать на это такой рыцарь долга, какимъ былъ адмиралъ Чухнинъ?

Приказъ о разоруженіи и уходѣ изъ Севастополя произвелъ на эскадрѣ сильное, едва сдерживаемое офицерами броженіе. Начальникъ эскадры доложилъ адмиралу, что предстоящій уходъ эскадры до крайности волнуетъ команды, что можно ожидать отказа разводить пары, и если это произойдетъ хотя на одномъ кораблѣ, то повліяетъ и на другіе. Адмиралъ ясно понималъ такое колеблющееся состояніе духа на эскадрѣ, и, для успокоенія команды, разрѣшилъ остаться и возвратить ружья.

14 ноября подходили батальоны и стягивались силы.

По мѣрѣ прибытія войскъ усиливалось безпокойство мятежниковъ; усиливалось оно и въ городѣ вслѣдствіе слуховъ, распространяемыхъ революціонной партіей, что скоро будетъ возстаніе всей партіи и произойдетъ рѣзня. Руководители мятежниковъ торопили событія, пока еще надѣялись на успѣхъ. Струны натягивались и каждый моментъ ожидался разрывъ. Мятежники ходили по городу, вербовали себѣ сообщниковъ, снимали вѣстовыхъ, требуя возвращенія въ мятежную дивизію. Въ морскихъ казармахъ мятежники дѣятельно вооружались и готовились. Пользуясь тѣмъ, что по малочисленности охраны на судахъ, изъ-за мятежа въ дивизіи, не было на нѣкоторыхъ полнаго числа командъ, они днемъ арестовали на миноносцѣ „Сви-

рѣпый" боцмана и унесли съ него 760 ружейныхъ патроновъ въ дивизію.

Приходъ парохода изъ Ѳеодосіи съ двумя батальонами Хотинскаго и однимъ батальономъ Кишиневскаго полковъ заставляетъ революціонеровъ дѣйствовать еще рѣшительнѣе. Они проникаютъ даже въ портъ. Вооруженные саперы и матросы подъ командой квартирмейстера взламываютъ замокъ въ артиллерійскомъ складѣ, откуда похищаютъ кольца и плитки 12" орудій и грибовидные стержни 6" орудій, сданные съ броненосцевъ, и все это уносятъ въ дивизію. Въ порту же арестовываютъ главнаго артиллериста порта, поѣхавшаго отвести ударники съ „Пантелеймона".

Ввиду ненадежности команды броненосца „Пантелеймонъ" адмиралъ отдалъ секретное приказаніе затопить погребъ съ 6" снарядами, что было исполнено офицерами.

Въ ночь съ 14-го на 15-е ноября мятежники захватываютъ минный крейсеръ „Гридень", обезоруживъ команду и офицеровъ, которыхъ арестовываютъ.

Миноносецъ „Свирѣпый" самостоятельно разводитъ пары и безъ огней выходитъ на большой рейдъ. Оружіе и патроны его достаются мятежникамъ. Миноносецъ „Завѣтный", не имѣвшій возможности выйти на рейдъ вслѣдствіе неисправности въ машинѣ, захватывается также переодѣтыми въ матросское платье саперами, причемъ арестовывается командиръ, а денежный сундукъ уносится въ дивизію.

По Южной бухтѣ ночью различныя шлюпки съ мятежниками пытаются забрать другія суда, подходятъ къ транспорту „Бугъ", но подъ угрозами съ него обстрѣлять ихъ—удаляются. Передъ разсвѣтомъ выходятъ на большой рейдъ также самовольно миноносцы №№ 265, 268 и 270, гдѣ становятся около „Очакова".

Въ 8 час. утра 15-го ноября на крейсерѣ „Очаковъ" былъ поднятъ красный флагъ и сигналъ: „Командую флотомъ Шмидтъ". Красные флаги подняты были также на стоящихъ съ нимъ миноносцахъ и на захваченныхъ революціонерами другихъ судахъ, стоявшихъ въ Южной бухтѣ, по неготовности механизмовъ не могшихъ выйти на рейдъ. Въ то же время эскадренный мино-

носецъ ,,Свирѣпый" подъ краснымъ флагомъ, со Шмидтомъ на мостикѣ, пошелъ вдоль линіи судовъ эскадры, имѣя въ кильватерѣ портовый паровой катеръ съ вооруженными людьми. На миноносцѣ музыка играла маршъ и раздавались крики ,,ура", а Шмидтъ, проходя суда, кричалъ: ,,Съ нами Богъ, а за нами весь народъ".

Съ судовъ эскадры отвѣта на крики не послѣдовало, за исключеніемъ ,,Пантелеймона", съ котораго отвѣчали слабыми криками.

Пройдя вдоль линіи судовъ, ,,Свирѣпый" подошелъ къ учебному судну ,,Прутъ", на который вошелъ Шмидтъ съ вооруженными людьми и освободилъ всѣхъ арестованныхъ, перевезя ихъ, вмѣстѣ съ арестованными имъ офицерами ,,Прута", на ,,Очаковъ".

Въ теченіе утра вооруженныя команды продолжали занимать стоявшія въ порту мелкія суда, не бывшія въ кампаніи и на которыхъ военной охраны не было. Шлюпки съ мятежниками ходили здѣсь безпрепятственно.

Съ 14-го на 15-е въ Севастополѣ сосредоточились уже большія военныя силы. Было уже ясно, что теперь возможно усмиреніе мятежа.

Утромъ, на военномъ совѣтѣ у командира 7-го корпуса было рѣшено начать военныя дѣйствія 16-го числа, когда стянутся всѣ войска. Адмиралъ указывалъ, что положеніе дѣлъ требуетъ начать теперь же рѣшительныя дѣйствія, что выжидательное положеніе даетъ возможность мятежникамъ, руководимымъ Шмидтомъ, вести наступательныя дѣйствія, и что на силу надо теперь же отвѣчать силой.

Такъ, во время обѣда, вооруженная партія мятежниковъ на шлюпкахъ съ ,,Очакова" подошла къ ,,Пантелеймону", вышла безпрепятственно изъ шлюпокъ на броненосецъ, на которомъ не было огнестрѣльнаго оружія, и, арестовавъ офицеровъ, свезла ихъ на ,,Очаковъ", а на ,,Пантелеймонѣ" подняла красный флагъ.

Такими же вооруженными мятежниками на портовыхъ катерахъ захвачены были суда, стоявшія въ Южной бухтѣ, на которыхъ они и поднимали красные флаги.

Утромъ же адмиралъ издаетъ слѣдующій приказъ:

,,Считаю своимъ священнымъ долгомъ разъяснить чинамъ ввѣреннаго мнѣ флота, оставшимся вѣрными Государю Императору и родинѣ, что мятежники стараются увѣрить всѣхъ, что они вполнѣ преданы Государю Императору и что никакихъ насильственныхъ мѣръ не употребляютъ, а ищутъ только удовлетворенія нѣкоторыхъ своихъ экономическихъ нуждъ. Между тѣмъ дѣйствія ихъ совершенно обратныя. Положеніе, занятое крейсеромъ ,,Очаковъ", вооруженное нападеніе со вчерашняго вечера на арсеналъ въ порту, на минный крейсеръ ,,Гридень", овладѣніе эскадреннымъ броненосцемъ ,,Свирѣпый" и миноносцами №№ 265, 268 и 270, нападенія на другія суда и минный транспортъ ,,Бугъ", отраженное командами послѣдняго, ясно показываютъ, что это, дѣйствительно, мятежники, возставшіе противъ Царя и родины.

Въ виду этого предлагаю принять всѣ военныя предосторожности и отражать силою всякія нападенія мятежниковъ, такъ какъ всѣ миролюбивыя мѣры для предотвращенія кровопролитія оказались недѣйствительными и не предотвратили начала наступательныхъ дѣйствій со стороны мятежниковъ.

Предлагаю всѣмъ командирамъ и начальникамъ отдѣльныхъ частей принимать по обстоятельствамъ всѣ охранительныя мѣры до отраженія нападенія оружіемъ.

Государь Императоръ и наша многострадальная родина разсчитываютъ на васъ, вѣрныхъ слугъ ея, что не пощадите своей жизни для поддержанія порядка и охраны родины отъ страшнаго несчастья, могущаго разлиться по всему государству, ежели мы, не щадя жизни своей, не остановимъ его".

Оскорбительно грубыя дѣйствія мятежниковъ пробудили національное чувство и гордость въ командахъ: онѣ увидѣли недопустимую дерзость революціонеровъ, въ нихъ заговорило чувство уязвленной вѣрности. Это отрезвило команды. Воодушевленіе сознанія духовной силы выразилось твердымъ сознаніемъ долга; рѣшимость проявилась въ грандіозной манифестаціи.

На судахъ раздавалось пѣніе гимна и ,,Спаси, Господи, люди Твоя". На стеньгахъ подымаются андреевскіе флаги, а всѣ

имѣвшіеся на корабляхъ красные флаги рвутся и выбрасываются за бортъ. Шлюпки ходятъ по рейду съ криками „ура". На многихъ судахъ служатся молебствія и раздаются восторженные крики: „ура". Минный крейсеръ „Капитанъ Сакенъ" поднимаетъ сигналъ:

„Долой измѣнника Шмидта. Всѣ клялись исполнить свой долгъ".

Послѣ полудня наступательныя дѣйствія мятежниковъ усилились. Одно за другимъ суда, стоявшія вдоль восточнаго берега Южной бухты, стали заниматься мятежниками, на которыхъ они поднимали красные флаги. Въ теченіе сутокъ офицеры, гдѣ возможно, захватывались въ плѣнъ и свозились на „Очаковъ" съ тѣмъ разсчетомъ, что ежели будетъ много офицеровъ, то по „Очакову" огня не откроютъ, при чемъ собраннымъ офицерамъ Шмидтъ объявилъ, что за всякое дѣйствіе войскъ—будетъ вѣшать офицеровъ.

Сухопутное начальство, однако, не рѣшалось еще на принятіе рѣшительныхъ мѣръ и вырабатывало расположеніе позицій и плана аттаки казармъ на 16-е число.

Адмиралъ настаивалъ на немедленномъ открытіи военныхъ дѣйствій, указывая, что „мы повторяемъ Портъ-Артуръ и Манджурію. Непріятель проявляетъ наглую рѣшимость и иниціативу нападенія, а мы не только не противодѣйствуемъ, но даже и вида не показываемъ, что что-нибудь предпринимаемъ".

Адмиралъ предлагалъ занять западный берегъ бухты и оттуда дѣйствовать по палубамъ судовъ. Адмиралъ видѣлъ, что команды возбуждены до крайности, возбуждены въ данный моментъ патріотически, но кто же можетъ поручиться, что черезъ часъ, другой, съ тѣмъ же этузіазмомъ не перейдутъ на сторону болѣе энергичнаго противника? Адмиралъ понималъ, что промедленіемъ можно потерять совсѣмъ власть надъ умами командъ и, видя такое направленіе духа, по горячей просьбѣ офицеровъ возвратилъ ударники и этимъ возвратомъ полнаго довѣрія усилилъ общее воодушевленіе.

Быть можетъ, только его благородной стойкости обязаны мы тѣмъ благопріятнымъ направленіемъ которое принялъ разго-

равшійся мятежъ. Власть не потеряла своего престижа; бунтъ на эскадрѣ не удался: она оставалась вѣрной своему долгу.

При полномъ подъемѣ патріотическихъ чувствъ эскадра отвѣчала на выстрѣлы мятежнаго „Очакова“ и вела себя на высотѣ.

Въ 3 часа 15 мин. „Терецъ“ первый открываетъ огонь по портовому катеру съ мятежниками и топитъ его. Черезъ 5 минутъ послѣ этого, по настоянію адмирала, баттарея съ Историческаго бульвара открываетъ огонь по судамъ въ Южной бухтѣ, державшимъ красные флаги.

Въ тотъ же моментъ отъ „Очакова“ отдѣляется миноносецъ „Свирѣпый“ и съ изготовленными для стрѣльбы минами направляется въ Южную бухту полнымъ ходомъ. „Терецъ“ открываетъ по немъ огонь и заставляетъ его повернуть на большой рейдъ. Разворачиваясь, онъ стрѣляетъ изъ своихъ орудій и ружей. На большомъ рейдѣ „Свирѣпый“, направляясь между броненосцемъ „Ростиславъ“ и „Память Меркурія“, попадаетъ въ ихъ огонь, а также и въ огонь крейсера „Капитанъ Сакенъ“.

Выстрѣлами съ „Ростислава“ у него сносятъ всѣ надстройки на верхней палубѣ, вентиляторы и часть сѣтокъ. Команда миноносца бросается въ воду, но его продолжаютъ обстрѣливать, такъ какъ онъ не спускаетъ краснаго флага и не прекращаетъ своего огня. Офицерами и командой крейсера „Память Меркурія“, посланными вслѣдъ за этимъ на миноносецъ подъ огнемъ происходившаго на рейдѣ боя, были арестованы оставшіеся въ живыхъ бунтовщики, а красный флагъ, сорванный съ мачты „Свирѣпаго“, былъ привезенъ на крейсеръ. По прекращеніи огня съ миноносца, съ судовъ посылаются шлюпки принимать оставшихся въ водѣ мятежниковъ.

Въ моментъ поворота миноносца „Свирѣпый“ на большой рейдъ, береговыя крѣпостныя баттареи открываютъ огонь по „Очакову“. Послѣдній отвѣчаетъ выстрѣломъ по „Ростиславу“, но снарядъ его пролетаетъ надъ вентиляторами „Ростислава“ и падаетъ между нимъ и брон. „Три Святителя“. „Ростиславъ“ открываетъ огонь по „Очакову“ изъ 10″ кормовой башни и правой носовой 6″. Одинъ изъ снарядовъ 10″ орудій съ „Рости-

слава" попадаетъ въ середину борта „Очакова" и производитъ на немъ пожаръ. Возможная стрѣльба производилась съ броненосцевъ „Три Святителя" и „12 Апостоловъ".

Послѣ первыхъ выстрѣловъ на „Очаковѣ" и на „Пантелеймонѣ" красные флаги спускаются и немного погодя поднимаются бѣлые.

Эскадра прекращаетъ огонь по нимъ и посылаетъ шлюпки для подачи помощи раненымъ и спасенія людей изъ воды. Крѣпостныя орудія продолжаютъ еще нѣкоторое время обстрѣливать „Очаковъ".

По спускѣ краснаго флага на „Очаковѣ" отъ него отдѣлился миноносецъ № 270 и направился къ артиллерійской бухтѣ. На сигналъ ему: „пойти подъ корму адмирала"—отвѣта съ его стороны не послѣдовало, почему по немъ было сдѣлано три выстрѣла, однимъ изъ нихъ пронизало его бортъ около трапа, и онъ остановился. Посланный флагъ-офицеръ на катерѣ нашелъ въ носовомъ отсѣкѣ полуодѣтаго Шмидта, закутавшагося въ шинель квартирмейстера. Шмидтъ бѣжалъ съ „Очакова" послѣ первыхъ же выстрѣловъ, оставивъ все на волю судьбы, предоставляя одураченнымъ имъ людямъ отвѣчать за послѣдствія измѣны родинѣ.

Показателемъ духа командъ въ то время является такой фактъ: когда арестованный Шмидтъ былъ привезенъ на броненосецъ „Ростиславъ", то нѣкоторые изъ команды намѣревались его застрѣлить и только серьезное вмѣшательство офицеровъ могло удержать ихъ отъ этого.

Въ то время, когда на большомъ рейдѣ происходили описываемыя событія, полевыя батареи и пулеметы, поставленные на Историческомъ бульварѣ, обстрѣлявъ суда въ Южной бухтѣ, которыя стали спускать свои флаги, а команды начали спасаться вплавь на берегъ, перенесли свой огонь на дивизію, гдѣ мятежники имѣли пулеметы, забранные наканунѣ изъ арсенала. Брестскій полкъ въ то же время сталъ выбивать мятежниковъ изъ казармъ, которыя и были заняты полкомъ къ 6 час. утра 16-го числа.

Когда началась стрѣльба по судамъ въ Южной бухтѣ,

Шмидтъ поднялъ на „Очаковѣ“ сигналъ: „имѣю много плѣнныхъ офицеровъ“. Этимъ онъ думалъ предотвратить огонь по „Очакову“. Разумѣется, этотъ сигналъ не могъ остановить адмирала. Долгъ повелѣвалъ сломить мятежниковъ, и этотъ долгъ былъ имъ исполненъ...

Одному Богу извѣстно, что могъ испытывать при этомъ адмиралъ, отдавая приказъ открыть огонь по „Очакову“, гдѣ были его офицеры, но промыслъ Божій спасъ неповинныхъ людей.

Въ изложеніи описаній этихъ событій мною сохранена вся послѣдовательность ихъ, чтобы яснѣе опредѣлить вытекавшую отсюда логичность и законность распоряженій адмирала, справедливость его яснаго взгляда, подтвержденную результатами. Не внося въ мои воспоминанія ничего субъективнаго или личнаго, не поддаваясь чувствамъ, меня охватившимъ при воспоминаніи этого тяжелаго времени, я долженъ сказать, что основываюсь исключительно на документахъ и считаю необходимымъ упомянуть теперь про одинъ фактъ, который, во всей полнотѣ сопоставленій, ясно и наглядно покажетъ, сколько адмиралъ, кромѣ усиленнаго физическаго труда, боли и скорби сердца за все совершившееся, испытывалъ еще нравственныхъ страданій отъ незаслуженныхъ нравственныхъ уколовъ, но всегда оставался рыцаремъ въ полномъ значеніи этого слова; насколько, даже съ рискомъ для самого себя, отстаивалъ престижъ власти, значеніе долга службы и какъ дорожилъ доблестью и честью своихъ подчиненныхъ, въ защиту интересовъ которыхъ выступалъ со всей энергичностью своей благородной натуры.

Наступалъ кризисъ, направленіе котораго было очень трудно опредѣлить, и можно было предположить, что или вся эскадра взбунтуется, или же какой-нибудь случай вызоветъ подъемъ духа и призоветъ ее къ исполненію долга и присяги. При такомъ положеніи дѣла, въ ночь съ 14-го на 15-е ноября адмиралъ получаетъ бумагу, въ которой Командиръ 7-го корпуса г.-л. бар. Меллеръ-Закомельскій предлагаетъ адмиралу свои соображенія, которыя, въ случаѣ согласія, адмиралъ дол-

женъ объявить приказаніемъ Командующему практической эскадрой, ,,что можетъ быть приведетъ, писалъ генералъ, къ скорѣйшему умиротворенію флота".

Вотъ эти соображенія:

1) 15-го ноября на всѣхъ судахъ къ подъему флага офицерскому составу узнать нужды командъ.

2) Послѣ опроса, собраться выборнымъ отъ каютъ-компаній на эскадренный броненосецъ ,,Ростиславъ" и немедленно установить пріемлемыя нужды и способъ ихъ удовлетворенія, возложивъ таковой на особо выбранную изъ своей среды коммиссію.

3) Представить пункты нуждъ на санкцію Командующаго 7-мъ армейскимъ корпусомъ генералъ-лейтенанта Меллеръ-Закомельскаго.

4) Депутатамъ-офицерамъ отъ всѣхъ судовъ опросить дивизіонныя команды, и, если нужды окажутся пріемлемыми, объявить немедленно командамъ, предложивъ имъ вернуть дивизію подлежащему начальству.

5) Одновременно послать на ,,Очаковъ" объявить командамъ о принятыхъ пунктахъ, предложивъ принять офицеровъ обратно.

6) Разрѣшать собранія офицеровъ по ихъ желанію.

На эту бумагу адмиралъ отвѣчалъ слѣдующее:

,,На отношеніе Вашего Превосходительства отъ 14-го ноября 1905 г. № 3.850 считаю долгомъ сообщить, что ни на одинъ пунктъ изъ проекта приказанія Командующему практической эскадрой согласиться не могу, такъ какъ они ведутъ къ полному уничтоженію престижа власти, послѣ котораго всѣ, начиная съ меня и до послѣдняго офицера должны подать въ отставку"...

Отославъ этотъ отвѣтъ, адмиралъ записываетъ въ своемъ дневникѣ:... ,,и это мнѣ прислали для объявленія... Неужели не понимаютъ, что это постыднѣе нашего мира съ Японіей? Это означало бы полную сдачу на милость врага. Допустимы ли подобныя отношенія между начальниками и подчиненными? Это, я думаю, пунктъ, дальше котораго некуда идти".

Для поясненія надо сказать, что мятежниками, вѣрнѣе, ихъ главарями, были выработаны требованія къ правительству, которыя ими же были отпечатаны и розданы нижнимъ чинамъ, а также расклеены по улицамъ и разбросаны по городу.

Адмиралъ не могъ допустить, чтобы офицеры имѣли право отъ себя что-либо объявлять командамъ, вступать съ ними въ договоры. Затѣмъ: какія же такія „пріемлемыя нужды" могли быть въ мятежныхъ требованіяхъ, начинавшихся съ требованія подметокъ и кончавшихся требованіемъ Учредительнаго Собранія и отмѣны смертной казни?

На которое изъ нихъ можно было согласиться?

Какіе „способы ихъ удовлетворенія" могли быть выработаны офицерами, когда само правительство не допускало даже мысли о возможности входить съ нижними чинами въ какіе-либо разговоры о подобныхъ вопросахъ?

Естественно, что адмиралъ былъ правъ, говоря, что дальше уже некуда идти, и не могъ отвѣтить иначе, какъ только полнымъ отказомъ. Развѣ это предложеніе не являлось уничтоженіемъ и игнорированіемъ всей его доблестной и честной дѣятельности?

Далѣе, когда мятежъ былъ подавленъ, какъ извѣстно, при полномъ участіи флота, адмиралъ не могъ допустить замалчиванія дѣйствительной заслуги порученнаго ему флота, въ лицѣ той части, которая самоотверженнымъ исполненіемъ долга приняла самое живое, самое дѣйствительное участіе въ подавленіи мятежа, и, заступаясь за этихъ вѣрныхъ сыновъ родины, писалъ Морскому Министру слѣдующее:

„Телеграммой № 5.663 я былъ извѣщенъ, что, по Высочайшему повелѣнію, дѣло усмиренія морскихъ командъ возложено на командира 7-го корпуса генералъ-лейтенанта Меллеръ-Закомельскаго, требованія котораго мнѣ обязательно исполнить. Подобную же телеграмму получилъ генералъ-лейтенантъ баронъ Меллеръ-Закомельскій отъ командующаго войсками Одесскаго Округа, въ которой указано: „Высочайше поручено Вамъ главное командованіе войсками въ Севастополѣ. Адмиралъ Чухнинъ обязанъ исполнять Ваши требованія. Порядокъ въ городѣ приказано возстановить обязательно".

Не имѣя другихъ указаній и зная, что о ходѣ дѣлъ по усмиренію мятежниковъ идутъ сношенія помимо меня, я понялъ эти распоряженія такъ, что по этому дѣлу я не пользуюсь довѣріемъ и, хотя безъ приказа, но устраненъ отъ него. Такъ понялъ еще въ болѣе рѣзкой формѣ командиръ 7-го корпуса баронъ Меллеръ-Закомельскій. Онъ понялъ, что флотъ и я лично подчинены ему и онъ началъ дѣлать мнѣ предписанія, даже въ рѣзкой формѣ. Зная, что во всякомъ дѣлѣ борьба самолюбій и разрозненность ведутъ къ гибели дѣло, я, на основаніи изложеннаго, отказался отъ всякихъ препирательствъ и только предложилъ ему сноситься со мною отношеніями, а не предписаніями, но всѣ его требованія исполнялъ, устранившись въ то же время отъ управленія гражданской частью, которую онъ подчинилъ себѣ.

Что доноситъ генералъ-лейтенантъ Меллеръ-Закомельскій Государю Императору объ усмиреніи мятежниковъ—мнѣ неизвѣстно, но телеграмма Его Величества на имя генералъ-лейтенанта Меллеръ-Закомельскаго указываетъ, что усмиреніе мятежа всецѣло исполнено однѣми сухопутными войсками, между тѣмъ изъ моего донесенія Вы можете усмотрѣть, что это далеко не такъ, и что центръ и главная сила мятежа были въ крейсерѣ „Очаковъ", что мятежъ былъ уничтоженъ самимъ же флотомъ и притомъ при несравненно худшихъ условіяхъ ему приходилось дѣйствовать, чѣмъ сухопутнымъ силамъ. Флотъ былъ униженъ, былъ обезоруженъ и ему приходилось испытывать свою вѣрность, стоя беззащитнымъ передъ сильно вооруженнымъ противникомъ, причемъ когда разрѣшили дѣйствовать, и дали оружіе, то пришлось дѣйствовать не противъ чужихъ людей, а противъ своихъ товарищей, которыхъ они знали лично и которые, по ихъ понятіямъ, отстаивали ихъ общіе интересы. Въ моральномъ отношеніи флоту пришлось дѣйствовать во много разъ въ худшихъ отношеніяхъ. Флоту пришлось разстрѣливать крейсеръ „Очаковъ", зная, что на немъ собранъ не одинъ десятокъ ихъ же товарищей-офицеровъ, которые могли погибнуть ужасной смертью, и этотъ грѣхъ взялъ на себя флотъ, несмотря на то, что на крейсерѣ „Очаковъ" висѣлъ сигналъ: „имѣю

на борту много офицеровъ". Къ этому надо прибавить, что Командиръ 7-го корпуса понималъ, что пока крейсеръ „Очаковъ" былъ на сторонѣ мятежа, войска даже не могли приступить къ дѣйствіямъ, что онъ и говорилъ, возлагая на меня отвѣтственность за всѣ послѣдствія за то, что „Очаковъ" не былъ потопленъ 14-го ноября. Ко всему этому надо сказать, что я въ теченіе нѣсколькихъ часовъ настаивалъ на необходимости начать дѣйствовать оружіемъ, утверждая, что иначе мы проиграемъ дѣло. Начало дѣйствія оружіемъ я взялъ на себя, взялъ на свою нравственную отвѣтственность разрѣшеніе возвратить ударники къ орудіямъ, безъ чего результатъ дня 15 ноября былъ бы другой и, можетъ быть, флота у насъ не было бы.

Это я пишу Вамъ не для восхваленія себя, или для благодарности, а просто для возстановленія истины. Когда мнѣ было выражено недовѣріе удаленіемъ меня отъ моихъ прямыхъ обязанностей, я хотѣлъ было немедленно просить удалить меня съ поста, которому я не соотвѣтствую, но, имѣя въ виду, что мое удаленіе было бы пагубно для дѣла государства, я личное свое самолюбіе совершенно уничтожилъ и исполнялъ всѣ требованія и указанія Командира 7-го корпуса. Не могъ я уйти и потому, что оставлять свой постъ въ такой моментъ было бы неблаговидно; такой поступокъ былъ бы законно осужденъ.

Теперь же, когда все приведено въ порядокъ въ моральномъ отношеніи, команды приведены мною къ сознанію необходимости порядка и ужасной необходимости дѣйствія оружіемъ даже противъ своихъ товарищей, я считаю свое дѣло законченнымъ не только съ формальной, но, что несравненно важнѣе, съ моральной стороны. Команды не только удержаны вѣрными Государю, но онѣ поняли и убѣждены въ необходимости порядка и подчиненія офицерамъ. Эта побѣда неизмѣримо труднѣе и важнѣе простой побѣды силой. Теперь, въ виду изложеннаго, я буду просить объ удаленіи меня съ должности, обязанности которой я не могъ выполнить должнымъ образомъ, за что былъ осужденъ. Прошу Ваше Превосходительство объ изложенномъ доложить Государю Императору на благовоззрѣніе.

Надо имѣть въ виду, что флотъ виновенъ въ мятежѣ, но не

менѣе виноваты и сухопутныя войска; дѣйствія ихъ были одинаковы. Обѣ силы не повиновались своему начальству; обѣ предъявляли требованія; ежели же принять во вниманіе, что морскія команды никогда не могутъ быть подъ такимъ надзоромъ, какъ сухопутныя, вслѣдствіе другихъ условій жизни и службы:— однѣ всегда въ сборѣ, другія всегда въ разсылкѣ по мелкимъ частямъ, притомъ однѣ комплектуются самымъ надежнымъ элементомъ, крестьянами, а другія, въ значительной части, фабричными, то ясно станетъ, что флоту во много разъ труднѣе бороться со своеволіемъ и въ особенности съ тайной пропагандой"...

„Мятежъ подавленъ" доносилъ адмиралъ „благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ, но это далеко не значитъ, что все уничтожено въ корнѣ.

Внѣ сомнѣній начнется новая работа тайныхъ партій и употребятся еще болѣе энергичныя средства, чтобы еще разъ опрокинуть устои военной силы.

Мы побѣдили здѣсь революцію, за что на наши головы посыпятся проклятія со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ газетахъ и устно на всѣхъ перекресткахъ. Но не возвысятся русскіе голоса въ одобреніе или поддержку борцовъ за цѣлость государства. Все русское общество парализовано—въ этомъ вся опасность. **Дѣятельны и не покладая рукъ работаютъ для разрушенія государства одни инородцы, при помощи русскихъ же людей...**

Русскихъ людей невидимо для нихъ евреи ведутъ къ междоусобной войнѣ, къ самоуничтоженію, на чемъ они хотятъ устроить свою силу. Всѣ это понимаютъ, но нѣтъ величія духа для противодѣйствія. Необходимо открыть карты, чтобы государство знало, куда идетъ. Надо объявить государство въ опасности"...

Ясность и широта взглядовъ адмирала, его исключительный характеръ безспорно выдвигаютъ его изъ цѣлаго ряда современниковъ во время этой общей растерянности и безсилія...

Время еще не пришло сказать послѣднее слово объ адміралѣ... Слишкомъ близки всѣ эти событія. Пришлось ограни-

читься только самымъ главнымъ, чтобы отдать должное этому государственному дѣятелю... Какъ бы прерванная повѣсть этотъ неоконченный разсказъ о героѣ-адмиралѣ принадлежитъ исторіи... Пусть она скажетъ свое правдивое слово, пусть отведетъ ему подобающее мѣсто по заслугамъ его обширной дѣятельности во флотѣ...

Будущему историку этихъ событій, когда всѣ документы, касающіеся этого времени, получатъ возможность увидѣть свѣтъ, представится болѣе широкій просторъ выбора фактовъ, рисующихъ взаимоотношенія дѣйствовавшихъ лицъ. Тогда въ справедливой и безпристрастной оцѣнкѣ исторіи яснѣе выступитъ вся созидательная и беззавѣтная дѣятельность адмирала, не признававшаго компромисовъ, отступленій и полумѣръ.

Ю. К.

Революція оцѣнила адмирала, его непреклонную стойкость и силу воли. Врагамъ родины стало ясно, что онъ никогда не отступитъ отъ своихъ взглядовъ чести и вѣрности долгу. Имъ необходимо было отстранить его со своего пути, необходимо было убить его.

Этотъ приговоръ еще болѣе подтверждаетъ выдающуюся личность адмирала, еще ярче характеризуетъ его, какъ силу, опасную измѣнникамъ, съ которой борьба можетъ окончиться только смертью. Изъ гнусной тьмы этого безчеловѣчнаго приговора выступаютъ такіе же темные, безумные и таинственные выполнители его.

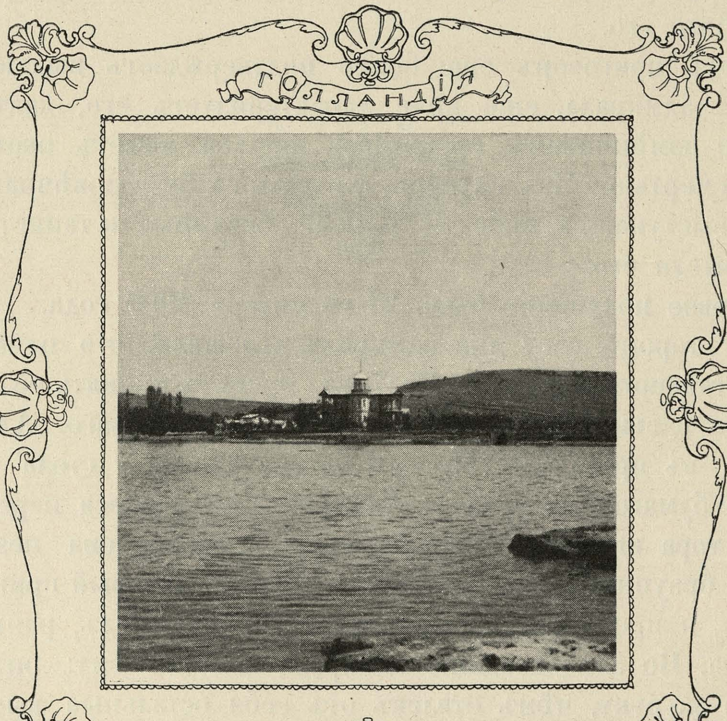
Первое покушеніе было 27-го января 1906 года.

Во второмъ часу дня адмиралу доложили, что одна дама, дочь отставного адмирала Чалѣева, проситъ принять ее по дѣлу о пенсіи вдовы капитана 2-го ранга Славочинскаго. Адмиралъ вышелъ въ пріемную. Просительница стояла у стола со сложенною бумагой въ рукахъ. Адмиралъ остановился передъ ней въ полутора шагахъ. Изложивъ свою просьбу, она незамѣтно достала браунингъ изъ передняго кармана, который прикрывала бумагой, и произвела четыре выстрѣла подъ-рядъ, ранившихъ адмирала. Но самообладаніе адмирала помогло ему: онъ схватилъ ее за руку, чѣмъ отвлекъ отъ себя остальные выстрѣлы, попавшіе въ потолокъ и стѣны. Стрѣлявшая, прикрывшаяся чужимъ именемъ, оказалась еврейкой.

Вызванные во дворецъ врачи нашли раны адмирала серьез-

ными, хотя не внушающими опасности для жизни. Послѣ перевязки адмиралу предписанъ былъ полный покой, но, несмотря на это, онъ уже на слѣдующій день принималъ доклады и дѣлалъ распоряженія. Тяжелыя раны не заставили адмирала покинуть даже на время, служебный постъ, становившійся все болѣе и болѣе опаснымъ; адмиралъ не просилъ ни отпуска для возстановленія здоровья, ни перевода.

Еще не успѣлъ оправиться адмиралъ отъ своихъ тяжелыхъ ранъ, какъ на него было произведено вторичное покушеніе, окончившееся его геройской смертью. Что долженъ былъ чувствовать адмиралъ, посвятившій всю жизнь свою флоту, когда увидѣлъ въ лицѣ убійцы матроса, измѣнившаго воинской чести и продавшаго свою совѣсть...

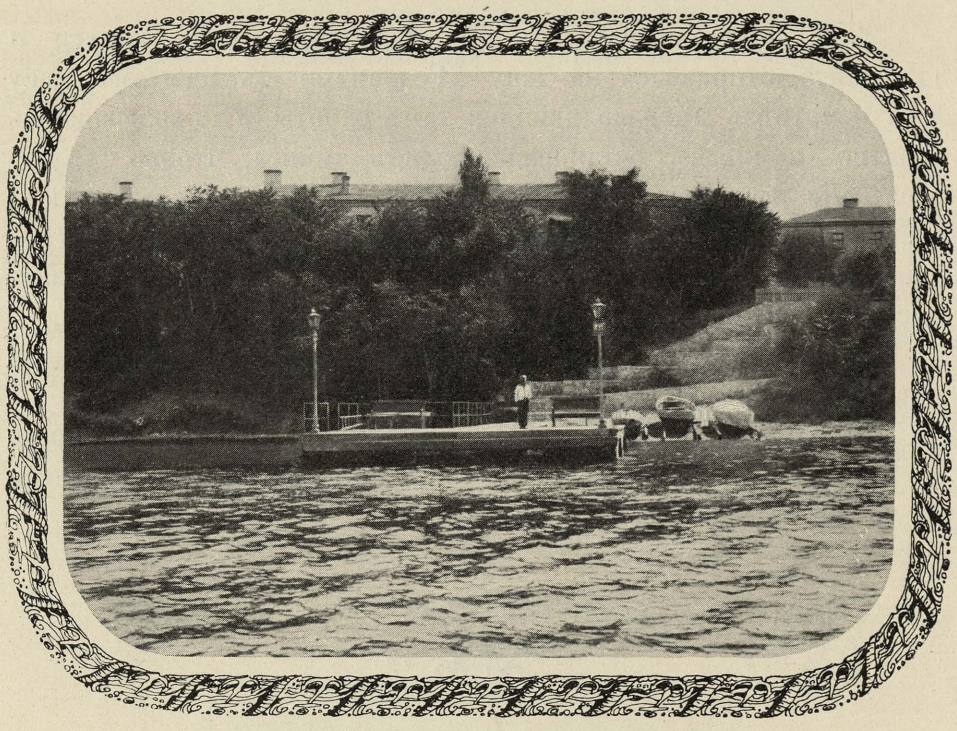

28-го іюня адмиралъ, въ сопровожденіи своей супруги и адъютанта, отправился на дачу „Голландія“ въ десятомъ часу утра осмотрѣть производившіяся тамъ работы. Уже возвращаясь обратно, адмиралъ остановился близъ тениса, чтобы сдѣлать послѣднія распоряженія, какъ въ него было произведено изъ-за кустовъ нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ. Адмиралъ былъ раненъ въ щеку и грудь, но успѣлъ вынуть револьверъ и сдѣлать выстрѣлъ, вскрикнувъ задыхающимся голосомъ: „матросъ“!..

Силы оставили адмирала и онъ въ изнеможеніи, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, опустился на землю...

Смертельно раненаго и обливающагося кровью адмирала съ помощью призванныхъ людей съ осторожностью перенесли на катеръ и повезли въ госпиталь...

Изъ Морского госпиталя въ исходѣ 11-го часа утра увидѣли, что по направленію отъ дачи „Голландія“ къ госпитальной пристани идетъ катеръ Главнаго Командира „Голландія“. Выходившій изъ пріемнаго покоя дежурный врачъ Яблонскій, по обычаю, поспѣшилъ къ пристани, но уже на ходу понялъ, что случилось что-то необычное, такъ какъ адмиралъ лежитъ на катерѣ на банкѣ, около него супруга. Адьютантъ, какъ только подошли къ пристани, выскочилъ и побѣжалъ наверхъ. Ужасная вѣсть, что Главный Командиръ раненъ снова, въ одну минуту облетѣла всѣ дворы и палаты госпиталя и отовсюду забѣгали люди съ перепуганными лицами.

Госпитальная пристань.

Спѣшно крикнувъ подать къ пристани носилки и матеріалы для перевязки, докторъ Яблонскій бросился на катеръ къ адмиралу, лежавшему въ окровавленномъ кителѣ со смертельно-блѣднымъ лицомъ, но въ полной памяти и самообладаніи. Видя кровь на лицѣ раненаго, онъ спросилъ коротко: „Въ голову?"— Адмиралъ опредѣленно и твердо отвѣтилъ: „Нѣтъ, рикошетомъ. Пробито легкое". — „Изъ револьвера?" — „Изъ винтовки, матросъ".

Увидѣвъ, что на мѣстѣ помощи не требуется, Яблонскій уложилъ Главнаго Командира на носилки и его понесли наверхъ, по каменной лѣстницѣ. По дорогѣ къ хирургическимъ павильонамъ адмирала встрѣтилъ главный докторъ Киберъ, бывшій призваннымъ къ нему раненому и послѣ перваго покушенія на его жизнь, 27 января. Поднявъ на Кибера свой, какъ всегда, выразительный, серьезный, нѣсколько загадочный взглядъ, онъ сказалъ тихо: „опять раненъ". И слова эти, и взглядъ, и голосъ,

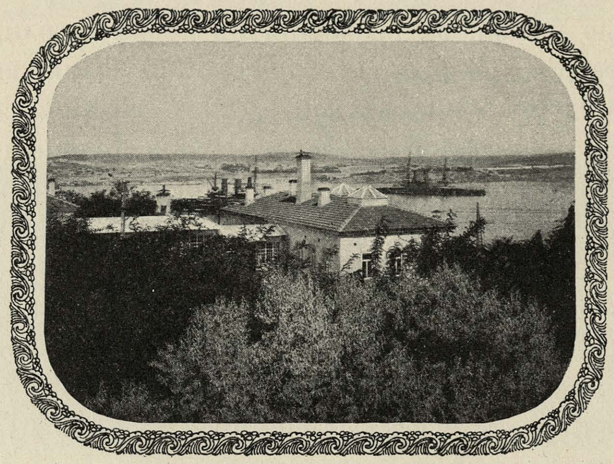
и кровавыя пятна на кителѣ, и мертвенно-блѣдное лицо съ залитой кровью щекой, въ сравненіи съ яркимъ солнцемъ знойнаго лѣтняго дня, сіяющимъ небомъ и голубыми водами—рѣзали глаза и душу вѣчнымъ контрастомъ жизни и смерти, вѣчнымъ тяжкимъ упрекомъ судьбы за такую именно смерть.

Въ операціонной залѣ уже ждали консультантъ по хирургіи, его помощникъ и здѣсь же собрались и другіе врачи.

Чтобы осмотрѣть новыя раны, пришлось снять на груди прежнюю повязку, которая прикрывала незажившій еще нарывъ на мѣстѣ одной изъ ранъ отъ покушенія 27 января. Свѣжихъ огнестрѣльныхъ ранъ оказалось двѣ, обѣ лишь съ однимъ входнымъ отверстіемъ, т. е. съ оставшимися въ тѣлѣ пулями. Одна рана на правой щекѣ непосредственно ниже правой скуловой кости и на $2^1/_2$ пальца спереди отъ ушной раковины; другая на правой сторонѣ груди на одинъ палецъ выше и на два пальца правѣе праваго соска.

Какъ потомъ выяснилось, первая пуля пронизала верхнечелюстную кость и крѣпко засѣла въ шейномъ позвонкѣ, а вторая прошла спереди черезъ 6-е ребро, раздробивъ его, и засѣла у основанія также раздробленнаго 9-го ребра, между нимъ и 9-мъ груднымъ позвонкомъ. Эта вторая пуля прошла сквозь нижнюю долю праваго легкаго, сдѣлавъ на пути страшное разрушеніе легочной ткани, съ послѣдовавшимъ внутреннимъ кровоизліяніемъ: въ полости правой легочной плевры собралось около двухъ фунтовъ кровяныхъ сгустковъ и жидкой крови. Эта рана была безусловно смертельная. Неудержимое внутреннее кровотеченіе изъ разорваныхъ легочныхъ сосудовъ было причиной и смертной блѣдности раненаго, и угрожающаго ослабленія сердечной дѣятельности, и тяжкой одышки. Пульсъ 144 въ минуту, очень малъ; дыханіе 48; отъ переполненія кровью дыхательныхъ трубокъ въ обоихъ легкихъ огромное количество хриповъ при полномъ отсутствіи выхаркиванія наружу.

Несмотря на тяжесть пораненій и очевидную близость смерти адмиралъ не терялъ сознанія. Обычная суровая сдержанность не покидала его и въ эти минуты невыразимыхъ стра

Хирургическій павильонъ.

данiй, которыхъ онъ не обнаружилъ ни единымъ стономъ; все время осмотра онъ молчалъ и только подъ конецъ обыкновеннымъ своимъ опредѣленнымъ и рѣшительнымъ тономъ сказалъ: „дѣлайте скорѣе, нельзя такъ долго терпѣть“. Послѣ наложенія повязокъ на грудь и голову, въ виду большой сердечной слабости сдѣлано тутъ же въ операціонномъ залѣ подкожное впрыскиваніе одного грамма камфарнаго масла, послѣ коего раненаго перенесли въ офицерскій павильонъ, въ палату № 6, гдѣ началась новая борьба.

Какъ сказано, адмиралъ еще не успѣлъ вполнѣ поправиться отъ ранъ, нанесенныхъ ему при первомъ покушеніи 27 января, послѣ которыхъ въ теченіи полугода желѣзный характеръ съ молчаливой увѣренностью ждалъ мученической смерти, зная, что за нимъ охотятся изъ за каждаго угла и не дадутъ пощады. Но кромѣ этихъ ранъ, въ верхушкахъ обоихъ легкихъ адмирала оставались слѣды давнишней чахотки, въ видѣ известково-переродившихся гнѣздъ. Эту чахотку и четыре огнестрѣльныхъ раны январьскаго покушенія поборолъ и переработалъ организмъ, но на эту послѣднюю борьбу уже не могло хватить никакой энергіи.

По перенесеніи адмирала въ палату, угрожающая сердечная

слабость продолжалась: конечности холодѣли, пульсъ временами совсѣмъ исчезалъ, не хватало воздуха для дыханія. Впрыснули камфору, къ рукамъ и ногамъ положили грѣлки; принесли подушки съ кислородомъ; пульсъ очень малъ и наполняется лишь на короткое время послѣ усиленныхъ вдыханій кислорода, глотка вина или эфирно-валеріановыхъ капель. Тоновъ сердца не слышно; по всей груди хрипы; отхаркиванія наружу никакого: раненый проглатываетъ кровь, поднимающуюся по дыхательнымъ путямъ.

Адмиралъ все время молчитъ, смотритъ проницающимъ, пытливымъ взоромъ, точно ища прочесть правду по глазамъ врачей. У постели безмолвнаго страдальца чередуются по часамъ врачи; часто навѣдываются консультантъ по хирургіи и главный докторъ, тщетно стараясь уловить хотя какой-либо признакъ улучшенія.

Жестоко томясь одышкой, адмиралъ почти безпрерывно требуетъ кислородъ, стараясь вдохнуть глотокъ воздуха въ изорванное легкое...

Несмотря на свои страданія, онъ находитъ въ себѣ силы оказать вниманіе стоящимъ передъ нимъ людямъ и произноситъ, обращаясь къ подающему съ ложечки холодную воду доктору Сѣчко: „зачѣмъ вы все стоите, сядьте“. Такое же приказаніе отдаетъ онъ старшему фельдшеру Иванову, придерживающему подушку съ кислородомъ.

Въ 9 часовъ вечера на консиліумѣ съ участіемъ главнаго доктора, консультанта по хирургіи, старшаго ординатора и младшихъ ординаторовъ, въ виду наростающей сердечной слабости, рѣшили сдѣлать подкожное вливаніе физіологическаго раствора поваренной соли и повторять періодически впрыскиваніе камфоры соотвѣтственно ослабленію сердечной дѣятельности. Пульсъ, возстановившійся отъ вливанія соляного раствора лишь на короткое время, снова не ощутимъ.

Раненый впадаетъ въ безпокойство, безпрерывно требуетъ кислородъ. Обильный холодный потъ. Дано нѣсколько капель мускусной настойки.

Въ 12 часовъ едва слышно шепчетъ: „кислородъ", показывая рукою, что не хватаетъ воздуха. Безпокойство растетъ...

12 часовъ 30 минутъ. Приподнимается немного, поддерживаемый врачемъ; рукою показываетъ, что не можетъ дышать... Подаютъ кислородъ, но это уже послѣдняя минута... Могучая душа оставляетъ истерзанное тѣло, уступивъ, наконецъ, смерти въ неравной борьбѣ.

Нѣкоторое время послѣ того, какъ покойный навѣки закрылъ глаза, въ палатѣ стояла гробовая тишина. Только что окончившаяся драма была слишкомъ высока для обычныхъ выраженій печали. Никто не произнесъ ни слова, только безмолвныя слезы катились по щекамъ...

Условились перевезти тѣло адмирала въ городъ, дождавшись разсвѣта.

Точно по какому-то невѣдомому сочувствію къ происходившему на землѣ, ночь съ 28 на 29-е іюня выдалась грозная и жуткая. По всей сѣверной сторонѣ неба растянулись мрачныя тучи, разсѣкаемыя молніей, съ далекими раскатами грома. Но вскорѣ послѣ полуночи, когда окончились страданія человѣка, смягчилось и стихло все и въ природѣ. Тучи разсѣялись, вѣтеръ стихъ почти совершенно.

Въ исходѣ 3-го часа ночи стало свѣтать на востокѣ.

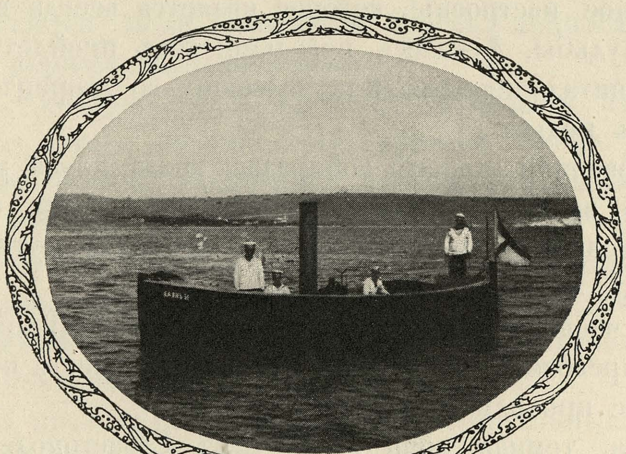
Еще съ полудня изъ дворца въ госпиталь вызвали адмиральскій караулъ и разставили вокругъ офицерскаго павильона, въ садикѣ и у воротъ. Люди, весь день съ тревогой прислушивавшіеся къ каждому слову о происходившемъ въ 6-й палатѣ офицерскаго павильона, оставались и всю ночь охранять умирающаго, и теперь по командѣ вполголоса выстроились передъ широко-раскрывшейся освѣщенной дверью для встрѣчи.

По корридору два санитара несли судовыя носилки. На нихъ лежало тѣло Главнаго Командира, покрытое бѣлой простыней. Не было золоченаго гроба, ни пышной парчи; не было музыки, шитыхъ мундировъ, ничего, что говоритъ людямъ о внѣшнемъ почетѣ, власти, величіи. Вокругъ была кучка людей, двѣ убитыхъ горемъ женщины. Но въ самой этой простотѣ и суровости было нѣчто великое, строгое и важное, что не со-

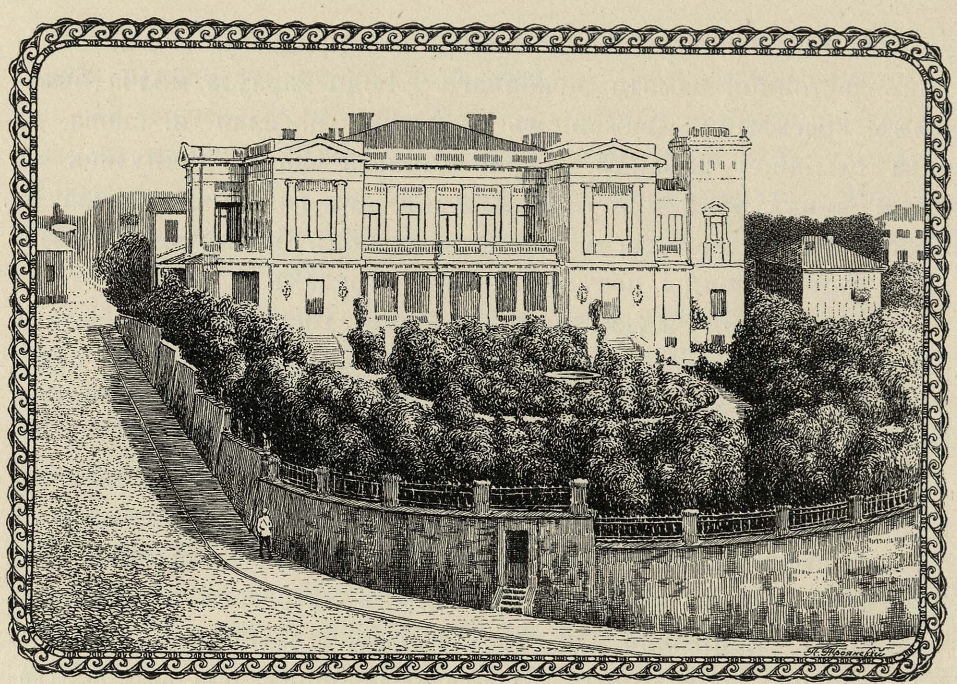
здается никакой внѣшней помпой и что придавало новый оттѣнокъ достойной памяти покойнаго. Люди караула молча быстрымъ красивымъ движенiемъ окружили носилки и, снова по едва слышной командѣ, мѣрно отбивая шагъ, двинулись къ морю внизъ, въ темноту извилистой дороги. Точно ожила въ лицахъ старая легенда о павшемъ на полѣ брани вождѣ, котораго вѣрные воины несутъ на своихъ рукахъ.

У пристани ждалъ подъ парами госпитальный катеръ „Баянъ", на который погрузили тѣло, уложивъ носилки поперекъ въ кормовой части. Около носилокъ помѣстилась семья, а въ носовую часть должны были сѣсть санитары.

Но тутъ настала снова волнующая минута, когда весь караулъ затолпился къ тѣсному „Баяну", чтобы не разстаться съ тѣломъ своего адмирала. Глубоко уже сѣлъ этотъ катеръ и пришлось настойчиво удержать остальныхъ матросовъ и водворить на другой, спецiально для караула назначенный катеръ, чтобы не слишкомъ перегрузить „Баянъ". Наконецъ, оба катера отвалили въ городъ, плавно скользя по невозмутимой водной глади...

„Баянъ".

Дворецъ.

Приближался вечеръ рокового дня 28 Іюня. Чувствовалось то тревожное настроеніе, которое является всегда въ ожиданіи рѣшеній судьбы. Думалось невольно: какъ пройдетъ эта ночь? А изъ госпиталя передавали по телефону во дворецъ, что исхода опредѣлить нельзя...

На сѣверной сторонѣ собиралась гроза; яркая молнія освѣщала небо, за ней долетали глухіе раскаты грома, еще темнѣе тогда становилось кругомъ. Какъ-то особенно жуткой казалась эта ночь...

Шли часы, тяжелые часы въ ожиданіи невѣдомаго...

Что превозможетъ: жизнь, или безконечность небытія?

И еще проходили часы...

Теплая, темная ночь легла надъ Севастополемъ. Въ ней потонули всѣ очертанія города. Тысячи огней загорѣлись яркими точками надъ моремъ по горамъ и на рейдахъ, отражаясь и играя длинными зигзагами на водѣ. Имъ вторили, блестѣли кое-гдѣ яркія звѣзды, и небо, казалось, сливалось съ землею.

Чуткое, встревоженное ухо улавливало, и почему-то только сегодня, какой-то щемящій душу, тяжелый, равномѣрный стонъ. Онъ проносился надъ моремъ, то усиливаясь, то ослабѣвая. Это стоналъ ревунъ рейдоваго буя, и что-то зловѣщее казалось въ этомъ стонѣ. Снова бѣжали часы.

Иногда вдругъ, какъ-то сразу, точно проснется и всколыхнется весь рейдъ: пронесутся звуки склянокъ, разливаясь, переливаясь разными тонами, и снова наступала тишина, снова тотъ же стонущій буй.

Думается: что-то тамъ въ госпиталѣ? Что теперь испытываетъ семья? Сосредоточенное, особое вниманіе окружающихъ лицъ приведетъ ли къ счастливому исходу? Мысли путаются, голова отказывается что-либо заключать, и вспоминаются святыя слова: „Да будетъ воля Твоя".

Послѣ полуночи передали тяжелую вѣсть: адмиралъ скончался.

Какъ не хотѣлось бы этому вѣрить...

Еще нигдѣ не знали этой вѣсти, а во дворцѣ все поднялось на ноги. Готовились принять уже только тѣло того, кто лишь полъ дня тому назадъ вышелъ отсюда полный жизни и надеждъ. Тихо, коротко отдаются распоряженія и указанія. Безшумно двигаются люди, выносятъ мебель, приносятъ цвѣты, закрываютъ зеркала параднаго зала.

И такъ, совершилось... Григорія Павловича нѣтъ... Еще одна жертва дикаго безумія... Не вѣрится, чтобы это могло быть. Бѣдная родина, охваченная повальнымъ безуміемъ... За что же? За что? Во имя чего?

Въ ассоціаціи идей переносишься въ госпиталь, гдѣ вся семья адмирала приняла его послѣдній вздохъ, думаешь: что должна испытать она въ эту минуту? Что можетъ вознаградить эту утрату, какъ она перенесетъ это?

И снова проходили часы, тяжелые, мучительные...

Предразсвѣтныя сумерки обрисовываютъ контуры береговъ. Едва отличаются силуэты броненосной эскадры. Поблекли огни и звѣзды. Мертвая тишина кругомъ. Отъ госпитальной пристани отвалилъ „Баянъ“. На простыхъ носилкахъ покрытое одной простыней, безжизненное тѣло адмирала слѣдуетъ на немъ вдоль своей эскадры. Небольшой конвой и семья только сопровождаютъ его. И не знаютъ еще на судахъ, что это ихъ адмиралъ... производитъ имъ свой послѣднiй ночной смотръ...

Тихо останавливается „Баянъ“ у Минной пристани. Носилки подаютъ съ катера, караулъ окружаетъ ихъ и медленнымъ шагомъ направляется во дворецъ. Мѣрно раздаются въ тишинѣ ночи среди безлюдныхъ улицъ шаги ночного кортежа. Случайный, запоздалый прохожiй смотритъ съ недоумѣнiемъ и проходитъ.

Начинается разсвѣтъ, когда тѣло адмирала вносится во дворецъ. Да, совершилось... Адмиралъ послѣднiй разъ вступалъ въ этотъ парадный залъ. Съ восходомъ солнца весь городъ узнаетъ эту вѣсть...

А въ открытое окно слышно, какъ тяжело и печально стонетъ буй...

Вотъ что, значитъ, пѣлъ онъ...

Нижній храмъ собора Св. Владиміра.

1 Іюля при погребальномъ салютѣ съ „Ростислава“ замкнулся склепъ, въ который былъ опущенъ гробъ съ останками адмирала.

Тяжелое, невыразимое чувство скорби охватило сердца тѣхъ, кто видѣлъ въ адмиралѣ высокій и недосягаемый идеалъ.

Глубоко поразила ихъ жестокая, неумолимая смерть того, въ которомъ для нихъ росла и крѣпла надежда и вѣра на свѣтлое будущее сознательнаго и честнаго служенія флоту, къ чему онъ велъ ихъ своимъ примѣромъ.

И не стало его, не было уже между ними учителя, но онъ оставилъ имъ свой завѣтъ безкорыстнаго служенія долгу до послѣдней капли крови...

Онъ умеръ, какъ мученикъ, за идею, и встрѣтилъ смерть съ сознаніемъ исполненнаго имъ безупречнаго долга передъ родиной. Совѣсть его была покойна. Духъ его и въ этотъ послѣдній часъ земной жизни былъ сильнѣе смерти...

Всколыхнулись глубокія чувства учениковъ его, что онъ пробудилъ въ нихъ и вылились они безхитростными криками сердца въ послѣднихъ рѣчахъ...

На морѣ, на эскадрѣ узнали мы о трагической смерти твоей, адмиралъ, и глубоко потрясенные горемъ, какъ во снѣ, спрашивали себя: неужели? Нѣтъ, неужели это случилось?...

Возможное и ожидаемое тогда казалось невозможнымъ...

Но твой прахъ въ гробу и сейчасъ будетъ преданъ землѣ...

Однако не умеръ твой духовный образъ. Онъ стоитъ живымъ передъ нашими глазами, — память о тебѣ будетъ всегда жива...

Въ годину тяжкихъ испытаній, постигшихъ Россію, ты высоко несъ знамя Россіи и твердаго, честнаго служенія отечеству. Ты показалъ намъ примѣръ высшей доблести, бывъ всегда одинаково мужествененъ и честенъ въ своемъ служеніи нашему Царю и многострадальной родинѣ...

Ты былъ нашимъ учителемъ, адмиралъ, въ морскомъ дѣлѣ и подавалъ собою примѣръ въ дѣлѣ честнаго, внимательнаго и требовательнаго отношенія къ службѣ и подчиненію.

Ты былъ великаномъ среди насъ, и тебя не стало. Тѣмъ большая скорбь наша, что у насъ нѣтъ тебя съ нами, но повторяю: Ты не умеръ и твоя большая работа тобой еще не кончена. На общественной нивѣ, орошенной твоею кровью, пролитой безумной, подкупленной рукой, выростутъ новые богатыри и великаны духа...

Такъ спи же мирно, адмиралъ, и прости намъ наши вины передъ тобой...

А. Г.

Желѣзная рука, которой держалось все въ Севастополѣ, рухнула... Человѣкъ, въ котораго всѣ вѣрили, передъ твердостью и непоколебимостью котораго всѣ съ изумленіемъ преклонялись, палъ отъ низкой и измѣннической руки. Палъ, честно и мужественно стоя на своемъ тяжеломъ посту.

За время его службы, его иногда обвиняли въ ошибкахъ; быть можетъ, онъ ихъ и дѣлалъ, но въ немъ была мощь, въ которой черпали себѣ силы и другіе. Его мощь была въ томъ, что въ него вѣрили; вѣрили, что эту желѣзную силу, эту непоколебимую волю и честность ничто не можетъ свергнуть; вѣрили, что эту твердыню, эту скалу ничто, кромѣ смерти, не въ состояніи сокрушить; знали, что ни подкупы, ни страхъ, никакія другія причины не могли заставить этого человѣка свернуть хоть на іоту съ того пути, по которому онъ шелъ прямо и честно.

Это былъ не простой человѣкъ, это была высота, передъ которой можно было лишь преклоняться, но достичь которой едва ли было возможно. Никто, даже его враги, которые говорили и писали о немъ всякія мерзости, никогда не посмѣли его упрекнуть въ томъ, что онъ не былъ честенъ. Честенъ не только въ обыденномъ смыслѣ этого слова, но и въ смыслѣ болѣе широкомъ, въ смыслѣ помысловъ и сокровенныхъ поступковъ. Онъ никогда не сдѣлалъ ни одной несправедливости, онъ никогда не покривилъ душой ни для кого и ни для чего. Никакія связи родства и знакомства не играли у него даже самой малой роли. Онъ былъ честенъ, строгъ и требователенъ по отношенію ко всѣмъ безъ исключенія, а особенно по отношенію къ самому себѣ. Онъ могъ сдѣлать попущеніе другому по добротѣ, но по отношенію къ себѣ у него не было попу-

щеній. Онъ никогда не осудилъ человѣка безъ вѣскихъ на то данныхъ; онъ всегда сначала узнавалъ все дѣло, и лишь тогда рѣшалъ ясно, прямо, справедливо.

Онъ умѣлъ карать, но умѣлъ и поддержать и утѣшить и, карая, онъ взвѣшивалъ всѣ обстоятельства, а лаская, онъ ничего не взвѣшивалъ,—онъ видѣлъ, что нужно доброе, теплое слово, нужно утѣшеніе, и давалъ его, давалъ щедро, не думая о послѣдствіяхъ.

Примѣромъ этого можетъ служить отношеніе его къ одному изъ участниковъ убійства, то былъ призванный изъ запаса на время войны матросъ Шатенко, бывшій на Востокѣ на эскадрѣ адмирала Рожественскаго и вернувшійся въ Севастополь. Ему надлежало уйти въ запасъ, но, такъ какъ онъ былъ раненъ, то боялся, что не сможетъ работать дома и долженъ будетъ погибнуть. Узнавъ это, адмиралъ принялъ въ немъ участіе и далъ мѣсто на дачѣ „Голландія", далъ спокойную жизнь. Такимъ образомъ онъ не далъ человѣку погибнуть. Думалъ ли онъ, что пригрѣлъ змѣю? Думалъ-ли, что человѣкъ, которому онъ спасъ жизнь, такъ измѣннически, такъ низко поступитъ? Заплатитъ за жизнь—смертью?

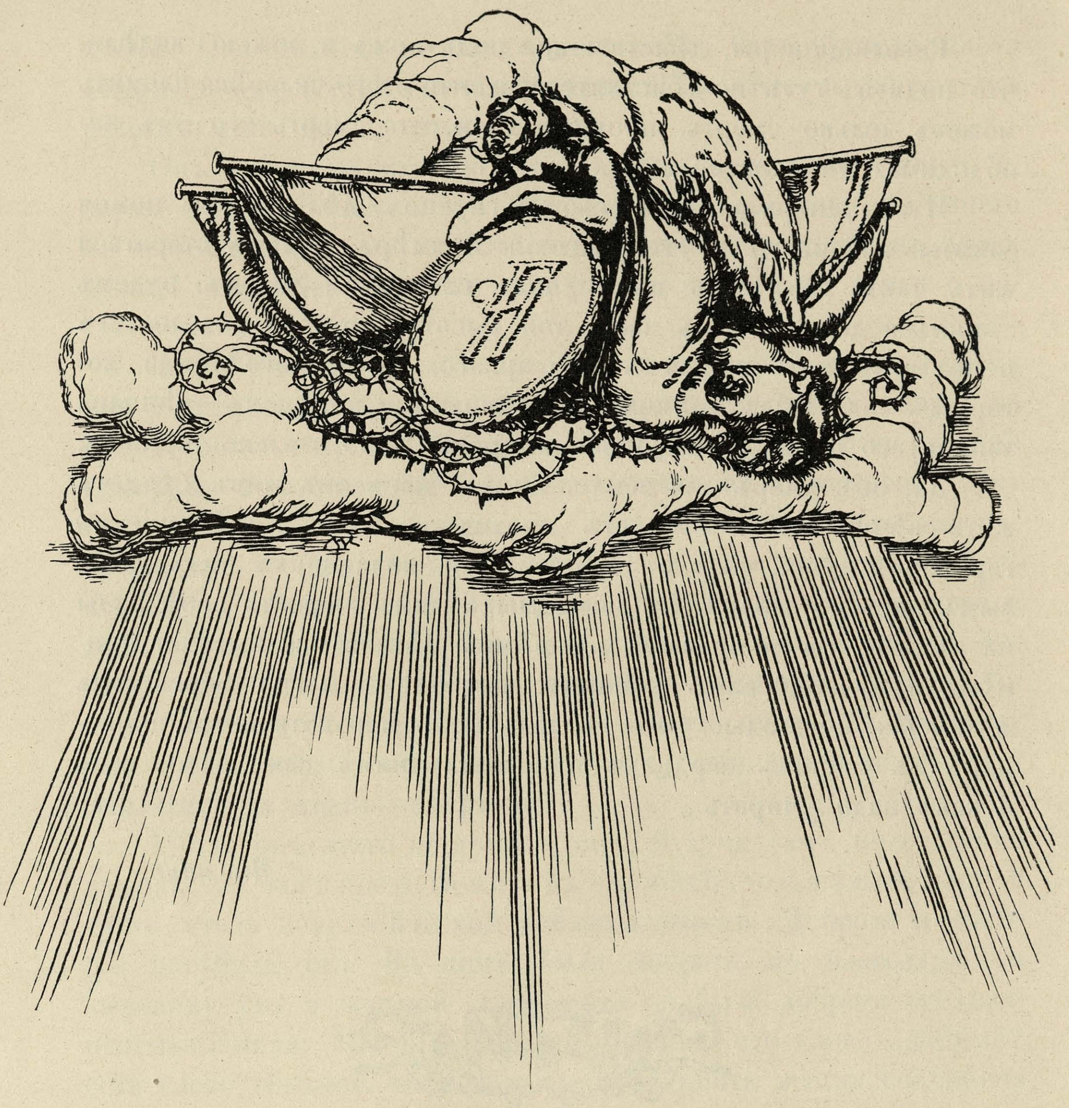
Нѣтъ, онъ этого не думалъ, онъ, будучи самъ недосягаемо высокъ, не могъ предположить въ человѣкѣ столь низкой, черной души, столь нечеловѣческой неблагодарности. Доброта и довѣріе погубили его. Въ немъ была доброта, но, благодаря его высокому уму и честной душѣ, это не была доброта вредная, неосмысленная. Часто слышишь мнѣніе, что слово „добрый" есть слово обидное, такъ какъ доброта почти всегда соединена съ недалекостью. У него такой доброты не было: у него она была осмысленная, полезная. Только такія высокія, честныя души, какъ его и Нахимова, могли воплощать въ себѣ умъ, твердость, строгую требовательность и доброту. У обоихъ покойныхъ адмираловъ было очень много общаго въ характерѣ и въ душевныхъ качествахъ. И жизнь кончили они одинаково, честно и беззавѣтно служа до послѣдней минуты Родинѣ и Царю, и были смертельно ранены въ одинъ и тотъ же день, 28-го іюня, въ томъ же городѣ, Севастополѣ.

Революціонеры, дѣйствующіе подкупомъ и ложью, видѣли, что подкупъ тутъ не дѣйствителенъ, что этого человѣка сломить можетъ только смерть, и они видѣли, что смерть его имъ необходима. Они достигли своего...

Пусть теперь радуются своему гнусному дѣлу, мы-же, помня завѣты покойнаго и его высокій примѣръ, будемъ стараться жить такъ, какъ онъ насъ училъ словомъ и дѣломъ, будемъ стараться достичь хоть части той высоты, которой онъ достигъ и получить хоть отблескъ того яркаго, лучезарнаго вѣнца, которымъ онъ былъ увѣнчанъ при жизни и которымъ увѣнчана теперь его память: вѣнца, въ которомъ было столько терніевъ.

Да, онъ умеръ для земли, но для насъ онъ живъ и будетъ жить вѣчно и вѣчно будетъ проливать свѣтъ и утѣшеніе въ горюющія души, силу въ души людей, падающихъ подъ тяжелымъ гнетомъ жизни. Въ немъ мы будемъ черпать себѣ силы на борьбу съ неправдой и измѣной. Помня его высокій примѣръ и мученическую кончину, мы будемъ легче переносить житейскія невзгоды. Онъ создалъ себѣ нерукотворный памятникъ въ нашихъ сердцахъ и показалъ намъ, какъ надо жить и какъ надо умирать..

Мичманъ.

Предъ престоломъ Твоимъ, Всемогущій Творецъ,
Нынѣ мученикъ новый склонился.
Онъ за правду Твою--Твой терновый вѣнецъ
Доброй волей принять согласился.

Въ дружбѣ сердце и воля и умъ жили въ немъ,
Но лишь сердце съ умомъ совѣщалось—
А рѣшенное ими—всегда и во всемъ
Волѣ твердой свершать доставалось.

Эта троица въ немъ не жалѣла себя,
Не жалѣла другихъ—коли надо...
Все, что могъ, все онъ Родинѣ отдалъ любя
И не ждалъ ни похвалъ, ни награды.

Онъ присягу, имъ данную, свято хранилъ
За Царя и за Вѣру святую,
Да за Родину—съ радостью жизнь положилъ,
Хоть и могъ бы взять долю иную.

Честь и благо родимой страны для него,
Честь родного, военнаго флага—
Выше личнаго счастья и выше всего,
И не можетъ быть высшаго блага.

И на стражѣ ихъ сталъ онъ и твердо стоялъ
Одинокій, но сильный любовью...
Онъ желѣзной рукой это знамя держалъ,
Окропивъ его собственной кровью.

Не по силамъ была темной силѣ борьба:
Свѣтомъ правды ихъ мракъ разгонялся.
И несмѣтная ихъ собралася гурьба—
Отомстить каждый сынъ ихъ поклялся.

И рѣшили они на совѣтѣ своемъ:
„Своего надо все жъ намъ добиться,—
„Негодяевъ мы купимъ своимъ серебромъ,
„Смерть носителя свѣта—свершится".

Негодяевъ нашли—и свершилась она:
Лучшій сынъ у Россіи скончался...
И ликуетъ власть тьмы—„все же наша взяла
„И успѣхомъ нашъ трудъ увѣнчался.

„Мы свободны теперь,—этотъ глупый народъ,
„Въ коемъ совѣсти нѣтъ и разсудка,
„Мы сумѣемъ заставить въ какой-нибудь годъ
„Даже Бога забыть для желудка.

,,И теперь уже онъ нашей водкой споенъ,
,,Смысла здраваго вовсе лишился,
,,И теперь уже онъ весь въ конецъ развращенъ,
,,Отъ труда и работы отбился.

,,Съ забастовками скоро начнетъ голодать,
,,И чему же тогда удивляться,
,,Коль златому тельцу будетъ честь воздавать
,,И какъ Богу ему поклоняться".

Предъ престоломъ Твоимъ, Милосердный Христосъ,
Рабъ Григорій стоитъ въ ожиданьи,
И рѣшить онъ старается жгучій вопросъ,
Заслужилъ ли свое оправданье?

Не зарылъ ли талантовъ, что Ты ему далъ,
Все ли сдѣлалъ, что Ты заповѣдалъ,
Правъ ли былъ, что законы земли исполнялъ,
Послабленья крамольникамъ не далъ?

,,И услышитъ онъ голосъ Твой, Правды Отецъ:
,,Нынѣ будешь со Мной неизмѣнно
,,И, принявъ въ воздаяніе славы вѣнецъ,
,,Будетъ радость твоя совершенна.

,,Не отъ міра ты былъ—и за то нелюбимъ,
,,Но ты избранъ отъ міра былъ Мною,
,,И какъ нѣкогда Я, ты былъ міромъ гонимъ
,,И за деньги былъ преданъ слугою.

,,Но страданьи твои принесутъ добрый плодъ:
,,Сократятъ они смутное время
,,И возстанетъ опять православный народъ
,,И свергнетъ онъ позорное бремя".

Н. С.

Какъ герой долга и чести, адмиралъ по праву лежитъ рядомъ съ Лазаревымъ, Нахимовымъ, Корниловымъ и Истоминымъ. Пусть же имя адмирала Чухнина оживляетъ въ насъ высшіе идеалы вѣрности, стойкости, мужества и чести. Пусть память о немъ останется навсегда священной, воодушевляющей на подвиги долга и самопожертвованія...

Ю. К.

Соборъ Св. Владиміра.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

М. Чухнина. Посвященіе.

А. Бѣломоръ. Предисловіе.

Текстъ трехъ телеграммъ Государя Императора.

А. Г. Памяти адмирала Г. П. Чухнина. 1

— Дѣтство, корпусная жизнь и первые годы службы Г. П. Чухнина (1848—1865—1886) 3— 12

— „Манджуръ“ . 13— 34

Назначеніе. — Заграничное плаваніе. — Отношеніе къ подчиненнымъ офицерамъ и матросамъ. — Передъ закономъ всѣ равны.

— „Память Азова“ 35— 60

Подготовленіе крейсера къ отплытію на Дальній Востокъ.— Воспитаніе и обученіе личнаго состава. — Буксированіе минныхъ крейсеровъ. — Дневникъ Г. П. Чухнина. — Г. П. Чухнинъ — младшій флагманъ эскадры Тихаго океана.

— Владивостокъ . 61—101

Взглядъ Г. П. Чухнина на Владивостокъ.—Оборудованіе и поднятіе Владивостока на степень первокласснаго порта. — Г. П. Чухнинъ — предсѣдатель комиссіи. — Расширеніе порта. — Открытіе сухого дока. — Отношеніе Г. П. Чухнина къ мастеровымъ порта. — Посѣщеніе мастерскихъ порта. — Открытіе памятника адмиралу Г. И. Невельскому. — Постановка памятника адмиралу В. С. Завойко и его сподвижникамъ. — Прощаніе Г. П. Чухнина съ Владивостокскимъ портомъ. — Г. П. Чухнинъ—Командующій отдѣльнымъ отрядомъ судовъ, возвращающихся изъ Тихаго океана.

— Морской корпусъ 103—144

Г. П. Чухнинъ, какъ педагогъ и администраторъ. — Плаваніе съ учебнымъ отрядомъ. — Планъ широкаго преобразованія корпуснаго строя. — Г. П. Чухнинъ—предсѣдатель комиссіи.—Проведеніе крупныхъ реформъ въ корпусѣ и на отрядѣ. — Новое назначеніе Г. П. Чухнина и его прощальное слово гардемаринамъ и кадетамъ Морского корпуса.

стр.

Ю. К., А. Г., Мичманъ. Севастополь 145—243

Заботы о воспитаніи личнаго состава и приведеніи Черноморскаго флота въ боевую готовность. — Бунтъ командъ Черноморской дивизіи. — Въ разрѣзъ со всѣми, основную причину безпорядковъ въ Черноморскомъ флотѣ Г. П. Чухнинъ видитъ въ работѣ политическихъ агитаторовъ. — Бунтъ на броненосцѣ «Князь Потемкинъ-Таврическій». — Заботы по порту. — Манифестъ 17-го октября 1905 г. — Мятежъ на «Очаковѣ» и его подавленіе. — Первое и второе покушеніе на Г. П. Чухнина. — Смерть.

Н. С. „Предъ престоломъ Твоимъ, Всемогущій Творецъ“ (стих.). 244—247

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

стр.
Портретъ Г. П. Чухнина (геліогравюра, автографъ).
Виньетка къ стихотворенію «Памяти адмирала Г. П. Чухнина» 1
Домъ въ г. Николаевѣ; мѣсто рожденія Г. П. Чухнина 3
Катеръ съ фрегата «Князь Пожарскій» 9
Фрегатъ «Генералъ-Адмиралъ» . 12
Канонерская лодка «Манджуръ» (фототипія).
Команда «Манджура» . 28
«Манджуръ» . 33
Крейсеръ 1 ранга «Память Азова» (фототипія).
Минный крейсеръ «Всадникъ» на буксирѣ 49
Катеръ съ крейсера «Память Азова» 48
Броненосецъ «Императоръ Николай 1-й» 59
Видъ Владивостока (фототипія).
Входъ крейсера 1 ранга «Дмитрій Донской» въ докъ (фототипія).
Западная часть Владивостокскаго порта. Арсеналъ и экипажскіе магазины . . . 74
Докъ и мастерскія . 75
Ледокольныя работы во Владивостокѣ 77
Домъ командира порта во Владивостокѣ 81
Г. П. Чухнинъ на проводкѣ своей верховой лошади въ саду командира Владивостокскаго порта . 87
Открытіе памятника адмиралу Г. И. Невельскому во Владивостокѣ (фототипія).
Прощаніе Г. П. Чухнина съ мастеровыми Владивостокскаго порта 93
Золотой терновый вѣнокъ отъ Владивостока на могилѣ Г. П. Чухнина 95
Броненосецъ «Сисой Великій» . 96
Г. П. Чухнинъ на балконѣ «Сисоя Великаго» 101
Морской корпусъ (фототипія)
Учебный отрядъ судовъ Морского корпуса 112
Крейсеръ 1-го ранга «Адмиралъ Корниловъ» 115
Миноносецъ «Пылкій» . 116
Столовый залъ Морского корпуса 135
Гербъ Морского корпуса . 144
Видъ Севастопольскаго рейда (фототипія).
Бывшія казармы, нынѣ офицерскій флигель въ Севастополѣ 156
Броненосецъ «Князь Потемкинъ-Таврическій», нынѣ «Пантелеймонъ» 170
Спускъ броненосца «Іоаннъ Златоустъ» 30-го апрѣля 1906 года 187
Крейсеръ 1-го ранга «Очаковъ», нынѣ «Кагулъ» 209
Крейсеръ 1-го ранга «Память Меркурія» 212
Дача главнаго командира Черноморскаго флота «Голландія» 228

стр.
Пристань Морского госпиталя въ Севастополѣ 230
Хирургическій павильонъ Морского госпиталя 232
Катеръ Морского госпиталя «Баянъ» . 235
Дворецъ въ Севастополѣ . 236
Нижній храмъ собора Св. Владиміра въ Севастополѣ 239
Виньетка къ стихотворенію Н. С. 244
Соборъ Св. Владиміра въ Севастополѣ . 247
Автографы Г. П. Чухнина помѣщены на 64, 67, 68, 69, 96, 155, 168, 183 и 191 стр.

Замѣченныя опечатки.

Стр.	*Строка.*		*Напечатано.*	*Надо.*
8	4	снизу	К. Л.	К—Л.
26	18	сверху	никогда	почти никогда
45	2	снизу	И вѣрно уйдетъ	И вѣрно—уйдетъ
45	12	„	прошло какъ	прошло, какъ
46	7	сверху	не такъ какъ	не такъ, какъ
46	8	„	не тотъ который	не тотъ, который
46	18	„	нужно	нужна
46	10	снизу	не ясно	неясно
46	2	сверху	поврежденіямъ	поврежденіемъ
78	13	„	мастрскихъ	мастерскихъ
86	6	снизу	воспоминаніяхъ когда	воспоминаніяхъ, когда
87	1	„	за мной, что-то	за мной что-то крикнулъ
107	6	сверху	ни послѣ—750 человѣкъ	ни послѣ,—750 человѣкъ
110	17	снизу	въ слухъ	вслухъ
133	5	„	и конецъ	конецъ
134	3	сверху	послушать какіе	послушать, какіе
138	16	„	штаба-адмирала	штаба адмирала
180	7	„	бунтовщиками	бунтовщиками,
185	13	„	главный командиръ	Главный Командиръ
208	5	снизу	поступлю какъ	поступлю, какъ
219	13	сверху	пойти	подойти
223	7	„	и здѣсь же	здѣсь же
234	11	„	Ннкто	Никто

2014104344

Кн. пост. № 117
12/III 1941 г
из Комн. Его Имп. Вел.

27 МАР 1941